

4С(Калм)
П-121
-50212-

Д. А. ПАВЛОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СТРОЯ
КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

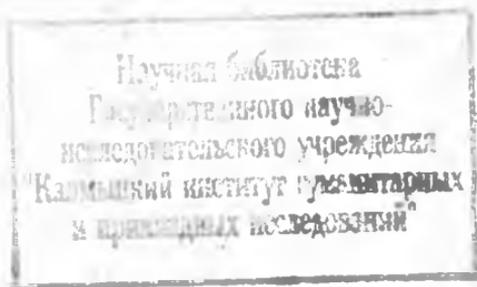
Д.А. Павлов

4С(Калм)
П-121

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СТРОЯ
КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Сборник научных статей

Издание второе

Элиста 2000

Первое издание данного сборника научных статей проф. Павлова Д.А. было осуществлено в 1994 году очень ограниченным тиражом еще при его жизни. В силу актуальности вопросов калмыцкого языкознания, освещенных в работах проф. Павлова Д.А., и в связи с приближающимся 90-летием со дня его рождения, возникла необходимость во втором издании этого сборника. Помимо того, во второе издание включены биографические данные, список научных работ и некоторые другие материалы, связанные с личностью автора. Я посчитала также необходимой буквальную перепечатку аннотации самого автора к первому изданию, а также информации о рецензентах и учреждениях, способствовавших появлению первого издания.

Цеденова С.Н., доцент, кандидат
филологических наук

Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка:
/Д.А.Павлов; Калм. гос. ун-т. Элиста, 1994. 270 с. ISBN 5-230-20108-8

Работа посвящена актуальным проблемам калмыцкого языкознания. Широкое освещение получили вопросы формирования и развития калмыцкого литературного языка, упрочения единых литературных норм. На обширном материале представлены история изучения "Тодо бичиг", развитие фонетической системы калмыцкого языка, основные этапы развития калмыцкой письменности. Большой научный интерес представляют исследования в области орфографии и орфоэпии, системы склонения, спряжения калмыцкого языка, а также и морфологического состава слова и словообразования.

Данная работа рассчитана на лингвистов, преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих калмыцкий и другие монгольские языки.

Печатается по решению Центра возрождения и развития калмыцкого языка и культуры.

Рецензенты: д-р.филол. наук, проф. Бурятского института
общественных наук В.И. Рассадин;

канд. пед. наук доц. Калм. ГУ У.У. Очиров

ISBN 5-230-20108-8

Калмыцкий государственный
университет, 1994

УЧЕНЫЙ - КАЛМЫКОВЕД Д.А.ПАВЛОВ.

Педагогической, научно-исследовательской и общественной деятельности Д. А. Павлов посвятил 60 лет жизни. Перу ученого-калмыковеда, доктора филологических наук, профессора Калмыцкого госуниверситета, заслуженного деятеля науки Калмыкии и России Павлова Д.А. принадлежит свыше 240 работ, более 140 из которых - труды по калмыцкому (и монгольскому) языкам. Это - учебники и учебные пособия, методические, научно-популярные и научные статьи, монографии, адресованные учащимся, студентам, учителям школ, журналистам и переводчикам, преподавателям вузов, научным работникам. Труды проф. Д.А.Павлова известны ученым Монголии, Китая, Венгрии, США, отдельные его работы переведены на монгольский и китайский языки.

Трудовую деятельность Павлов Д.А. начал в 30-е годы учителем школы для взрослых и районным организатором школ ликбеза. Он относится к поколению калмыцкой интеллигенции, заложившему основы зарождения современной калмыцкой культуры. Д.А.Павлов активно участвовал в ликвидации вековой безграмотности калмыцкого населения, в осуществлении всеобщего обучения детей, в создании и претворении в жизнь системы обучения на всех уровнях образования: начального, среднего, высшего.

С начала трудовой деятельности и до конца жизни Д.А.Павлов принимал активное участие в осуществлении важнейших мероприятий в области народного просвещения и культуры, в решении проблемных вопросов калмыцкого языка и письменности, он лично и руководимая им кафедра имели постоянную связь со школами и органами образования республики, участвовали в разработке научно-методической литературы и во многих других мероприятиях по повышению качества учебного процесса в школах.

Первые печатные работы Павлова Д.А. датируются 1932 годом; это - две статьи, изданные в Саратове, одна - об обучении правописанию на калмыцком языке, другая - об обучении счету. В 30-40 годы были выпущены также "Книга для чтения на калмыцком языке", "Сборник орфографических упражнений", "Букварь русского языка для взрослых", "Букварь калмыцкого

языка для начальной школы", "Книга для чтения /Умшлһна дегтр/" - учебник для 1 класса калмыцкой национальной школы; в соавторстве с У.У.Очировым опубликован "Синтаксис для средней школы". Для учителей в этот период были выпущены: пособие на калмыцком языке "Правила калмыцкой орфографии", "Сборник диктангов на калмыцком языке" (для учителей начальных классов), статья "Методические указания по обучению калмыцкому букварю", входящая в сборник "В помощь учителю".

В конце 50-х, в 60-е годы Д.А. Павлов с новой силой принялся за создание учебной литературы: стояла насущная задача восстановления системы образования Калмыкии. В 1957 - 1960 гг. он трудится директором Института усовершенствования учителей. Для начальной школы были подготовлены и изданы: Узгл. Букварь калмыцкого языка /1957, имел несколько переизданий/, Родная речь /Терскн келн/ для 1 класса /1960/, Родное слово /Терскн уг/, Книга для чтения в 1 классе /в соавторстве с К.Бадмаевой, 1969/. Примечательно, что Павловым написаны учебники калмыцкого языка для всех существующих /разных/ групп обучения: это - учебник для 1 класса с русским языком обучения "Харада", также, как и другие учебники, переиздававшийся несколько раз /первое издание "Харады" датируется 1971 годом/. С открытием в школах национальных классов Павлов издает букварь для подготовительного класса калмыцких школ "Байр" /1981/, претерпевший три издания; третье издание вышло из печати в 1993 году.

Были составлены программы по калмыцкому языку для разных ступеней образования. Первая из них - "Программа калмыцкого языка для русских групп" вышла в 1933 году в журнале "За социалистическую культуру", N2-3. Остальные: Программа по калмыцкому языку для начальной школы /1957/ имела несколько переизданий, Программа по калмыцкому языку для детских садов с методической разработкой /1981/, Программа по калмыцкому языку для подготовительного класса /1981/, Программа по калмыцкому языку для подготовительных классов с объяснительной запиской /1982/.

Из многочисленных статей методического характера назовем работы: "Об обучении калмыцкому языку в смешанных классах"

/“Хальмг үнн” ,1957/, серия “Грамматические таблицы для начальных классов по калмыцкому языку” /1977/, “Грамматические таблицы по калмыцкому языку для средней школы” ч.1 /1981/, ч.2 /1985/. Первая работа интересна адресатом - смешанные классы, достоинство других - наглядность, помощь в практической работе учителя. С 1970 года Д.А.Павлов почти четверть века работал заведующим кафедрой калмыцкого языка и литературы Калмыцкого государственного университета, профессором. Он читал в университете целый ряд курсов: фонетика современного калмыцкого языка, старописьменный калмыцкий язык, лексикология, калмыцкая диалектология, морфология современного калмыцкого языка, спецкурсы. Он автор нескольких вузовских учебников: Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика /1968/, Фонетика современного калмыцкого языка /1983/, Старописьменный калмыцкий язык “Тодо бичиг” /1979/. В “Грамматике калмыцкого языка” /1983/ Д.А.Павловым написаны 3 раздела: Морфология /“Общие сведения”, “Имя существительное”/, “Графика и орфография”. Д.А. Павловым составлены университетские программы: современный калмыцкий язык /1980/, диалектология калмыцкого языка /1971/, история калмыцкого языка и письменности /1970/. Д.А.Павлов многократно выезжал со студентами в диалектологические экспедиции.

Д.А.Павлов умело сочетал профессорскую деятельность с большой исследовательской работой, примером чего могли бы служить уже названные в этой статье выше его труды, но ими не ограничивается список работ проф. Д.А.Павлова.

Значителен вклад Д.А.Павлова в дело перевода калмыцкой письменности с лагинского алфавита на русскую графику, в исследование фонетической системы калмыцкого языка, в разработку графики и орфографии калмыцкого литературного языка, в усовершенствование современной национальной грамматики, в определение основ и норм калмыцкого литературного языка.

Область научных интересов Д.А.Павлова была весьма широкой; многие вопросы, которыми он занимался в течение всей жизни, были поставлены им еще в середине 30-х годов. Достаточно привести здесь названия опубликованных в тот период статей: “Об орфографии калмыцкого языка” /1935/, “О калмыцком

литературном языке" /1935/, "К вопросу о терминологии калмыцкого языка" /1934/, "О путях терминотворчества калмыцкого языка" /1935/. В 30-е годы вопросам языкового строительства в Калмыкии уделялось большое внимание: печатались статьи, систематически проводились конференции.

Научные заслуги проф. Д.А.Павлова связаны с исследованием следующих проблем:

1) в фонетике - фонетические особенности калмыцкого языка, редуцированные гласные, монофтонгизация дифтонгов, состав и классификация фонем;

2) в лексикологии - пути обогащения лексики калмыцкого языка: а) за счет внутренних ресурсов; б) за счет заимствований из русского языка; фонетическое освоение и грамматическое оформление заимствованных слов; калмыцкие этнонимы;

3) в диалектологии - фонетическая характеристика уральского говора, этнический состав калмыков и диалектная база современного калмыцкого языка, речь каракольских калмыков;

4) в истории калмыцкой письменности - происхождение "Тодо бичиг", фонетическая система "Тодо бичиг", история калмыцкой письменности, Зая-Пандита - создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка, "Джангар" и развитие калмыцкого литературного языка;

5) в грамматике - состав слова и словообразование в калмыцком языке, система склонения имен существительных, система спряжения глаголов.

Д.А.Павлов разрабатывал и общетеоретические вопросы калмыцкого языкознания такие, как: периодизация истории калмыцкого языка в тесной связи с историей народа, образование калмыцкого национального литературного языка, взаимодействие калмыцкого и русского языков, калмыцко-русское двуязычие, сравнительное исследование монгольских языков.

Д.А.Павлов писал труды и по лексикографии: он составил "Орфографический словарь калмыцкого литературного языка", принимал участие в создании словарей других жанров: терминологического, двуязычных.

Проф. Павловым написаны персоналии, посвященные В.Л.Котвичу, Б.Я.Владимирцову, Б.Б.Бадмаеву, Г.Д.Санжссу, Б.Д.Мунисву.

Наиболее актуальные работы Д.А.Павлова изданы отдельным сборником в 1994 г. В сборник вошли как ранее публиковавшиеся статьи, так и новые. В предисловии Л.Б. Олядыковой к сборнику дан анализ новых статей, отмечены научные заслуги проф. Д.А.Павлова, указаны в соответствии с его трудами основные направления дальнейшего развития науки о калмыцком языке. Иначе говоря, из работ проф. Павлова можно почерпнуть многие темы будущих исследований. К таким проблемам относятся, к примеру, история калмыцкого языка, спорные вопросы орфографии, диалектология калмыцкого языка, культура калмыцкой речи и др. Юбилейный сборник был опубликован в надежде на то, чтобы вызвать интерес у последующих авторов к поднятым в этих статьях темам, показать перспективу подобных исследований.

Таким образом, Д.А.Павлов был одним из старейших работников просвещения Калмыкии, крупным ученым-лингвистом, профессором университета.

Д.А.Павлов успешно занимался и общественной работой. Наглядным доказательством активной общественной деятельности проф. Д.А.Павлова является его послужной список. Около 30 лет Д.А.Павлов - председатель республиканского комитета защиты мира, удостоен золотой медали "Борцу за мир", более 10 лет он возглавлял педагогическое общество республики, награжден медалями: им. Н.К.Крупской, "Отличник народного просвещения", "Отличник высшей школы", дважды избирался депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР, долгие годы являлся председателем Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета Калмыцкой АССР.

Д.А.Павлов - ветеран войны, награжден многими медалями. На протяжении длительного времени трудился на руководящих должностях: директор Института усовершенствования учителей, зам. директора Калмыцкого НИИЯЛИ, зам. председателя Совета министров Калмыцкой АССР, заведующий кафедрой. Этот солидный список должностей и обязанностей Д.А.Павлова - свидетельство того, что Д.А.Павлов является ярким представителем своего времени - видным общественным деятелем советского периода нашей истории.

Л.Б. Олядыкова

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Наш отец родился за несколько лет до Октябрьской революции, принесшей так много драматических перемен стране в целом и изменившей судьбы миллионов людей. Он был старшим ребенком в многодетной крестьянской семье. Отец его едва умел расписываться, а мать, родная сестра известного в новейшей калмыцкой истории Лиджи Карвина, не могла даже делать и этого.

В конце 20-х годов отец вместе с другими подростками - калмыками был направлен на учебу на подготовительное отделение (рабфак) Саратовского университета, а затем - в Саратовский госпединститут. Учился он очень хорошо и, видимо, уже тогда решил посвятить свою жизнь просвещению и науке. Институт был окончен им в 1933г. К этому времени его семья пережила все, что пережили тогда миллионы крестьянских семей по всей стране: раскулачивание (и, к счастью, отмену этого акта, признанного «перегибом»), голод начала 30-х годов, приведший к смерти одного из его братьев, бегство семьи из голодного села в Элисту, где работавшим выдавали «твердый паек». В это же время были репрессированы два его дяди.

В 1933-1939 годах отец работал в школах и в органах Министерства просвещения республики. Вместе с тем он активно участвовал в языковом строительстве в Калмыкии (наряду с Б.Б. Бадмаевым и др.). На него еще со времен студенчества обратил внимание известный востоковед проф. Пашков Б.К. В 1939г. он пригласил отца в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Уже позже в 60-х годах Пашков Б.К. признавался одному из нас, что наш отец был его любимым учеником.

Принято считать, что проф. Павлов Д.А. посвятил научной и научно-педагогической деятельности 60 лет. Однако, к сожалению, это не так. Самые плодотворные годы (с1941 по 1957 г., когда отцу было 29-45 лет) были вырваны из его научной биографии начавшейся войной и последующей депортацией калмыцкого народа. После демобилизации из армии отец со своей семьей и самыми близкими родственниками оказался в городе Бийске Алтайского края. Ему не пришлось заниматься наукой: калмыковедение было запрещено, к тому же надо было просто выжить. Он окончил бухгалтерские курсы и почти десять лет проработал плановиком-экономистом в хозяйственных учреждениях и был при этом на хорошем счету. Благодаря его энергии и труду семья и родственники во время ссылки понесли минимальные потери. Мы, его сыновья, по окончании средней школы поступили сразу в Томский (1955г.) и Московский (1957г.) университеты соответственно. Один из нас связал свою жизнь с теоретической физикой и высшим образованием, другой - с геологией и проектно-изыскательскими работами. Он был доволен нашим выбором.

Отец вернулся к научной деятельности в 1960г. Все его значительные работы были выполнены после 50 лет. В этом отношении отец представляет собой замечательный пример человека, преданного науке до последних дней своей жизни.

Есть еще одна важная черта, свойственная отцу, и, видимо, многим представителям его поколения. Он не был только кабинетным ученым. Многие годы его жизни были посвящены тому, что называют государственной службой. Он был видным общественным деятелем нашей республики. Лейтмотивом всей этой деятельности были образование, культура и наука калмыцкого народа.

Последние 25 лет жизни отец неразрывно связан с Калмыцким университетом. Кафедра и факультет были для него вторым родным домом.

Отец прожил долгую, сложную и, как нам кажется, счастливую жизнь. У него была прекрасная и верная спутница жизни, наша мать Насунова Прасковья Дорджиевна, с которой он встретился в далеком 1935 году. Мы также не разочаровали его.

Павлов Санл Дорджиевич.

Павлов Савр Дорджиевич.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Данный труд профессора Д.А.Павлова представляет собой исследования автора, проводившиеся им с начала шестидесятых годов XX века. Исследования эти ранее были опубликованы в разных изданиях. Многие из этих публикаций стали библиографической редкостью.

В связи с тем, что за прошедшие годы вышел в свет целый ряд исследований по монголистике, автор счел необходимым уточнить, дополнить отдельные положения своих ранних работ. В предлагаемый том включены статьи: одни – в несколько переработанном виде, другие – в более или менее сокращенном варианте. Уточнению и редакции подвергались также некоторые названия статей.

Книга проф. Д.А.Павлова – глубокое и оригинальное освещение наиболее актуальных проблем калмыцкого языкознания, основанное на общих положениях монголистики, сформулированных в трудах акад. Б.А.Владимирцова и проф. Г.Д.Санжеева.

Д.А.Павлов – универсальный ученый, одинаково хорошо изучивший вопросы фонетики, орфоэпии, грамматики, лексики. Нельзя не отметить его заслуг в разработке калмыцкого алфавита, орфографии, норм калмыцкого литературного языка.

В широком кругу научных интересов Д.А.Павлова, наряду с указанными проблемами, важное место занимают и вопросы общего характера, в исследование которых он внес немало нового. Об этом свидетельствует и данный том, в котором собраны работы по изучению различных проблем калмыцкого языка.

Одним из несомненных достижений ученого представляется то, что многие явления калмыцкого языка он рассматривает в их истории, приводит немало исторических примеров и комментариев не только из старописьменного ойратского, но и старописьменного монгольского языков. Обращение к истории языка для объяснения фактов его современного состояния – важный метод, примененный Д.А.Павловым в его исследованиях вопросов теории и строя современного калмыцкого литературного языка.

Историческая фонетика, морфология, синтаксис, лексикология калмыцкого языка – области, еще недостаточно исследованные. Более детальному исследованию должен быть подвергнут старописьменный ойратский язык. Такое положение дел до недавнего времени объяснялось состоянием науки о калмыцком языке; на современном этапе языковедческая наука в области фонетики и истории, благодаря трудам проф. Д.А.Павлова, достигла того уровня, который позволяет перейти к разработке истории калмыцкого языка.

В книге дается богатый фактический материал из других монгольских языков – бурятского и монгольского, причем из последнего – в его синхронии и диахронии.

Поскольку публиковавшиеся труды Д.А.Павлова специалистам известны, хотелось бы остановиться на характеристике новых работ, представляющих большой теоретический интерес. Статья "Формирование и развитие калмыцкого национального литературного языка" посвящена общим вопросам истории калмыцкого литературного языка, в ней освещается процесс образования калмыцкого национального литературного языка, показано благотворное воздействие русского языка на калмыцкий.

Д.А.Павлов впервые из ученых – калмыковедов ставит вопрос о периодизации истории калмыцкого литературного языка, основанной на связи истории языка с историей народа, его культуры и литературы. Автор выделяет 3 периода, в каждом из которых выявляет и анализирует характерные особенности в развитии языка. История национального литературного калмыцкого языка рассматривается им в следующей последовательности: язык ойратской народности – язык калмыцкой народности – язык калмыцкой нации (калмыцкого народа).

Приводя примеры письменных памятников, существующих на старописьменном ойратском языке "Тодо бичиг", Д.А.Павлов совершенно справедливо не соглашается с теми мнениями, согласно которым калмыцкий язык относят к младописьменным языкам.

Особенно подробно анализируется ученым 3-й период – с октября 1917 года по настоящее время, который, в свою очередь, подразделяется на 2 этапа.

Среди прочих важных вопросов подробно рассматриваются: история калмыцкой письменности, общественные условия функционирования калмыцкого языка, дальнейшие пути его совершенствования, образование единых норм калмыцкого литературного языка как национального, рассматривается и устанавливается его диалектная база. Такой основой современного литературного языка признаются дербетовский и торгутский говоры. Большую научную ценность представляют разработанные автором принципы, положенные в основу нормирования калмыцкого литературного языка при диалектных различиях...

Пути перехода от языка народности к языку нации могут быть различны. К.Маркс и Ф.Энгельс в "Немецкой идеологии" писали: "... в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию нации, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией".

В формировании калмыцкого национального языка главную роль сыграли "историческое развитие языка из готового материала" (таким материалом явился старописьменный ойратский язык) и "концентрация диалектов в единый национальный язык". Переход к национальному периоду

развития общенародного литературного языка характеризуется прекращением дальнейшего диалектного членения языка. В настоящее время происходит усиленная нивелировка говоров калмыцкого языка.

В статье в хронологическом порядке прослеживается история развития калмыцкого языкознания.

Д.А.Павлов отмечает многофункциональность калмыцкого национального литературного языка, а это является одним из признаков развитого литературного языка.

Периодизация истории калмыцкого литературного языка до сих пор не служила предметом специального исследования. Ввиду того, что анализируемая статья – первый опыт изучения большой и сложной проблемы, в ней не все, естественно, представлено исчерпывающе.

Как рассматривается периодизация истории русского литературного языка в русском языкознании?

История русского литературного языка делится на 2 основных периода: донациональный или период развития литературно-письменного языка народности (древнерусской – великорусской) и национальный, начиная с середины XVIII века до современности. Такое членение истории русского литературного языка широко принято как отечественными, так и зарубежными историками русского языка. В каждом из указанных основных периодов выделяются более мелкие подпериоды. Донациональный и национальный периоды отличаются своими закономерностями развития.

Есть ли что-либо общее в истории русского литературного языка и истории калмыцкого литературного языка? Нельзя ли историю калмыцкого литературного языка также разделить на 2 основных периода: донациональной и национальной? Затем для каждого этапа в сравнительном плане указать его закономерности. К примеру, в национальный период развития литературного языка возникает его устно-разговорная форма, которая отсутствовала в древнюю эпоху, когда письменная форма литературного языка соотносилась с диалектной речью. Об этих закономерностях в статье Д.А.Павлова говорится, но в общем плане.

Что показалось интересным в других работах ученого?

В одной из работ, опубликованных в этом томе, Д.А.Павлов говорит о новом явлении в речи молодого поколения Калмыкии – образовании комечных открытых слогов типа: мал – маль "скотина", худг – худгъ "колодец". Отметим также тонкое наблюдение автора в отношении выпадения, а в необходимых случаях сохранения редуцированных гласных, вызванных фонологическими причинами противопоставления: дүр (- дүри) "образ" и дүрх (- дүрү) "прячь", зул (- зула) "лампада" и зуль (- зулу) "убегай", а также появления парогогических неясных гласных, вызванного указанными причинами: тус "напротив" и тусь (-гус) "попади", зун (- зуун) "сто" и зунь (- зун) "лего". Данное наблюдение Д.А.Павлова можно бы ориентировать исследователей на изучение современной

калмыцкой разговорной речи не только молодежи, но и представителей старшего возраста, в родной речи которых часто встречаются явления, не характерные для калмыцкой речи. Таким образом, возникла задача изучения не только русской речи билингвов, но и их родной. На повестку дня должен быть поставлен вопрос о чистоте, культуре родной речи.

В работе обстоятельно прослеживается развитие фонетической системы калмыцкого языка, образование новых фонем в калмыцком языке в отличие от монгольского и бурятского языков. Будучи тонким знатоком родного калмыцкого и монгольского языков, проф. Д.А.Павлов произвел глубокий анализ состава слов и словообразования, дал новую классификацию систем склонения и спряжения в калмыцком языке.

Во многих своих публикациях разных лет автор, говоря о существующем орфографическом разномое, о разномое в передаче заимствований, о диалектных различиях, о разных подходах к разработке и преподаванию тем "система склонения имен существительных в калмыцком языке", "спряжение глаголов калмыцкого языка" и др., призывал специалистов привести весь разнородный материал к единообразию, рекомендуя с аргументацией в большинстве случаев те или иные правильные формы. В настоящее время большая часть указанных вопросов разрешена, и в наиболее полном и точном виде эти проблемы раскрыты в "Грамматике калмыцкого языка" 1983 года и в новом более полном издании "Орфографического словаря калмыцкого литературного языка", нашли практическое применение в школьных учебниках. Однако все еще требуют уточнения отдельные вопросы орфографии, в частности, обозначения редуцированных гласных.

Существенный вклад внесен проф. Д.А.Павловым в изучение основных проблем калмыцкой диалектологии. Курс, читаемый им по данной дисциплине на протяжении многих лет в Калмыцком госуниверситете, и диалектологические экспедиции со студентами позволили ученому установить определенные закономерности в формировании диалектных особенностей калмыцкого языка. Но отдельные диалектные примеры, приводимые автором, вызывают сомнения. Например, отмечается, что дербеты говорят: манэ "наш", далэ "много", махлэ "шапка". Как мы знаем, дербеты (Ики-Бурульского района, например) говорят: мана, махла дала.

Книга проф. Д.А.Павлова, на наш взгляд, вносит серьезный вклад в изучение многих проблем калмыцкого языкознания и помогает ориентироваться в этих пока еще недостаточно изученных вопросах. Здесь уместно вспомнить о словах проф. Д.А.Павлова, сказанных им в разные годы в целом ряде трудов, о том, что по какой-либо разбираемой теме нет специальных работ. К сожалению, данные указания ученого не служат еще толчком к отдельному изучению выдвинутых проблем и в значительной мере справедливы для настоящего времени. В данном сборнике избранных работ Д.А.Павлова также намечены перспективы дальнейших изысканий. Сборник

издается, по нашему мнению, в надежде на то, чтобы вызвать интерес последующих авторов к указанным темам, показать перспективу и цель подобных исследований.

Данное исследование преследует также цель оказать теоретическую и методическую помощь учителям и преподавателям калмыцкого языка, а также студентам, изучающим родной язык. Книга будет полезна и для учителей и преподавателей русского языка, работающих в калмыцкой аудитории.

Л.Б. Олядыкова, 1994 г.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
КАЛМЫЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Калмыки – народ монгольского происхождения. Историческое их самоназвание – ойраты, т.е. союз близких между собой племен. Этот союз родственных племен, единых по языку и в этническом отношении, состоял в основном из четырех племен, поэтому он назывался дэрбэн ойирад – четыре ойрата (1). Ойраты были покорены монголами и присоединены к монгольской империи в 1207 году.

В отношении ойратов персидский ученый Рашид-ад-дин (1247-1318) писал: "Юртом и местом пребывания этих ойратских племен было Восьмиречье (Секиз-мурен). В древности по течению этих рек сидело племя тумет. Из этого места вытекают реки, (потом) все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм; последняя впадает в реку Анкара-мурен. Имена этих рек таковы: Кок-мурен, Ом-мурен, Кара-усун, Санби-тун, Укри-мурен, Акар-мурен, Джурче-мурен и Чаган-мурен. Эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было отдельное название ..." (2).

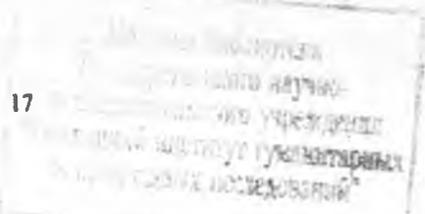
Издатели сочинения персидского историка, - пишет Эрдниев У.Э., - полагают, что река Кэм – это Енисей, так как в своих истоках он носит название Улу Кэм (Большой Кэм) и Кэмчин (Маленький Кэм) (3).

В истории Монгольской Народной Республики также сказано, что в области Секиз-мурен (Восьмиречье) обитали ойраты (4). Под Восьмиречьем (Секиз-мурен) имеется в виду Приангарский край, - пишет Румянцев Г.Н. (5).

После присоединения к империи монголов ойраты, всегда жившие обособленно на окраине монгольского мира, во второй половине XIII века расселились в Западной Монголии и Тарбагатайском крае. Падение в 1368 году монгольской Юаньской династии в Китае привело к дальнейшей консолидации ойратов на указанной территории и образованию отдельного Джунгарского государства. Ойратские племена постепенно консолидировались в ойратскую народность, составляя определенную этническую общность, говорящую на одном, относительно едином языке.

О языке ойратов Рашид-ад-дин писал: "Несмотря на то, что их

50212 -

язык монгольский, он (все же) имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен..."(Ойраты) всегда имели вождя и государя"(6).

Исходя из изложенного утверждения Рашид-ад-дина, можно заключить, что язык ойратов в ту эпоху действительно представлял собой один из диалектов общемонгольского языка.

На рубеже XVI-XVII вв. значительная часть ойратов, отделившись от своих соплеменников в Джунгарии, добровольно вошли в состав Российского государства. Они постепенно расселились на огромном пространстве в степях Нижнего Поволжья, Предкавказья, Дона, а также Урала и Оренбуржья.

Русские, как и турецкие народы, всех ойратов Поволжья и Джунгарии называли калмыками. В тюркоязычном мире ойраты повсеместно получили название "калмак", т.е. народ, отделившийся, отколовшийся от общемонгольской империи.

В России постепенно начала складываться особая калмыцкая народность. Вместе с тем стал формироваться и калмыцкий литературный язык.

Калмыцкий литературный язык в плане его исторического развития можно подразделить на три периода. Ранний или общемонгольский период - с незапамятных времен до конца XIV века. Этот период характеризуется тем, что в то время язык ойратов представлял собой один из диалектов монгольского языка. Ойраты, входя в состав монгольской народности, пользовались общемонгольским письменным языком "Худма бичиг". Средний период делится на два этапа. Первый - с конца XIV века по первую половину XVII века. В течение этого этапа формируется самостоятельный ойратский язык вместе с формированием ойратской народности. Данный этап завершается в середине XVII века созданием старокалмыцкой или Зая-Пандитской письменности "Тодо бичиг" и общеойратского литературного языка.

С добровольным вхождением различных поколений ойратов в состав Российского государства, как было уже сказано, за ними окончательно закрепилось название "калмыки". С этого времени начинается второй этап среднего периода развития калмыцкого языка, который завершается 1917 годом. На этом этапе происходит дальнейшее развитие калмыков как самостоятельной народности со своим разговорным и письменным языками, развивавшимися на основе общеойратской традиции.

С октября 1917 года начинается новый, третий, период в развитии калмыцкого языка. В этот период калмыки из народности превращаются в нацию, калмыцкий язык становится языком этой нации.

Как видно из изложенного, здесь дана лишь обшая схема периодизации. Обстоятельное изучение калмыцкого языка по указанным периодам является предметом специального исследования. Мы задались целью осветить отдельные вопросы этой большой проблемы в плане формирования и развития калмыцкого национального языка, особенно его письменной-литературной разновидности.

Следует отметить, что процесс образования самостоятельных монгольских языков, как указывал Г. Д. Санжеев, в основном протекал в XIV-XVII столетиях, а на рубеже XVI и XVII веков завершается процесс сложения современной грамматической системы монгольских языков и образование долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных б, h, г и ж (7). В этот период происходит так называемый третий перелом гласного и, что повлекло за собой существенную эволюцию и в фонетическом облике языка ойратов. В результате этого произошла взаимная ассимиляция двух качественно различных гласных: и и у-ү, и и э, э и х: зурһа:я, заһасун, цусун, чолуун, шудун, доло:, едер, вместо жирһуһан "шесть", жһасун "рыба", чһсун "кровь", чһлаһун "камень", дһдһун "зубы", жһлуһа "повод", эдур "день" и др. В указанный период в языке ойратов свистящая аффриката дз развилась в спирант з, а смичный к сохранился без изменения и употреблялся во всех словах с гласными переднего ряда, а в словах с гласными заднего ряда этот согласный встречается в сочетании с нейтральным н: салкин "ветер", цокиху "бить".

А. Бобровников в середине XIX века указанный смичный согласный к транскрибирует как кх (8). Данный согласный встречается и теперь в языке каракольских (ИССЫК-КУЛЬСКИХ) калмыков. Этот согласный представляет собой своеобразную аффрикату с начальной заднеязычной смичкой, напоминающую собой согласный к, и со шлевой размичкой наподобие х. Со временем он развился в особую глухую к, составляя оппозицию звонкому г.

Что касается увулярного смичного твердого согласного к, то Г. Д. Санжеев отмечает, что "... в XVII в. увулярный к общемонгольского происхождения уже подвергся спирантизации в виде х: кэра → хара, "черный", бака → баха "лягушка" и т. д. Этот смичный к сохранил до сих пор свое исконное качество в калмыцких словах типа така

"курица" или зовал "сочинение"(9). В настоящее время данный согласный в калмыцком языке (стречается только с гласными заднего ряда. Теперь он является заднеязычным отодвинутым назад смычным сильным аллофоном согласного к. Развитие увулярного смычного к в щелевой увулярный х привело к образованию фонологической пары х и н.

Таковы в общих чертах те фонетические изменения, которые произошли в калмыцком языке в средний период его развития. Кроме того, тогда произошли значительные морфологические, лексические и синтаксические изменения.

В России в новых исторических условиях, калмыцкий устно-разговорный и письменно-литературный языки развивались и функционировали в иноэтническом и иноязычном, преимущественно русскоязычном окружении. На развитие калмыцкого языка известное влияние оказывали и другие контактирующие языки, в частности, тюркские.

Известный калмыковед Ю.Лыткин, зырянин по национальности, внесший значительный вклад в калмыковедение, отмечая появление в калмыцком языке под влиянием тюркских языков таких новых качеств, как мягкость, гибкость и упругость, писал: "...живость и необыкновенная сжатость, удивительная беглость и кипучесть живого говора ойратов вполне выражали их жизнь кипучую, деятельную" (10).

Здесь дана весьма тонкая и точная характеристика языка калмыков. Влияние тюркских языков на язык ойратов стало более ощутимым особенно со времени отделения ойратов от монголов, когда ойраты стали непосредственно контактировать с тюркскими народами и между ними установились более тесные связи. Эти связи калмыков с турками, особенно с татарами, еще больше укрепились в Поволжье. Неслучайно в калмыцкий язык проникло значительное количество тюркских слов: терз "окно", едмг "хлеб", шам, шомр "лампа", киилиг "рубашка" (хошуты и теперь произносят по-тюркски киилиг и др.). Наблюдается замена у торгутов слов родного языка татарскими, например, судь вместо арва "овес".

В отношении замечания Ю.Лыткина о смягчающем влиянии тюркских языков на калмыцкий следует ввести ясность. Смягчение в калмыцком языке произошло в основном вследствие внутривидового развития, происшедшего в самом калмыцком языке. Тюркское влияние лишь ускорило этот фонетический процесс.

Можно указать на следующие фонетические явления:

1. Влияние исторического я при его редукации на заднерядные гласные, повлекшее за собой переход твердых гласных в мягкие: тэвн ← табин "пятьдесят", хэри ← хорин "двадцать", хурм ← хурим "свадьба". Это привело к образованию переднерядного э.

2. Развитие дифтонгов и двослогов в долгие монофтонги, в том числе переднерядные: э: ← ои ← ойи "лес", нэ: ← наи — "надежда", хен ← хоив ← хойин "овца", э:мьг ← аймаг ← айймаг "аймак". Дифтонг а двослог айи развились в переднерядный долгий э:.

3. Перелом гласного и: нуди ← нидун "глаза", шуди ← шидун "зубы".

4. Образование мягких согласных л', н', д', т' как особых фонем под палатализирующим влиянием соседней исторической и: хал'сын ← халисун "кожура", хан'ъ ← хани "коллега", бод'ъ ← боди "материя", хат'ъг ← хатиг "чирей".

В образовании мягких согласных позитивную роль сыграл и русский язык. Калмыки без акцента стали произносить русские слова с мягкими согласными, в том числе мягкий р': букварь, словарь. Фонологическое противопоставление мягких согласных л', н', д', т' соответствующим твердым согласным л, н, д, т привело постепенно к образованию гласных и, у: в сочетании с гласными и, у; например: буулий "проколим", буулий "похвалим", ханн "решетки", ханн "коллеги", бодн "крупного скота", бодн "материя", партн "парты", партин "партия".

5. Нарушение закона гармонии слога. Согласно этому закону увулярные согласные х, г могли сочетаться только с гласными заднего ряда, заднеязычные согласные к, г — с гласными переднего ряда. Этим следует объяснить подчинение заимствуемых слов указанному закону: хуттр ← хутор, Хазн ← Казань, Ховн ← Кубань, Харм ← Крым. Со временем этот закон стал нарушаться. Там, где произошло образование мягкорядных гласных под влиянием соседнего исторического и, согласные х, г сохранились как смягченные варианты соответствующих твердых х и г: напр. нэ: ← наи "плохой", хээжъ ← хайиху "искать", хэрнь ← харин "но".

В результате указанных фонетических процессов многие слова, ранее имевшие заднерядную согласовку, получили переднерядную и образовались слова с мягкими согласными. Такой процесс стал возможным вследствие редукации кратких гласных непервых слогов слова.

Все указанные процессы имели важное значение в становлении и развитии фонетической системы калмыцкого языка.

Формирование национального языка неотделимо от формирования нации. Оно было связано с созданием национальной государственности на первом общекалмыцком съезде Советов, состоявшемся в пос. Чилгир в июле 1920 года. На съезде была принята "Декларация прав трудового калмыцкого народа," провозгласившая образование автономной области в составе РСФСР и объединения разбросанных частей калмыцкого народа в одну административно-хозяйственную автономную единицу (11). Калмыцкая автономная область была юридически оформлена Постановлением ВЦИК 4 ноября 1920 года.

Ядром создания автономии явились калмыцкие улусы бывшей Астраханской губернии. В "Декларации" перечисляются эти улусы, а также Большедербетовский улус Ставропольской губернии, занимавший пограничное положение с Астраханской губернией. Затем в течение 1921-1925 годов в Большедербетовский улус переселились кумские, терские, кубанские, донские, оренбургские и уральские калмыки. Столицей автономной области стал с 1927 года город Элиста.

Воссоединение народа в единое целое предоставили необходимые предпосылки для успешного строительства нового общества.

22 октября 1935 года - к 15-летию автономии Постановлением ВЦИК СССР Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Уже в предвоенные годы в результате бескорыстной помощи русского и других народов в Калмыкии победили новые производственные отношения, сложилась однотипная социальная структура населения. Эти преобразования, успехи в экономическом и культурном развитии республики содействовали процессу формирования калмыцкой нации,

способствовали процессу сложения национального языка. Национальный язык - категория историческая: он складывается в период преобразования народности в нацию. При этом мы исходим из того общетеоретического положения, что в "структурно-языковом отношении национальный язык полностью наследует структуру языка народности... что в эпоху сложения нации развиваются процессы укрепления языкового единства, нивелировка местных диалектных особенностей, происходит становление единых норм для всех носителей языка... что в этот период складывается единый письменный и устный литературный язык на общенародной основе" (12). Далее указывается, что развитие языка в национальную эпоху превращает лите-

ратурный язык нации в обработанный, нормированный высший тип национального языка, имеющий как письменную, так и устно-разговорную форму (I3).

Исходя из этих отправных положений, следует отметить, что калмыки еще до революции имели сложившуюся письменную традицию и довольно значительные по тому времени письменные памятники. На старописьменном калмыцком языке было издаво некоторое количество оригинальной исторической, юридической литературы, отдельные произведения устного народного творчества, в том числе эпос "Джангар". Переведены с русского на калмыцкий язык ряд сказок, а также Евангелие. Архивные источники свидетельствуют о том, что большой интерес представляют письменные документы на "Тодо бичиг" по вопросам ойратско-русских отношений (деловые письма ойратов, свидетельствующие об их стремлении установить дружественные, братские отношения с русским народом, добровольном вхождении ойрато-калмыков в состав Российского государства). В свете сказанного представляется неправомерной точка зрения, высказываемая в обобщающих социолингвистических трудах, согласно которой калмыцкий язык отнесен к младописьменным языкам, получившим письменность лишь после революции (I4).

Другое дело, что общественные функции старописьменного калмыцкого языка в дореволюционной Калмыкии были весьма ограниченными. Знающих этот язык людей было крайне мало. Старокалмыцкий письменный язык со временем стал книжным, малодоступным для широких слоев населения. В связи с этим после Октября встала настоятельная необходимость замены старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" новой доступной широким массам населения письменностью и решения актуальных проблем развития калмыцкого литературного языка в условиях советской действительности.

Здесь следует особо подчеркнуть значение нового периода в развитии калмыцкого литературного языка. Этот новый, третий, период в развитии калмыцкого литературного языка подразделяется, в свою очередь, на два этапа:

- а) первый этап - от 1917 года до середины пятидесятых годов;
- б) второй этап - с середины пятидесятых годов по настоящее время.

В течение первого этапа нового периода неоднократно решались вопросы перехода на новую письменность. Огромные задачи, выдвинутые революцией в области развития экономики и культуры малых

народов, в том числе и Калмыкии, требовали создания письменности, которая отвечала бы духу времени. Такой письменностью явилась новая калмыцкая письменность, основанная на графике русского алфавита. Фонемный состав калмыцкого языка получил тогда отражение в пределах букв русского алфавита.

С 1919 года начали выходить газеты, отдельные брошюры и сборники на калмыцком языке, отпечатанные русским шрифтом. Газеты тогда печатались обычно в двух шрифтах: калмыцком и русском. Официальный же перевод старокалмыцкой письменности на новую был осуществлен в 1925 году. В первый период перехода на новую письменность большой спор вызвала система обозначения специфических фонем калмыцкого языка. Эти фонемы сначала обозначались обычными буквами русского алфавита с двумя точками сверху.

Затем в 1926 году было решено буквы с точками сверху заменять латинскими буквами и сочетанием букв дж и нг. В 1928 году на второй языковедческой конференции было решено принять буквы: я, э, ю, ж, нг для обозначения фонем э, е, у, ж и н, а фонемы һ и г передавать одним знаком г.

В середине 20-х годов организуется Калмыцкое книжное издательство, создается писательская организация, издаются отдельные художественные произведения и поэтические сборники. Широкий размах получают переводы с русского на калмыцкий язык, начальные школы стали переводиться на родной язык обучения.

Переход на новую письменность выявил огромный разрыв, существовавший между живой речью калмыков и старокалмыцким письменным языком, наличие диалектных различий в языке.

Изучения письменных источников на новой письменности показывает наличие большого разнообразия в правописании, смешение разных принципов письма. Писали в первое время, как говорится, кто во что горазд. Орфографический разнобой тянулся почти до IУ языковедческой конференции, состоявшейся в мае 1934 года.

В начале 1930 года Калмыкия перешла на новую латинизированную письменность. Специфические фонемы калмыцкого языка на этой письменности передавались особыми буквами. (Изменения в алфавитной системе смотрите ниже в статье "Основные этапы развития современной калмыцкой письменности").

В этот период проводилась большая работа по развертыванию сети школ для детей и взрослых, по ликвидации безграмотности, проводились культпоходы, культштурмы. Коренизация делопроизводства

государственных учреждений, начавшаяся во второй половине двадцатых годов, получила дальнейший размах.

С этого времени калмыцкий язык стал объектом серьезного изучения в учебно-методическом, научно-исследовательском плане. Начали издаваться учебники, учебные пособия для начальных школ и школ взрослых. Калмыцкий язык начал изучаться в высшем учебном заведении при педфаке Саратовского университета им. Чернышевского. Здесь впервые в истории Калмыкии начали готовиться педагогические кадры высшей квалификации по калмыцкой филологии и истории.

В деле дальнейшего развития калмыцкого литературного языка, его терминологии, орфографии и определения диалектной базы литературного языка большое значение имели постановления IV республиканской языковедческой конференции. На этой конференции было решено орфографию современного калмыцкого языка построить на фонетико-морфологическом принципе и строго придерживаться закона гармонии или сингармонизма гласных. Здесь же было решено в основу калмыцкого литературного языка положить торгутский и дербетский говоры. Данный вопрос вызвал на конференции серьезный спор (15).

Изложенное выше позволяет заключить, что первый этап нового периода в развитии калмыцкого языка, охватывающий 20-30-е годы и соотносится с этапом консолидации калмыцкой народности в нацию. В указанные годы были решены основные вопросы создания современного литературного языка. Если сравнить между собой языки калмыцкой народности и нации, то при формировании национального языка прежде всего ликвидируются расхождения ("ножницы") между народно-разговорным и письменно-литературными языками, существенно расширяется объем общественных функций литературного языка, серьезные изменения претерпевает лексико-фразеологическая система, происходит стилистическая дифференциация языка, существенно стираются диалектные различия. В результате всего этого национальный калмыцкий язык по отношению к языку калмыцкой народности поднимается на качественно новую ступень в своем развитии.

Весной 1938 года калмыцкая письменность была вновь переведена на русскую графическую систему. Специфические фонемы калмыцкого языка обозначались с двумя точками сверху и сочетанием букв дж, нь, нъ. В 1941 году они были заменены буквами: э, е, у, х, н, ң.

На У языковедческой конференции, состоявшейся в мае 1939 года, получили свои решения вопросы орфографирования заимствованных слов, пунктуации современного калмыцкого языка, отдельные вопросы грамматики и терминологии, дальнейшего уточнения норм литературного языка при диалектных различиях. Итоги этой большой работы были обобщены в своде правил по калмыцкой орфографии и нормированию правописания, изданном в 1940 году (16).

Далее необходимо отметить, что в связи с грубым извращением национальной политики, выразившегося в ликвидации автономии и насильственной депортации калмыцкого населения в Сибирь в 1943 году в развитии его языка, особенно со стороны общественных функций, произошли негативные изменения, последствия которых сказываются и поныне. И только восстановление Калмыцкой АССР во второй половине пятидесятых годов дало начало внешнему второму этапу в развитии калмыцкого литературного языка.

Второй этап нового периода характеризуется завершением формирования нового калмыцкого литературного языка, стабилизацией и дальнейшим совершенствованием его литературных норм. Калмыцкий язык подвергается всестороннему научному изучению. В этот период началось развитие массового калмыцко-русского двуязычия, в связи с чем наблюдается все возрастающее влияние русского языка на калмыцкий язык. Этот этап соотносится с периодом, когда происходит завершение формирования и дальнейшее развитие калмыцкой нации. По времени он соответствует 60-70-м годам нынешнего столетия.

Следует особо подчеркнуть, что, определяя диалектную базу калмыцкого литературного языка, необходимо было установить те критерии, на основании которых можно было бы выработать единые нормы при имеющихся диалектных различиях. Для этого надо было знать эти различия, тенденцию их развития, особенно в области фонетики и лексики. В выяснении этих вопросов известное содействие оказали старокалмыцкий и отчасти старописьменный монгольский языки.

Было установлено, что диалектные расхождения калмыцкого языка находятся на уровне говоров и подговоров. Торгутский и дербетский говоры, различия между которыми сравнительно незначительны, не были тогда достаточно изучены. Все ойратские племена к периоду возникновения Джунгарского государства имели относительно единый язык, что позволило Зая-Пандите создать единую

письменность и литературный язык. Представители Калмыкии, встречаясь с дербетами Монголии, торгутами Синьцзяна, хошутами Тибета, не только могут свободно объясняться с ними, но сразу ощущают дух и природу их языка, близкого во многом с их родным языком. Материалы, опубликованные в недавнем прошлом А.М. Позднеевым, Б.Я. Владимирцовым и в наше время Э. Вандуем, Х. Лубсанбалданом и другими учеными, свидетельствуют об относительном единстве языка всех ойратских племен в историческом прошлом.

Диалектные различия, которые выявлены в речи торгутов и дербетов, образование ряда подговоров – это явления, относящиеся не к общеойратскому, а более позднему периоду, возникшие уже, в основном, в языке калмыков Поволжья в дореволуцционное время.

Отрыв части калмыков и вхождение их в состав Оренбургской, Уральской, Ставропольской губернии и Области Войска Донского привели к известному территориальному, экономическому и культурному разобщению указанной части калмыков. Это привело в свою очередь, к увеличению имевшихся среди торгутов и дербетов небольших диалектных различий и к образованию подговоров в составе основных говоров.

По классификации акад. Б.Я. Владимирцова (17), ойратские, или калмыцкие, говоры отнесены к западной ветви монгольского языка. Самую западную группу составляют говоры поволжских калмыков.

Что касается уральских, оренбургских калмыков и группы калмыков, проживавших по Куме, Тереку и на Кубани, то они не могут больше считаться носителями самостоятельных говоров или подговоров, так как они смешались с основным населением республики. Донские калмыки – бузава, которые также перекочевали в Большедербетовский, ныне Городовиковский район, живут относительно компактно, сохраняя свои языковые особенности. Язык большедербетовских калмыков нельзя относить к отдельному подговору. Их язык ничем не отличается от языка остальных калмыков живших дербетовских улусов. Можно провести лишь десяток слов и выражений, которыми они различаются.

Изучение языка (говоров) уральских, оренбургских, кумских, терских, донских и каракольских калмыков имеет сутобо теоретическое значение при изучении истории образования общенационального языка.

Таким образом, диалектную базу современного калмыцкого литературного языка составляют торгутский и дербетский говоры,

различия между которыми, как было сказано, крайне незначительны. Торгутский говор теперь имеет волжско-каспийский и каракольский подговоры, а дербетский — бузавинский подговор.

В настоящее время носители тех или иных говоров и подговоров, особенно пожилые люди, в какой-то мере сохранили свои диалектные особенности. Однако происходит усиленная нивелировка всех говоров и подговоров калмыцкого языка. Этому способствует принятие единые нормы калмыцкого национального языка.

Звуковой строй калмыцкого литературного языка изучен достаточно полно на основе экспериментального исследования. Что касается говоров, то они по своему фонемному составу почти не различаются. Расхождения в области гласных по говорам заключаются в позиционных звукосоответствиях, то есть одинаковые слова имеют разные гласные в первом слоге в позиции перед согласными в, м, например, у торгутов умшх "читать", увл "зима", у дербетов омшх, евл. В области согласных различия также незначительны, они сводятся к тому, что в торгутском говоре мягкие согласные н', д', т' не являются самостоятельными фонемами.

Сравнительно богата и разнообразна лексика калмыцкого языка. Значительный пласт лексики составляют слова, вошедшие из санскрита, тибетского, монгольского и китайского языков. Это религиозная, медицинская, философская, астрологическая терминология, вошедшая в калмыцкий язык в связи с проникновением буддизма, и слова официально-деловой сферы, свидетельствующие о былых тесных контактах с другими народами. Определенная часть лексических заимствований была связана и с переводной литературой. Калмыцкий язык постепенно пополнялся лексическими элементами из тюркских, других восточных языков благодаря историко-культурным контактам с другими народами. В этом отношении большое значение имело то, что прежняя родина калмыков — Джунгария — находилась на скрещении важных торговых путей из стран Дальнего Востока в Туркестан, Россию, Иран, Переднюю Азию и обратно. Немало в калмыцком языке слов, выражающих социальную структуру феодального общества, например: мухла "холоп", "крепостной", хар яств "двостолудины", цахан яств "дворяне", сээчүд "привилегированная знать", воив "князь", зээсн "дворянин", тээж "принц", хан "царь", зарц "батрак".

В современных калмыцких словарях слово мухла неправильно трактуется как "раб". "Раб" в общемонгольской традиции передается лексемами боол ← боһол. В русско-калмыцком словаре К. Голстунско-

го, в калмыцком словаре А. Позднеева правильно указано боол "раб". Налициствует еще слово бөгдл в смысле "раб", отсюда бөгдл болх "раболепствовать". Слово боол по смыслу, видимо, слилось со словом бөгдл, корень которого восходит к бөгдих "согнуться". Таким образом значения слов мухла "холод", боол "раб" должны быть дифференцированы.

В калмыцком языке немало слов, используемых для почитания сословных лиц высокого ранга: зерг "господин", асрач "попечитель" йовх или мерлх, залрх "идти", идх, зооглх "кушать", унтх, нөөрск "спать", харлх, баралх "встречаться". Эти и подобные им слова, связанные со старым укладом жизни, в современных условиях используются нередко и получают как-бы второе рождение.

Калмыкию называют степным краем, а между тем калмыцкий язык богат названиями разных рыб, деревьев, охоты, животного и растительного мира, возникшими в прежнем месте их обитания — в Приангарье.

Изучение словарного состава калмыцкого языка показывает, что в России — на новой родине калмыков — происходил усиленный процесс заимствования лексики из русского языка. Особенно интенсивно протекает этот процесс в советское время. Наряду с активным заимствованием необходимой терминологии из русского и через русский язык, происходит обогащение лексики калмыцкого языка за счет внутренних возможностей. Многие словообразующие аффиксы стали очень продуктивными: образуется немало новых слов, в том числе, обозначающих обобщающие и отвлеченные понятия: иньглт "дружба", нежэлт "единица", медэн "понятие", шулглэн "поэзия", түүклэн "проза", шунлт "активность, хэрлцэн "взаимоотношение, келвр "рассказ", кегдл "изделие", бээц "быт", бээлт "бытие", олвр "находка", илгэвр "послание", күцэлт "успех", күцэмж "достижение", күсл "желание", күцл "цель".

Образуются много сложносокращенных слов, в том числе типа: кемжэнэ "кто его знает", келчкүв "сказал". Или: суужана "сидит". Здесь имеет место глагольная морфема —жана— аффикс настоящего времени, восходящий к —жн— аффикс соединительного деепричастия, —а(э)— морфема, образованная от вспомогательного глагола ба(э) ба(э) → ба — бэ → э(—а); —на ~ нэ — аффикс настоящего-будущего времени, восходящий к —на(э), —нэ(э). Как видно из этих примеров, в результате образования сложносокращенных глаголов, появились отдельные морфемы, выражающие временные отношения и совершенность

действия: -жана (-жэнэ), чана (-чэнэ), -чк, -а (-э), -жа (-жэ) и т.д.

В общем процессе обогащения лексики и терминовтворчества активную роль стали играть словообразующие аффиксы и другие способы словообразования, как калькирование, парные слова, использование диалектной лексики и др.

Ученными-языковедами республики проводится большая работа по терминологизации и упорядочению значений отдельных слов и выражений: улс "народ", эмтн "люди", оln-эмтн "масса", дала эмтн "толпа", зерулт "направление", келн-эмтн "национальность", "народность", келн-улс "нация", эв "мир", тевкун "спокойный", тоомср "почет", кундлт "уважение".

Большое внимание уделяется изучению семантических процессов и уточнению значений отдельных слов: пол "звание", гүргү "страда", кем "пора", атан "соперничество", мархан "состязание", дерлдэн "соревнование", сойл "культура", кичэл "урок", др.

Появление новых слов и выражений, различные способы формирования новых значений в старых словах, проводимая терминологизация отдельных слов намного обогатили лексику калмыцкого языка, сделали ее очень гибкой и способной адекватно отражать реалии действительности.

Значительная работа в области терминовтворчества проводится Терминологической комиссией, созданной при Президиуме Верховного Совета Республики Калмыкия-Хальмг Тангч. Подготовлены и изданы ряд терминологических бюллетеней, терминологический словарь калмыцкого языка по агрономии, краткий словарь литературоведческих терминов калмыцкого языка, выходит из печати новый "Краткий словарь общественно-политических терминов" и "Словарь лингвистических терминов калмыцкого языка". За последние пятнадцать лет Президиум Верховного Совета Республики Калмыкия-Хальмг Тангч дважды принимал постановление по терминологии калмыцкого языка. Эти постановления позволили положить конец разным спорам и дали яснее направления всей дальнейшей работе по обогащению лексики калмыцкого литературного языка. В настоящее время подготовлена к изданию целая серия терминологических словарей калмыцкого языка по различным отраслям.

Ученными-языковедами проводится большая лексикографическая работа. В начале 30-х годов были изданы три небольшие по объему учебные русско-калмыцкие словари Б.М. Майорова, Ц.П. Петькиева и

Л.Нормаева, а в 1940 году — относительно полный "Русско-калмыцкий словарь" Б.Басагова. В 1935 году был издан большой "Калмыcko-немецкий словарь" финского ученого И.Г.Рамстедта. За последние двадцать лет изданы большой "Русско-калмыцкий словарь" под редакцией профессора И.К.Илишкина, большой "Калмыcko-русский словарь" под редакцией Б.Д.Муниева, "Орфографический словарь калмыцкого языка" Д.А.Павлова, "Слово о словах" А.Ш.Кичикова, готовится к изданию словарь-справочник старокалмыцкого письменного языка.

Над исследованием лексического состава калмыцкого языка успешно работал Э.Ч.Бардаев. Большую работу в этом направлении проводят Г.Ц.Шорбеев, В.Э.Очир-Горяев, Б.Д.Муниев и др. Калмыцкий институт общественных наук РАН издал "Калмыcko-монгольско-русский словарь" и готовит к изданию ойратско-русский словарь и русско-калмыcko-тибетский словарь. Таков неполный перечень лексикографической работы, которая успешно проводится в нашей республике.

Большое внимание уделялось изучению грамматической системы калмыцкого языка. Неоценимый вклад в дело изучения грамматического строя калмыцкого языка внесли отечественные ученые-монголисты А.Попов, А.Бобровников, В.Л.Котвич, Г.Д.Санжеев. Профессор А.Попов издал первую капитальную "Граматику калмыцкого языка" в 1847 году, спустя два года свою знаменитую "Монгольско-калмыцкую грамматику" издал проф. А.Бобровников, проф. В.Л.Котвич в 1915 году издал, а в 1929 году переиздал "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка", проф. Г.Д.Санжеев в 1940 году издал "Граматику калмыцкого языка".

Начиная с 1957 года происходит дальнейшее плодотворное изучение актуальных проблем калмыцкого языкознания. Здесь следует отметить, что Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР своим постановлением от 19 декабря 1959 года, Совет Министров Калмыцкой АССР постановлением от 24 сентября 1965 года приняли важные решения по дальнейшему усовершенствованию и упорядочению калмыцкой орфографии и нормированию калмыцкого литературного языка. Эти решения явились важным фактором в деле быстрого приближения орфографических норм к живому разговорному языку трудящихся масс и в совершенствовании калмыцкого литературного языка. Следует особо подчеркнуть, что единство графики, в которой одинаковые фонемы калмыцкого и русского языков обозначаются одинаково, а специфические фонемы родного языка — особой одно-

значной буквой, сыграло исключительно важную роль в деле осуществления важнейших задач культурного строительства в Калмыкии, лучшему усвоению калмыцкими детьми как родного, так и русского языков, обеспечивая при этом единую основу грамотности на двух языках — калмыцком и русском.

Калмыцкая письменность на русской графической основе сыграла важную роль в сближении и взаимообогащении культуры калмыцкого народа с культурами других народов страны, в первую очередь с культурой русского народа. И теперь принимаются все меры к тому, чтобы максимально развивать то общее, что способствует лучшему усвоению калмыцкой молодежью родного калмыцкого языка и второго языка — русского. В этом отношении большим достижением можно считать двуязычие калмыков, которое, к сожалению, имеет тенденцию к русскому одноязычию. Задача государственных органов и общественности исправить этот перекос и добиться гармоничного калмыцко-русского двуязычия.

Необходимо отметить, что открытие в 1929 году калмыцкого отделения, а в 1930 году — кафедры калмыковедения при Саратовском госуниверситете им. Н.Г.Чернышевского, организация затем калмыцкого учительского, педагогического институтов, создание в 1941 году Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР, открытие в 1970 году Калмыцкого госуниверситета явились событиями исторической важности и выдающимся фактором развития науки в Калмыкии. Начиная с 1960 года, начали издаваться учебники, учебные пособия для вузов, отдельные монографические исследования, тематические сборники, ученые записки, капитальные труды по актуальным проблемам калмыковедения. В 1963 году была издана работа по исследованию фонетики калмыцкого языка Д.А.Павлова, в 1964 году — "Синтаксис калмыцкого языка" У.У.Очирова, в 1966 году — "Морфология калмыцкого языка" Б.Б.Бадмаева, в 1968 году — "Современный калмыцкий язык" Д.А.Павлова, в 1979 году — "Старокалмыцкий письменный язык" ("Тодо бичиг") Д.А.Павлова, несколько раньше — "Дербетский говор" А.Ш.Кичикова, затем "Имя прилагательное" А.Л.Калдяева, "Фонетика торгутского говора" Н.Н.Убушаева, "Наречие калмыцкого языка" М.У.Монраева, "Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху" Д.А.Сусеевой и др.

За последние двадцать лет выросли крупные специалисты-ученые, среди них доктора филологических наук Пирбеев Г.Ц., Биткеев

П.Ц. и др.

В 1983 году увидел свет капитальный труд калмыцких ученых "Грамматика калмыцкого языка" под редакцией профессора Санжеева Г.Д. В последнее время опубликованы "Фонетика современного калмыцкого языка" Д.А. Павлова под редакцией профессора Бондарко Л. В., "Синтаксис калмыцкого языка" в двух книгах доктора филологических наук, профессора Пурбеева Г.Ц., ряд исследований по фонетике другого доктора филологических наук П.Ц. Биткеева, "Современный калмыцкий язык" (лексикология) Э.Ч. Бардаева, "Словообразовательный словарь калмыцкого языка" Д.А. Сусеевой. Большая работа проводится по исследованию орфоэпических норм калмыцкого языка, интонации и словообразования.

Значительный вклад внесен в область изучения морфологической системы калмыцкого языка. Здесь можно указать на работы, посвященные новой классификации частной речи, системе склонения и спряжения, морфемной структуре слова, строгому разграничению значений и функций падежей. В языке вырисовывается образование особых морфем, позволяющих обозначить: 1) появление отвлеченных прилагательных посредством аффикса -а (-э), -и: сарин эклц "начало месяца", но сара кедлмш "месячная работа", украин арси "кша курсы", но украин госн "сливочное масло", зуркнэ гем "золезнь сердца", но зуркни ханлт "сердечная благодарность"; 2) образование притяжательных частиц -м, -чнэ, -тн, восходящих к местоимениям мини "мой", чини "твой", тана "ваш"; нарм "моя рука", нарчнэ "твоя рука" нартн "ваша рука". Здесь следует отличить частицу -чн, восходящую к усилительной частице чигн: нарчн -нар чигн, "даже и рука"; 3) образование новых союзов: эсклэ - или, если, эсэ - отрицательная частица, -ги (-гэ) - вспомогательный глагол, кү - аффикс причастия будущего времени, -лэ (-лэ:) - аффикс соединительного падежа; күгад гихлэ - потому что. Здесь кн - что, ги - вспомогательный глагол, -ад - аффикс разделительного деепричастия; 4) образование наречных форм посредством падежных аффиксов: -инэр, -аһар (-эһэр), -һар (-һэр), -таһар (-тэһэр) халуһар "горячо", күчтэһэр "сильно", орсаһар "по-русски", хальмгаһар "по калмычки", ахинэр или ахинэһэр "по братски". Эти падежные аффиксы должны теперь рассматриваться как наречные суффиксы. В калмыцком языке в отличие от халха-монгольского образованы лично-местоименные или лично-предикативные частицы первого и второго лиц обоих чисел: -в, -видн, -ч, -т, аффикс направительного падежа: -ур (-үр).

Настало время морфологически разграничивать глагол будущего времени от причастия будущего времени и относить причастия и деепричастия к самостоятельным частям речи.

Все эти морфологические изменения и уточнения, происшедшие и происходящие в калмыцком языке, следует рассматривать и как результат прогрессивного влияния грамматической системы русского языка.

За последние годы получил дальнейшее исследование синтаксис сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций. Разработана структура усложненных типов предложений с несколькими придаточными соавдчиненного, последовательно подчиненного и смешанного характера предложений. Исследован тип открытой и закрытой структуры сложных предложений.

Долгое время лингвисты спорили вокруг причастных и деепричастных конструкций. Многие считали их несамостоятельными, называя их "предложением в предложении". Теперь этот вопрос также разработан и получил свое место в системе сложной конструкции калмыцкого синтаксиса, благодаря трудам *Л. У. Очирова*, *Г. Д. Пюрбеева*.

Таким образом, изложенные выше материалы с предельной ясностью показывают, как вместе с формированием калмыцкой нации формировался и развивался калмыцкий национальный язык. Национальный язык представляет собой сложное целое, составными компонентами которого являются литературно-письменный, разговорно-литературный языки, местные говоры. По мере дальнейшего развития национального языка литературный язык в его письменной и устной разновидностях все более выступает в качестве носителя общенациональной нормы и выполняет функции общенародного языка, в связи с чем затухают процессы дальнейшего диалектного дифференциации. Следует подчеркнуть, что обучение детей на родном языке в начальных и средних школах, а затем в вузе сыграло исключительно важную роль в дальнейшем совершенствовании литературных норм калмыцкого языка, в обогащении его лексического состава, морфологической и синтаксической структур. Чтение лекций, проведение практических и лабораторных занятий на родном языке явились ярким показателем высокой степени развития калмыцкого языка на всех его уровнях.

Калмыцкие поэты, писатели, драматурги вносят значительный вклад в развитие калмыцкого литературного языка. Художественная литература как оригинальная, так и переводная, обогащает язык новыми литературными образцами и формами, меткими словами и сло-

восочетаниями, различными оригинальными выражениями.

Регулярный выпуск художественной литературы и периодической печати на родном языке, издание нормативных грамматик, разных справочных материалов, методических разработок имели и имеют большое значение в шлифовке и усовершенствовании литературных норм.

Отдельные калмыцкие писатели и поэты, допуская в своих ранних произведениях диалектизмы, постепенно стали придерживаться единых общенациональных литературно-языковых норм. По их произведениям можно проследить как постепенно устранялись диалектные различия и устанавливались единые литературно-языковые нормы на всех уровнях языка.

Изложенное выше позволяет заключить, что основное ядро калмыцкого национального литературного языка (НЛЯ) вполне сложилось. Калмыцкий НЛЯ имеет установившуюся единую фонетическую, грамматическую, лексико-семантическую систему. В настоящее время идет дальнейший процесс нивелировки диалектных различий.

Становление и развитие калмыцкого НЛЯ сопровождалось расширением его связи с другими и в первую очередь русским языком, что позволило обогатить грамматический строй калмыцкого языка, расширить его интернациональный фонд заимствованными терминами из русского и через русский язык из других языков.

Как известно, понятие нормы — центральное в определении НЛЯ как в его письменной, так и в разговорной форме. "Основными признаками национального литературного языка, как указывает акад. В. В. Виноградов, являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормированность... на основе объединения диалектов... под регулирующим влиянием национального литературного языка формируется общая разговорно-литературная форма национально-речи (19)."

"Только в эпоху существования развитых национальных языков... литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной национально-нормы" (20).

Мы являемся живыми участниками и свидетелями того, как в обозримый отрезок времени усилиями калмыцкой национально-интеллигенции, в частности, языковедов, разрабатывались те критерии, которые позволяли успешно решить актуальные проблемы, связанные

с формированием и развитием калмыцкого национального литературного языка.

Последние десятилетия создали все необходимые условия для подлинного развития калмыцкого национального языка. Широкое развитие получили общественные функции калмыцкого литературного языка: ведется изучение родного языка в детских дошкольных учреждениях, школах, техникумах и в вузе, функционирует национальный театр, издаются газеты, журналы, книги, осуществляются радиовещание, телепередачи, проводится хозяйственная, общественно-политическая деятельность, нередко он употребляется в деловой и частной переписке, продолжает служить важнейшим средством общения.

Дальнейшее развитие получают стили исторической, общественно-политической, научно-технической, художественной и научно-методической литературы. Особенно большое влияние оказывает на развитие современного калмыцкого языка творческая интеллигенция: поэты, писатели, языковеды, литературоведы, журналисты, артисты и др. работники культуры.

Современный калмыцкий национальный литературный язык — это исторически сложившийся язык калмыцкого народа и один из государственных, наряду с русским, языков Республики Калмыкия — Хальмг Тангч. Он сформировался в условиях реальной действительности из языка калмыцкой народности в язык калмыцкой нации. Калмыцкий литературный язык все больше приобретает черты общенационального национального языка. Его отличают, как любой национальный язык России, общеобязательность для всех членов коллектива, нормированность, обработанность, относительная широта общественного функционирования и довольно развитая функционально-стилистическая система. Во всем этом важную роль сыграли и играют прогрессивное влияние русского языка, проводимая большая работа по взаимодействию и взаимообогащению культур многонациональных народов нашей России. На развитие калмыцкого национального литературного языка исключительно большое влияние продолжает оказывать богатое калмыцкое устное народное творчество, особенно героический эпос калмыцкого народа "Джангар".

---

1. Слово ойирад состоит из ойира "близкий" и аффикса множественного числа -д. В дальнейшем ойирад → ойрад → өөрд.

2. Рашид -ад -дин. Сборник летописей. М. - Л., 1952. Т. I. С. 146.

3. Эрдниева У. Э. Калмыки. Элиста, 1985. С. 21.

4. История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 102.
5. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. I. С. 44.
6. Равид-ад-дин. Там же. С. 118.
7. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 16.
8. Бобровников А. Монгольско-калмыцкая грамматика. Казань, 1859. С. 9.
9. Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977. С. 59.
10. Лыткин Ю. Астраханские губернские ведомости. 1859. № 33, 14 авг.
11. К истории образования автономной области калмыцкого народа: Сб. документов. Элиста, 1960. С. 70.
12. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 146
13. Там же. С. 156.
14. Исаев М. И. Социологические проблемы языков народов СССР. М., 1982. С. 48.; Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984. С. 117.
15. IУ-я конференция языкового строительства Калмыкии / Ред И. М. Мацаков. Элиста. 1985.
16. Павла Д. Чикэр бичлнэ зокал. Элст, 1940, 1959.
17. Владимирцов Б. Л. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
18. Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания, 1976. № I. С. 82-87.
19. Виноградов В. В. История русского литературного языка. М., 1976. С. 295
20. Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984. С. 155-156.

"ДЖАНГАР" И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

"Джангар", являющийся одним из выдающихся памятников мировой эпической поэзии, интересует нас в плане изучаемого нами вопроса о развитии калмыцкого литературного языка.

Для освещения поставленной задачи, хотя бы в общих чертах, необходимо знать время, в течение которого создавался калмыцкий героический эпос "Джангар".

Вполне обоснованными, на наш взгляд, являются хронологические рамки, установленные акад. С.А.Козиним, в пределах которых создан "Джангар" — это промежуток времени с начала XIV по середину XIX века и его выводы о том, что возникновение основного ядра цикла "Джангара" относится к середине XV века¹. Далее он отмечает, что возраст "Джангара" равен пяти столетиям, восходя, разумеется, своими корнями более древнему периоду ойратского поэтического творчества.¹ Бесспорным является то, что возникновение "Джангара" связано с постепенным возвышением ойратов на исторической арене и созданием суверенного Джунгарского государства. Идея единства, борьба за национальное политическое утверждение ойратства проходит красной нитью через все песни — поэмы "Джангара".

За время своего существования "Джангар" вбирал в себя все ценное из каждой эпохи. Одни сказители в своем репертуаре отражали более ранний период ойратского общества, другие — более поздний. Вспомним здесь указание Ю.М.Соколова о том, что в героическом эпосе отражается мировоззрение и духовный склад сказителей.²

В целом же "Джангар" как циклично завершенное произведение устного народного творчества, как нам представляется, относится к XVII — середине XVIII века, когда потомки ойратов — калмыки жили уже в Поволжье.

В этот период окончательно завершается обработка "Джангара", создается, как допускает С.А.Козин, песнь — поэма о свирепом Черном Хара-Кинясе. В пользу такого заключения говорит монолитность всех песен — поэм, главным героем которых является Джангар и вокруг которого группируются другие эпические персонажи. Джангар показан во всех песнях — поэмах как цельная, всеобъемлющая лич-

---

* "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Москва 1980.

ность, умело руководящая и направляющая действия всех своих богатырей.

Устойчивое композиционное построение "Джангара", его масштабность, величавость, удивительная языковая выразительность особо отличают "Джангар" как целостное создание устного народного творчества, чего нельзя сказать в отношении разрозненных, мало связанных между собой вариантов "Джангара", бытующие за пределами Калмыкии. И эти, бытующие за пределами Калмыкии варианты, восходят к общеиранскому корню. В пользу сложения "Джангара", как циклично законченного целостного произведения устного народного творчества уже в Поволжье, свидетельствуют повсеместная распространенность "Джангара" в Калмыкии и вступительная глава, записанная впервые у Элян Овла, которая объединяет все песни-поэмы "Джангара". Здесь нельзя не учитывать существовавшее у калмыцких старцев предание о том, что "Джангар" был создан в Поволжье, о чем сообщал в свое время Бергманн, комментировали А.А. Бобровников и С.А. Козин, а также сам факт возникновения калмыцкого ханства в составе Российского государства.

В пользу окончательного завершения "Джангара" в Поволжье говорят следующие обстоятельства.

Вводная глава "Джангара" начинается строфой:

Эрднин эки цагт харгси,
Эн олн бурхдын шажн делгрх цагт харгси,
Тэк-Зула-хаань үлдл,
Таңсг-бумб-хаань ач,
Үзң алдр хаань кевүн
Үйин өнчн даңдр билэ,

которая в поэтическом переводе С. Липкина звучит:

Это было в начале времен,
В стародавний век золотой.
Вечности начинался расцвет,
Величавый брезжил рассвет
Веры бурханов святой.
Джангар жил в эти дни.

Здесь, во-первых, обращает на себя внимание строка: Эн олн бурхдын шажн делгрх цагт харгси, что точнее переводится так: в век распространения разных сект буддизма. Слово шажн в народной массе калмыков понимается как ламаистская вера. В буддийской литературе встречается иногда сочетание шара шажн - ламаистская вера.

Как известно, буддизм в виде секты желтошапочников, основанной Дзонкавой (1357—1419 гг.), был фактически введен среди монголов в конце XIII века, а среди ойратов — в начале XIV века.

Элементы ламаизма, как идеологии феодальной верхушки ойратства, хотя и не проникают глубоко в идейную сущность произведения, но тем не менее содержатся во всех главах эпоса.

Такого вплетения не могло случиться на раннем этапе создания "Джангара", так как ламаизм тогда не был распространен среди монгольских народов, в частности, среди ойратов.

В эпосе значительное количество тибетских, санскритских слов, вошедших в калмыцкий язык в связи с распространением буддизма (См. Б.Х.Тодаева "Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар").

В эпосе определенное место занимают основатель буддизма Шагджа-муни, имена последователей и пропагандистов Дзонкавы и Джо-Адиша, широко представлены буддийские божества — бодисаты: Маха-Гала, Очир-Садо, Очир-вани, Ямандага Сужовади, Майдар, Дари экэ (по-калмыцки даркин гэгэн, откуда междометие — дэрк, дэрк, выражающее понятие — да благослови, божья мать, Дари экэ!), названия энциклопедий, сочинений Ганджур, Данджур, Джодбо, названия буддийских монастырей и храмов (сум, кидд, хурал), названия основных категорий духовных служителей: лама, гелц, гецл, гевгү, шев и т.д.), слова: шажн — ламаистическая религия, ховрг — духовенство, ном — учение, молитва, чиндамани — драгоценность, мани — название одной из молитвенных формул, очир — жезл, мирд — талисман, сэкусн — гений, — хранитель, шастра — буддийское сочинение и др. Эти и подобные им слова и названия, касающиеся разнообразных сторон так называемого вульгарного буддизма, в частности, различной религиозной мифологии и космогонии широко представлены в эпосе.

Все эти понятия и явления могли проникнуть в среду ойратов Джунгарии, калмыков Поволжья, хошутов Кукунора только в связи с широким распространением ламаизма.

Во-вторых, основными распространителями ламаизма являются ламаистское духовенство и буддийские монастыри, которые начали получать распространение и развитие только во второй половине XVII века под влиянием активной миссионерской деятельности Зая-Пандиты (1599—1662), поддержанного правителями Джунгарского и Калмыцкого ханств и отдельными влиятельными феодалами.

В-третьих, основные буддийские сочинения и другие ламаисти-

ческие каноны в письменном виде начали широко распространяться в Джунгарии, Кукуноре и Калмыкии с созданием в 1648 году ойратской или старокалмыцкой письменности благодаря большо́й переводческой деятельности Зая-Пандиты и его школы. Зая-Пандита, как известно, трижды посетил в XVII веке калмыков Поволжья — в 1645 году, 1657, 1660 годах. Он, как отмечается в источниках, преследовал не только просветительские, но и политические цели, как полномочный представитель Далай-Ламы.

В-четвертых, языковые факторы. Язык "Джангара" — удивительно сочный, предельно красочный, очень выразительный, изобилует словосочетаниями, поговорками, мудрыми изречениями и выражениями. Все слова понятны, за исключением отдельных, заимствованных из тибетского языка и санскрита. Не встречаются по существу слова и выражения, которые относились бы к раннему периоду сложения "Джангара". Это тоже наводит на мысль, что большая языковая обработка и шлифовка "Джангара" произошли уже в Поволжье. Здесь нельзя не учесть и отдельных, вошедших из русского и через русский язык слов, которые могли бы быть также свидетелями более позднего заимствования, например: бас — база, загон; кинес — князь; бедр — ведро аршм — арчм — аршин и некоторое число заимствований семасиологического порядка, что приводится в исследовании С.А. Козина, например: долон хоног — "неделя", дивер "крыло" (в смысле фланга, а в общемонгольском нар — фаланга и т. д.)

В-пятых, способ транскрибирования самого названия эпоса "Джангар". А.А. Бобровников и Б.Я. Владимирцов считают это название персидским по своему происхождению: джехан-гир (покоритель мира). С.А. Козин считает это опосредственным заимствованием через среднеазиатские тюркские народности, среди которых это имя-титул было, по-видимому, настолько популярно издавна, что еще в начале прошлого столетия этим именем пользовались или провозглашались народные вожди, как, например, предводитель восстания против китайского гнета Джехан-гир-ходжа, успешно действовавший в Кашгарской области, Янги-Гиссаре, Яркенде и Хотане".³

В язык ойратов это имя вошло как дихан-гир, так как в этом языке не допускалось сочетание *дэ, да*. Затем произошел по общему закону перелом гласного *и* в *а*. Отсюда "даннар" ← дихан-гир". В первых записях отдельных песен "Джангара", произведенных Бергманном в 1806 году, а затем на "Тодо үзүг" К.Ф. Голстунским в 1864 году, отмечена не Чиннар, а даннар посредством галика *э*, выработанном

уже калмыками на Волге.

Таким образом, "Джангар" является выдающимся эпическим произведением калмыцкого народа. "Джангар" — вершина, иными словами, деежа калмыцкого богатого устного народного творчества не только потому, что окончательная отшлифовка, завершение его как циклично законченного произведения произошло именно у калмыков в Поволжье, но и потому, что здесь, в Поволжье, созданы еще и другие не менее выдающиеся варианты "Джангара".

О языке "Джангара" С.А.Козин писал, что он является "не просто записью, а переводом на калмыцкий язык среднего периода ойратской литературы, поскольку древний ее период является общим с монгольской литературой".⁴ Следует здесь внести ясность. Как известно, средний период общемонгольского письменного языка относится к XIV—XV векам. Этот период в области фонетики характеризуется тем, что не произошло еще образования долгих гласных путем стяжения рядом стоящих двух гласных, образованных благодаря выпадению интервокальных согласных *б, н, г, й, м*: хаан ← хаан "царь", до·ун ← да·ун ← даун "песня". Язык "Джангара" в начальный период его сложения, надо полагать, не миновал и этот общий процесс, но на рубеже XVI—XVII веков, как отмечает Г.Д.Санжеев⁵, произошли большие фонетические изменения в монгольских языках. Этот период принято называть последним этапом или последней фазой среднего периода развития общемонгольского литературного языка. Зая-Пандита как раз в своей новой ойратской письменности "Тодо бичиг" зарегистрировал эту последнюю фазу среднего периода развития монгольских языков.

В языке "Джангара" в известной мере сохранена предшествующая языковая традиция, умело и всесторонне передано разнообразие форм живого народного языка, мастерски использованы установленные нормы устного литературного языка. Эти нормы отрабатывались и совершенствовались каждым последующим поколением. Этим объясняется простота, ясность, удивительная точность, предельная лаконичность поэтического языка "Джангара". Язык "Джангара", будучи общенародным языком калмыков, резко отличается от старых книжных форм языка. В этом плане язык "Джангара" — важный источник изучения состояния и развития калмыцкого литературного языка.

Велико значение "Джангара" и других жанров богатого устного народного творчества в формировании литературного языка ойрат-калмыков. "Джангар" — изумительный шедевр устного народного твор-

чества, вобравший в себя богатую и разностороннюю лексику, разнообразные языковые и поэтические средства живого языка, отвечающего требованиям эпохи, доступного широким слоям населения. "Джунгар" как и многие другие жанры устного народного творчества оказал, в свою очередь, большое влияние на формирование общеоиратского литературного языка. Очень справедливым в этом отношении является утверждение Б.Я. Владимирцова о том, что "Зая-Пандита создал действительно общи^й литературный ойратский язык на почве ойратских говоров... По-видимому, для Зая-Пандиты материалом еще послужил и живой эпический язык ойратов".⁶

На наличие у ойратов литературного языка еще до создания "Тодо бичиг" указывает монгольский акад. Б. Ринчен. Он писал: "Калмыцкие ученые-переводчики внесли значительный вклад в монголо-ойратскую литературу и тем самым подготовили почву для основания собственного калмыцкого или ойратского литературного языка, пытавшегося как книжно-литературным монгольским, так и устно-литературным калмыцким языком, живущим и по сей день в богатейшем калмыцком народном эпосе, причем уже в первые годы существования собственно калмыцкой или ойратской письменности литературный язык калмыков был настолько разработан плеядой талантливых учеников и сподвижников Зая-Пандиты Огторгуйн Далая, что позволил создать блестящие переводы сложнейших философских, медицинских и других текстов, которые немислимы у народа только что создавшего знамя для изображения звуков своей речи".³

В создании в исторически короткий срок общеоиратского литературного языка "Тодо бичиг" сыграла весьма важное значение богатейшее устное народное творчество, развитая форма устного литературного языка и меры, принятые правительством Джунгарского государства. Как было сказано, ойраты, составлявшие союз ойратских племен еще до покорения Чингиз-ханом и входившие в эту династию на правах федерации, со второй половины XIV века стали жить независимо на обширной территории Западной Монголии и Тарбагатайского края.

Образование суверенного Джунгарского или Ойратского ханства способствовало процессу сложения ойратской народности, сопровождавшемуся дальнейшим развитием ойратского языка, устного народного творчества, искусства и литературы в целом. Язык, будучи одним из основных признаков народности, подтверждает, что формирование ойратского языка происходило параллельно с процессом

консолидации ойратов в особую народность.

Следует здесь подчеркнуть, что правители Джунгарии, создавая новую письменность, живой литературный язык, охваченные чувством национальной гордости и высокого самосознания, преследовали не только общенациональные цели, связанные с возрождением ойратства, но и большие политические в борьбе с надвигающейся опасностью со стороны Цинской династии.

Как известно, ламаизм был знаменем, под которым консолидировались усилия ойратов за объединение сил с восточными монголами-халхасцами против нашествия маньчжуро-китайских захватчиков. Для распространения ламаизма, ставшего государственной религией Монголии и Джунгарии, необходим был общедоступный широким массам населения письменный язык, каким являлся "Тодо бичиг". Создатели "Тодо бичиг" рассчитывали сделать его обшемонгольской письменностью вместо старомонгольского письменного языка "Худма бичиг", ставшего к этому времени крайне архаичным, малодоступным, не отвечающим требованиям эпохи.

Калмыцкий литературный язык имеет многовековую историю и значительные литературные традиции. В России он получил свое дальнейшее развитие как в устной, так и в письменной форме.

"Современный литературный язык поволжских калмыков писал проф. А.М. Позднеев в 1879 году, — доселе еще остается таким же изящным, богатым своим лексиконом и своими формами, а потому и таким же строго определенным как в выражении повятий, так и во взаимоотношениях их, каким видим мы этот язык и в прежних произведениях джунгаров, и первых выходцев на берегах Волги. Живучесть форм этого языка поистине может почитаться поразительной".⁸

Однако общественная функция калмыцкого литературного языка в дореволюционное время в целом остается крайне ограниченной. Происходило дальнейшее дробление калмыцкого языка на говоры и подговоры. Старописьменный калмыцкий литературный язык становится малодоступным и архаичным. Языком религии и культовой литературы остается тибетский.

Только в условиях советской действительности в полную меру раскрылись все потенциальные возможности калмыцкого литературного языка. Широко развернулась общественная функция калмыцкого литературного языка. Небывалого развития получают стили: художественный, общественно-публицистический, научно-технический, деловой и др. Одним из величайших фактов расцвета калмыцкой языковой ку-

льтуры явилась замена старокалмыцкой письменности новой, основанной на кириллице.

Предметом заботы широкой общественности Калмыкии явилось богатое устное народное творчество и "Джангар". Изучение их в учебных заведениях, в научно-исследовательских учреждениях еще больше подняло их общественную значимость.

Вчитываясь в изумительные строфы "Джангара" еще больше убеждаешься в том, что сложнейшая человеческая мысль в этом эпосе выражена удивительно точно, ярко, доходчиво и красочно. Это свидетельство того, что поэтический язык "Джангара", богатство, разнообразие лексики и грамматических форм достигли небывалых высот в своем развитии.

Калмыцкое устное народное творчество и "Джангар" имеют широкое распространение в народе. Калмыцкий народ любит и бережно хранит свой "Джангар". Я помню, как мой дядя Чуркм Павлов неоднократно читал "Джангар" своим одноклассникам. И мы, подростки, с большим вниманием вслушивались в чарующие строки этой жемчужины поэтического творчества калмыцкого народа.

О силе воздействия "Джангара" на бойцов писал О.И. Городовиков в своей вступительной статье к "Джангару". "В дни гражданской войны мне приходилось в Конной армии быть свидетелем необычайной силы воздействия "Джангара" на слушателей. Когда во время привала, после трудного и утомительного перехода, усталый сединами джангарчи пел о героях народной эпопеи, которые скакали, "днем не делая днем, не спя по ночам", — конармейцы калмыки не распутывали своих скакунов и с утроенной скоростью мчались навстречу врагу".⁹

"Джангар" продолжает оставаться сокровищницей народной мудрости, выразительности и образности языка. Мы с удовольствием учимся языку "Джангара". "Джангар" и теперь оказывает большое влияние на дальнейшее развитие калмыцкого литературного языка, в частности, на язык современной художественной литературы. Значение "Джангара" для развития калмыцкого литературного языка как на заре его создания, так и в последующие периоды, остается исключительно важным. Величие "Джангара" с достоинством оценено только после Великого Октября. Не будет преувеличением, если скажем, что все поэты и писатели учатся у "Джангара" и изучают язык этой сокровищницы. Образы богатырей "Джангара" дают им творческое вдохновение, а язык "Джангара" служит лабораторией поэтического

мастерства. Возьмите к примеру произведения народного поэта Калмыкии С.К.Каляева. Творения Каляева С.К. отличаются сочным, красочным, богатым языком, разнообразием поэтических форм. Каждый читатель чувствует влияние "Джангара" на язык поэта. Это объясняется тем, что Каляев С.К. был прекрасным знатоком "Джангара".

Большой вклад в развитие калмыцкого литературного языка вносит выдающийся калмыцкий поэт Давид Кугультинов. Его поэма "Сар-Герел" — чудесное творение, созданное под влиянием "Джангара" и богатого калмыцкого устного народного творчества в целом.

Исключительно большое влияние оказывал "Джангар" на творчество другого маститого поэта — Аксена Сусеева. Главный герой его романа в стихах "Сын степей" Ааку выведен в традициях главного образа "Джангара". Величание героя, величание коня, величание клинка изображены в духе "Джангара". Поэтический язык "Джангара", над которым долго и плодотворно работал А.Сусеев, положительно сказался на его творческом пути. А.Сусеев одним из первых исследовал поэтику "Джангара" и опубликовал обстоятельные статьи по поэтике "Джангара", потом защитил кандидатскую диссертацию.

Подытоживая изложенное, хочется сказать, что не найдется у нас ни одного поэта, ни одного писателя, который не ощущал бы благодатное влияние "Джангара" на свое творчество.

-
1. Козин С.А. Джангариада. Героическая поэма калмыцкого народа. М.—Л., 1940. С. 88—89.
  2. Соколов Д.М. Русский фольклор. М., 1941. С. 259.
  3. Козин С.А. Там же. С. 84.
  4. Козин С.А. Там же. С. 70.
  5. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 16.
  6. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 25—26.
  7. Ринчен Б. Ойратские переводы с китайского // Ежегодник Востоковедения. XXX. Варшава, 1966. С. 59.
  8. Позднеев А. Предисловие к "Сказанию о хождении в Тибетскую страну малодербетовского База-Багши" С.—П., 1897. С. 15.
  9. Городовиков О.И. Богатырская поэма калмыцкого народа. Вступительная статья // Джангар. Эпоса, 1973. С. 7.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕДИНЫХ НОРМ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий литературный язык, как любой другой, характеризуется строго определенной нормативностью. "Норма — это объективно существующая, социально-положительная черта литературного языка. Сохранение языковых норм вытекает из практической потребности общества. Благодаря устойчивости норм и их совпадению язык делается понятным, доступным для каждого, как важное средство общения людей.

Нормы современного литературного калмыцкого языка сложились не сразу (Этому вопросу посвящена данная статья).

В результате Октябрьской революции 1917 года разбросанные по разным территориям бывшей царской России калмыцкий народ сплотился в одну автономную единицу в единой семье многонациональных народов страны Советов.

Вместе с развитием в Калмыкии нового социально-экономического строительства планомерной разработке подверглись актуальные проблемы калмыцкого языка и вопросы его нормализации.

В период замены старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" на новую систему, основанную на русской графике, на первый план выдвигались вопросы нового калмыцкого алфавита и разработка норм орфографии и терминологии.

Решение этих вопросов затянулось почти на шесть лет (1924—1930 гг.) ввиду неоднократного изменения и уточнения принятого алфавита. Только в начале 30-х годов вплотную подошли к решению указанных злободневных проблем. Переход Калмыкии в 1930 году на латинизированную письменность связан с началом становления норм калмыцкого литературного языка.

Касаясь вопросов поисков диалектной базы калмыцкого литературного языка, следует отметить, что на состоявшейся в Москве 10—17 января 1931 года конференции по вопросам языка и письменности монгольской группы народов было решено калмыцкий литературный язык создавать на основе торгутского говора.² Элистинская конференция по вопросам языка и письменности Калмыкии, состоявшаяся 17—20 мая 1931 года, внесла уточнение в указанное решение, постановив, что торгутский говор, признаваемый ведущим в деле создания литературного языка, должен впитывать в себя все ценное из других говоров³. На этой конференции не были опреде-

лены конкретные пути нормализации калмыцкого литературного языка. Данный вопрос нашел свое конкретное решение на IV языковедческой конференции, состоявшейся в Элисте в мае 1934 года.⁴ Тогда по докладу Б.Б.Бадмаева были рассмотрены и утверждены основные вопросы, связанные не только с унификацией правописания, но и нормированием калмыцкого литературного языка. Эта конференция заложила тогда основу развития калмыцкого литературного языка на базе торгутского и дербетского говоров при максимальном использовании всего ценного из всех подговоров.

На V языковедческой конференции⁵, состоявшейся в Элисте 3-5 июня 1939 года, были решены вопросы правописания заимствуемых слов, рассмотрен ряд спорных вопросов, связанных с орфографией и нормированием калмыцкого литературного языка.

Нормы калмыцкого литературного языка вырабатывались постепенно и закреплялись в литературе в письменной форме. Завершение становления единых литературных норм относится к концу 40-х годов, когда Калмыкия вновь перешла в 1938 году на русскую графическую систему. Затяжка со становлением единых литературных норм в течение пятнадцати лет (1925-1940) была вызвана неоднократной заменой алфавитной системы нового калмыцкого литературного языка и неразработанностью в теоретическом плане его диалектной базы.

Поиски критериев для правильного применения русской графической системы в калмыцкой письменности позволили:

1. Осуществить принцип: каждой фонеме - отдельный буквенный знак. Для обозначения специфических фонем калмыцкого языка в 1941 году были приняты дополнительно буквы: э, е, у, һ, ж, ң. Простота и четкость этих знаков явились важным фактором в уточнении норм калмыцкого письма.

2. Применять знаки русского алфавита в прямом их значении. Одинаковые и сходные фонемы калмыцкого и русского языков обозначались одними и теми же буквенными знаками, что обеспечивало лучшее изучение калмыцкими детьми родного и русского языков.

3. Учить то общее, что имеется в употреблении графики и орфографии русского и калмыцкого языков. Сюда относятся:

а) написание йотированных гласных: я, р, е; яман "коза", аю "медведь", эң "каприз".

б) способ обозначения мягкости предшествующих согласных, как в русском языке, через я, ю: маля "плетка", хурняси "морщинка".

хатыр "редкий", суляр "овсом", толяс "от зеркала", ханюр "к другу", солю "посторонний", сурһулжур "к учебе", танкл "познакомь", но, арте-лэр, артелэс, дивизур. Здесь перед мягкими согласными коряя слова наличествуют переднерядные (мягкие) гласные: дивизь, артель.

в) обозначение мягкости согласных мягким (ь) знаком, как в русском языке: хальсн "кожура", хатыг "чирей", оньс "замок", модь-рун "грубый", уутьхн "тесный", сурһуль "учеба", бодь " том", хать "приправа", хань "друг".

4. Обозначать синтетическим способом переднерядные (мягкие) гласные в сочетании со среднеязычным й:

- а) йэ: бийэн "себя", өйэ "объем";
- б) йе: йерэл "благопожелание", йеркү "житняк";
- в) йи: йирин "обычный", йисн "девять";
- г) йу: бийүрн "к себе", йүүх "вычерпывать";

В отличие от русского в калмыцком языке йотированный о передается синтетическим способом, т.е. сочетанием йо: йорал "дно". Это сочетание звучит как в слове майор.

Переднерядный гласный э калмыцкого языка передается как в русском языке: в начале слова э, в середине е. Калмыцкий э значительно уже монгольского и бурятского э; он ближе к русскому э и не палатализуется предшествующий согласный.

Вместе с решением вопросов дальнейшего усовершенствования нового калмыцкого алфавита и орфографии решались и практические вопросы, связанные с установлением диалектной базы калмыцкого литературного языка.

Начиная с 1957 года, проводилась дальнейшая плодотворная работа по совершенствованию литературных норм современного калмыцкого литературного языка. Этому способствовали значительные научные исследования калмыцкого языка, а также результаты изучения материалов диалектологических экспедиций, проводившихся в районах нашей республики и Астраханской области.

Найти научно обоснованные критерии определения диалектной базы, когда в основу литературного языка положен не один говор, а два, оказалось делом не из простых. Надо было знать особенности этих говоров и определить основные критерии, которые позволили бы успешно решить вопросы нормирования литературного языка при диалектных различиях.

На всех языковедческих конференциях и совещаниях вплоть до 1934 года не было найдено сколько-нибудь положительного крите-

рия для определения диалектной базы современного калмыцкого литературного языка.

Постановления директивных органов нашей республики, принятые в развитие решений IV и V языковедческих конференций в 1959, 1965, 1967, 1981 годах по вопросам калмыцкого алфавита, орфографии, терминологии и нормирования литературного языка, положили конец существовавшей разногласице.⁶

Таким образом, калмыцкий литературный язык сформировался на основе общенародного калмыцкого языка, его базой явились торгутский и дербетский говоры, а периоды с 1930 по 1941 год, а затем с 1957 по 1967 год ознаменуются интенсивной нормализацией и формированием единых литературных норм. В этот период обстоятельно изучен фонемный состав говоров калмыцкого языка, что позволило определить фонетический строй калмыцкого литературного языка.

Фонетический строй литературного языка характеризуется следующими особенностями, свойственными торгутскому говору (в орфографической записи), которые положены в основу нормирования:

1. Строгое и последовательное соблюдение закона сингармонизма гласных: мана "наш", наха "свинья", таава "сковородка", кизэр "лоскут", суужана "сидит", а не манэ, нахэ, таавэ, кизар, суужэне.

2. Из звуковых соответствий по говорам на у-о, ү-э, о-е, в норму литературного языка вошли соответствия на у, ү, о: умшх "читать", увл "зима", томх "вить", оркрх "орать", а не омшх, эвл, төмх, өркрх.

В основу указанных выше двух положений, взятых за норму литературного языка, положен исторический принцип. Как известно, калмыцкая письменность издревле основывалась на законе сингармонизма гласных. Этот закон был полностью восстановлен на IV языковедческой конференции в 1934 году. Принятие за норму литературного языка соответствий на у, ү, о также отвечало историческому принципу и задачам развития фонетической системы калмыцкого языка.

Особенности дербетского говора, которые положены в основу литературного языка при нормировании:

1. Строгое и последовательное соблюдение процесса палатализации согласных л, н, д, т под влиянием исторического гласного и. Палатализованные согласные л', н', д', т' являются в дербетском говоре особыми фонемами, а в торгутском — смягченными вариантами, за исключением д':с палатализованными согласными встречаются

гласные только заднего ряда: альк "который", салькн "ветер", онсь "замок", таньл "знакомый", уутхн "узкий", буудя "зерно", модьрун "грубый", а не элк, сэлкн, енси, тэнл, үүтхн, бүүдэ, медрун.

2. При наличии межговорных различий на а / э, у / ү, ү / и в норму литературного языка вошли соответствия на а, у, ү: така "курица", хурсх "мерлушка", бучр "весточка", а не тэка, хурсх, бичр.

3. Из соответствий -ак и -ак нормативны формы на эк: дэкад "еще", мэкр "кривой", бэкрси "вид котла", а не дакад, макр, бакрси.

Перечисленные выше отличия гласных по говорам заключаются в позиционных звукосоответствиях, т.е. одинаковые слова имеют разные парные звуковые соответствия гласных в первом слоге слова.

4. Из соответствия согласных р / л, ц / ч в норму литературного языка вошли р, ч: куркрх "рычать", хэркрх "хрюкать", бурчг "дробь", "горох", кевчк "седельная подушка", а не курклх, хэрклх, бурцг, кевцг.

Эти положения, принятые в норму литературного языка, свидетельствуют о больших фонетических изменениях, происшедших в калмыцком языке, и о появлении новых фонем.

Изложенные выше положения по нормированию фонетического строя калмыцкого языка при наличии диалектных различий впервые сформулированы и изложены в нашей монографии "Состав и классификация фонем калмыцкого языка" в 1963 году.⁷

Издание в 1962 году "Орфографического словаря калмыцкого языка", его переиздание в 1973 году, явилось важным фактором в деле закрепления принятых единых норм калмыцкого литературного языка. В этом словаре даны и пометы, связанные с нормированием отдельных трудных случаев грамматики и орфоэпии калмыцкого языка.

В связи с выходом в свет орфографического словаря проф. Б. Бадмаев писал: "Этим словарем автор положил конец спорам в написании многих слов, и он будет способствовать в дальнейшем установлению твердой научно-обоснованной орфографии".⁸

Относительно полный свод орфографических правил опубликован в "Грамматике калмыцкого языка".⁹

Долго и плодотворно трудился над пунктуацией калмыцкого языка доц. Очиров У. У. Свод правил по калмыцкой пунктуации в последней его редакции опубликован в журнале "Теегин Герел".¹⁰

В основу всех учебников и учебных пособий по калмыцкому

языку и литературе. положены принятые единые нормы калмыцкого литературного языка, и эти положения как свод кодифицирующих правил, отражены в отдельных монографических исследованиях и специальных работах.

Благодаря этим мерам обеспечивается последовательное соблюдение норм литературного языка в школьном обучении и в издательской деятельности. Происходит большая nivelировка диалектных различий у школьников и всей молодежи в их устной речи.

Большая работа, проводимая по дальнейшей демократизации калмыцкой литературной речи, упорядочению общественной речевой практики, усилению борьбы за чистоту языка и укреплению языковых норм, положительно сказались на обогащении лексического состава и всей грамматической системы калмыцкого языка.

Одним из важных показателей огромного роста калмыцкой языковой культуры является издание высокохудожественных произведений калмыцких писателей и поэтов. Различные поэтические произведения, особенно романы, повести, рассказы, сказки и периодическая печать на родном языке изобилуют прекрасными языковыми образцами, стилистическими оборотами и указывают на упрочение норм калмыцкого литературного языка.

Вместе с тем, со стороны отдельных писателей допускается непопозволительная вольность, приводящая к нарушению принятых норм. Поэтому большое внимание продолжают занимать вопросы последовательного соблюдения установленных норм всеми носителями языка.

Проникновение диалектной лексики в литературный язык допускается в следующих случаях: 1. Когда отсутствуют в литературном языке нужные слова: аарх "веялка", ценг "вилы", — наряду с билл, кавг. наряду с ковныг "колна", хавг "тыква", хаяр "огурец", сүчлч "рулевой", нашар "парусина", тагт "мост", жажр "якорь", жилк "парус". 2. Слова, произносящиеся по-разному в говорах, но имеющие одинаковое значение, входят как синоним: хора и ерэ "комната", шам и шомр "лампа", хама и альд "где", дуһар и хуһар "все". 3. Повсеместное употребление в литературном языке исконных калмыцких слов: болзг бурз, арва и др., замененных в торгутском говоре словами: сорг "срок", бурцк "воронка", суль "овес". 4. Слова, восходящие к одному корню, но развившиеся по-разному в говорах, имея два и более значения, входят с дифференциацией их значений: хуҗи → хув у торгутов в значении "часть, счастье", у дербетов — хөв в том же значении. В литературную норму принято хув "часть", хөв "счастье".

Отсюда тугэх "распространить", төгэх "раздать", үмсх "целовать", эмсх "одеваться", гөмнх "обвинить", гөмтх "заболеть" или тэвц "подставка", таг "полка", тагт "мост", бурм "паром" и др.

Касаясь произносительных норм, следует отметить, что гласные и согласные фонемы калмыцкого языка характеризуются четкостью и ясностью своих акустико-артикуляторных свойств. Принимаются меры по приближению письма к произносительным нормам. Однако в потоке речи происходят значительные изменения, вызванные редукцией кратких гласных непервых слогов слова. Различным изменениям подвергаются в основном звонкие согласные. Эти согласные при сочетании с глухими согласными или в конечной позиции слова обычно оглушаются и произносятся как полувзвонкие, а в отдельных случаях полностью ассимилировались по глухости: сурхкь ← сурнаху "учить", сөтхь ← сэдэку "вознамериться", өксьн ← өгөгсөн "давший", нутькь ← нутаг "владение", эикь ← эчигэ "отец", уктхь ← угтаху "встречать".

В современной орфографии эти и подобные им слова пишутся по морфологическому принципу: нутг "владение", сурнх "учить", сөдх "вознамериться", өгх "дать", өдтн "сходите", но произносятся по орфоэпическим нормам. При этом рекомендуется в нужных случаях применять и морфологический принцип произношения: сурнхьхь "учить", өгхь "дать".

Вследствие редукции кратких гласных непервых слогов слова зачастую происходит стечение нескольких смычных согласных. В этих случаях один из сочетающихся смычных согласных ассимилируется в шелевой, что вызывается потребностью облегчить произношение: күштэ (← күчитэ!) "сильный", поштэ "почта", күсчь (← күдъ-жь) "догнал", кершчь (← керчь + чь) "резал", но слова пишутся по морфологическому принципу: күчтэ, күчд, керчд.

При скоплении нескольких шелевых согласных в слове один из них обычно диссимилируется по способу образования: босчьн (← бос + чьн) "вставший", дасчкь (дас + хь + чь) "обучать", но пишется босн, дасх.

Скопление смычных согласных в слове приводит к гаплоггии, т. е. к выпадению отдельных смычных согласных в потоке речи. Это явление принято в произносительной и орфографической нормах: керго (көрг + го ← уга) "не надо", иньглт (← иньг + лть + лть) "дружба", наачана ← наад + хь + бээнэ "играет", келсмн (көлсн + мөн) "сказал", ирдмн (ирдг + мөн) "приходит".

Во всех указанных случаях в основу орфографической, отчасти и произносительной, нормы берется морфологический принцип, что позволяет вознательно и осмысленно подойти к нормам письма и произношения.

Касаясь далее произносительных норм, следует отметить:

1. Долгие гласные в калмыцком, как и в других монгольских языках, раньше встречались в любой позиции слова. В настоящее время в калмыцком языке долгие гласные, как особые фонемы, встречаются только в двух позициях: в первом и в предпоследнем слогах. В первом слоге долгота отмечается удвоенным обозначением одной и той же гласной буквы, а в предпоследнем слоге долгота на письме не обозначается. В предпоследнем слоге долгота гласных бывает, когда последний слог имеет неясный гласный: наасън "бумага", тооръм "пыль", үүдън "дверь", ууль "гора", бөөръ "почки"; буркэ: сън "крышка", чирэ: дъ "лицу", керэ: дъ "пле", но чирэд "таща", керэд "замерзая".

В связи с тем, что редуцированные гласные в любой позиции слова и долгие гласные в предпоследних слогах не обозначаются на письме, большое внимание уделяется практическому овладению нормами правильного произношения этих гласных в указанных позициях.

2. Редуцированные гласные непервых слогов слова раньше восходили к обычным кратким гласным. Эти гласные и теперь не полностью потеряли свою былую фонологическую роль, особенно будучи в конечной позиции слова. Калмыцкая молодежь, недостаточно владеющая родной речью, зачастую неправильно читает и произносит слова с редуцированными гласными. Одинаково пишется, например: зун "сто" и "лето", но произносятся по разному: "зун "сто", а зунъ "лето", зул "лампада" и "убегай", но произносится зул "лампада", а зуль "убегай"; курн "дойдя и хорек", но курн "дойдя", а курнь "хорек", серэд "проснувшись и вилке", но серэд "проснувшись", а серэ: дъ "вилке". Поэтому встала настоятельная необходимость в обозначении на письме редуцированных гласных, хотя бы в конечной позиции слова. В настоящее время разработаны наглядные пособия по орфоэпии редуцированных гласных, но эти полумеры не отвечают поставленной задаче по развитию культуры родной речи у калмыцкой молодежи.

3. Все гласные непервых слогов слова всегда произносятся ясно и четко. Исторически они восходили к долгим гласным и диф-

тонгам. В настоящее время они являются полудолгими, а в некоторых позициях их длительность меньше, чем длительность кратких гласных первого слога. Для простоты мы их называем ясными гласными. В орфоэпическом плане произношение их не вызывает никаких затруднений и сомнений. Но следует отметить, что былая их долгота восстанавливается как только присоединяются к словам с этими гласными любые другие слоги с неясными гласными: нур "озеро", но нуурть "озеру", түрэ "голениище", но түрэ:дь "голениищу" в отличие от түрэд "затрудняясь", күлэ "жди", но күлэ:хь "ждать"

Указанная фонетическая закономерность легла в основу норм письма и произношения так называемых ясных гласных.

4. Из двух вариантов, бытующих по говорам, в норму приняты слова с полногласием: хамтхасн "лист дерева", нуужмул "цыпленок", шуугул "сеть", жаһамул "зеленый лук", торһуд "торгуты", аһурсн "животное", өцкүлдүр "вчера".

5. В калмыцком языке имеются увулярный h и заднеязычный г. В свое время эти согласные выступали и как соединительные согласные на стыке морфем с конечным и начальным долгими (теперь ясными) гласными. В словах с заднерядными гласными употреблялся h, а с переднерядными гласными — г: сууһад "сидя", но кеһэд "сделав". Теперь же в норму письма и произношения принято h как соединительный согласный: сууһад "сидя", кеһэд "сделав", гиһэд "сказав", толһаһав "голову", гүзәһән "кишку", күзүһән "шею".

6. В калмыцком языке имеется заднеязычный носовой ң. Этот согласный в середине слова произносится как чисто носовой согласный без примеси г: хоңхь "звонок", соңсхь "слышать", аңһа:хь "разинуть рот". В некоторых местах после конечного ң слова произносят согласный г, что влечет за собой появление парогогического редуцированного гласного. Вместо дең произносят деңгь "помощь", соңгь "тост", аңгь "зверь". Появление вставного г при присоединении любых аффиксов с начальными гласными к слову с конечным ң — закономерное явление: аң — аңгин "зверя", дең — деңги:гь "помощь", савң — савңга:сь "из мыла".

В норму письма и произношения в инициальной форме слова принято употреблять ң без ясного слышимого г. На это указывал в свое время проф. В. Л. Котвич, например: Басң (имя), бодң "кабан", кевң "вата".

7. В фонетической системе калмыцкого языка определенное

место занимает закон аналогии. Этот закон способствует стабилизации произносительных норм отдельных слов в соответствующих сходных условиях. Сюда можно отнести:

а) слова с конечными согласными р или потерявшими свои конечные краткие гласные в результате их редукции: сар ← сара "луна", дер ← дарэ "подушка", тер ← терэ "тема", кир ← кири "мера". Эти и подобные им слова стали произноситься наподобие слов нар "рука", гер "дом" по аналогии. В словах дал ← далу "лопатка", бул ← булу "пух", бул ← булу ~ булэ "семья", тул (заисн) ← тулу "кип", зел ← зэли "привязь для телят", зул ← зула "лампада" конечный согласный л стал произноситься по аналогии со словами нал "огонь", хол "река", дал "грива" без конечных редуцированных гласных.

б) в происходящем процессе разграничения смысла слов по наличию или отсутствию конечных редуцированных гласных большую роль играет произносительная норма. Графические омонимы, образованные по орфографическим правилам, благодаря произносительным нормам в живой речи различаются. Об этом сказано в пункте 2) произносительная норма. Здесь следует добавить, что благодаря аналогии, вызванной необходимостью различения смысла и формы, в одних случаях выпали редуцированные гласные, а в других сохранились или образовались парогогически, создав определенную фонологическую оппозицию:

дур ← дүри "образ"	— дүр ← дүру "спрячь",
тус — тус "напротив"	— тусь ← тус "попади",
тевр ← тэбэри "охапка"	— тевр ← тэбэри "обхвати",
давснл ← дабасун ла	— давсл ← дабусала "насоли",
"действительно соль"	
дерл ← дэрэ лэ	— дерль ← дэрэля "положи голову
"действительно подушка"	на подушку".

Противопоставления наличия или отсутствия редуцированных гласных в определенных фонологических условиях приобретают не только орфоэпическую, но смысловозначительную и форморазличительную роль. Этому процессу подвергаются утвердительная частица -ль ← ла (-лэ) и глаголообразующий аффикс -дль ← ла (-лэ).

Словарный состав калмыцкого литературного языка непрерывно пополняется как за счет внутренних языковых возможностей, так и заимствованных слов.

Огромный поток неологизмов потребовал соответствующей регуляции и нормирования. Особое внимание уделялось вопросу соб-

людения норм словопроизводства. Существует в этом отношении определенная закономерность, соблюдение которой — священный долг каждого пишущего. Однако некоторые журналисты и писатели до сих пор допускают безразличие к соблюдению литературных норм.

Журналист И. Бурулов перевел название повести Л. Соболева "Морская душа" сочетанием "Тенсин инь", что означает "Морской друг", а подзаголовок "Из фронтовых записок" — "Фронд кегдси бичмрмүдэс". Обратный смысловой перевод данного подзаголовка дает: "Из записок, сделанных на фронте". В слове бичмрмүдэс глагольный корень бич "пиши", —мр — суффикс, образующий имя прилагательное: бичмр "письменный" наподобие керчмр "разрезной", үзмр "наглядный". Имя существительное в данном случае образуется посредством суффикса —вр: бичвр "записка", откуда не бичмрмүдэс, а бичврмүдэс "из записок". Следовало данный подзаголовок перевести на калмыцкий язык конструкцией родительного падежа принадлежности "Фронтын бичврмүдэс" без причастия кегдси "сделанный". Сочетание родительного и исходного падежей дает конструкцию родительного падежа принадлежности. Такой перевод отличался бы не только идентичностью с оригиналом, но и простотой и доступностью.

Писатель Сян-Белгин Хасыр ввел новые слова: иткжж, ханиж, кеермж, түүкмж вместо принятых и бытующих иткл "доверие", ханлт "благодарность", кеерулт "украшение", түүклэн "проза". От слова билг "талант" он образует билгмж "творение", тогда как существовало слово, образованное от слова үүдэх "творить", "создавать", т. е. үүдэлт "творение".

Новые слова, как известно, образуются по аналогии с уже имеющимися словами с их морфемным оформлением. При этом исходят из производящей основы и ее структуры. Это позволяет употребить тот или иной словообразующий суффикс, исходя из того, какую он несет семантическую нагрузку.

В основу образования новых слов посредством словообразующих суффиксов положены следующие нормативные положения. I. От одной производящей основы посредством словообразующих суффиксов могут быть образованы слова с различными значениями:

а) закх "приказать" — заквр "приказ", закльн "повеление", "распоряжение", закмж "предписание", закряч "повелитель", закан "закон", закалт "законность";

б) зурж "чертить" — зурн "план", зург "рисунок", "картина",

"портрет", зурлнн "черчение", зурашн "чертеж", черта". зурач "художник", зуриц "зарисовка", зурац "очерк", зуруль "чертилка";

в) санх "мыслить" — санан "мысль", санл "мышление", санвр "думы", санлнн "воспоминание", санамр "беспечный" и т.д.

2. При образовании новых слов исходят из значения производящей основы и руководствуются существующей словообразующей моделью. Слово "обзор" в периодической печати передают как шинжлт "исследование". Здесь глагольная основа шинжлх "исследовать, наблюдать, анализировать". В действительности понятие "обзор" образуется от глагола харх "обозревать, смотреть" посредством суффикса ц; харц "обзор". Таковы өгц "отдача", урц "урожай", хурац "сбор хэлэц "взгляд", экли "начало", тэвц "вклад", тогтац "строй" и т.д.

Слово "телевидение" переводят как телеүзгдл. В калмыцком языке издревле бытует үзгдл (-үзгдүл) как "призрак". От глагола үэх "видеть" образуется үэл "вид", үэлнн "видение". Отсюда правильно будет телеүэлнн "телевидение". От глагольного корня үэх образуются и другие слова: үэмж "показатель", үэмр "наглядный".

3. При нормировании словопроизводства посредством суффиксов особого внимания требует образование отвлеченных обобщающих и абстрактных понятий в отличие от понятий, образующих отвлеченные процессиональные действия. Здесь также существуют свои закономерности, установившиеся традиции:

а) посредством суффикса -вр образуются слова с отвлеченными обобщающими и абстрактными значениями: диилвр "победа", даавр "ответственность", даалхвр "поручение, задание", хардвр "руководство", судлхвр "свобода", чадвр "умение", сурвр "вопрос", хээвр "поиск", ясвр "ремонт", ачлвр "награда". Или суффикс -лт: девшлт "прогресс", шалллт "критика", чинрлт "качество", нежелт "единица", харслт "защита", ханлт "благодарность", өслт "рост", немлт "дополнение", заллт "управление", даслт "навык", дамшлт "опыт", нэгдүлт "объединение", некцлт "содружество".

б) посредством -лнн образуются слова, выражающие отвлеченные процессиональные понятия: умшлнн "чтение", дамшлнн "упражнение", олзлнн "использование", тогталнн "составление", тетклнн "обеспечение", яслнн "ремонтрование". Отсюда будет правильно: Уг тогтална толь "Словообразовательный словарь". Нельзя образовывать "Уг тогталтын" или "Уг бүрдэлгин толь".

4. Важным критерием при нормировании словопроизводства является правильное определение производящей основы слова и зна-

ние ее морфемной структуры. Производящая основа может быть первичной — хур "соберись", вторичной — хура "собери", третичной — хуралх "заставь собрать", "заставь убрать". От первичной основы образовано хург "собрание" и можно образовать хуралхн "собираание", хурлт "сбор". От вторичной основы хура образуется хурац "свод", хуралхн "уборка", хуралт "созыв", "сбор", хураңху "сборник", от третичной основы хуралх образуется хуралхлхн "уборка". Здесь опосредственное образование: слово имеет значение побуждения, принуждения. При валичии параллельного образования хурлт и хуралт или хурлхн нормативной будет та производящая основа, которая образуется от побудительного залога. Эта основа несет ясную смысловую нагрузку, связанную с побуждением. Отсюда нормативным будет образование от основы хура "собери" — хуралт "созыв", хуралхн "уборка". Эти слова образованы от побудительного залога глагола. Таковы тургдүүлхн "ускорение", ондарулхн "перестройка", а ондарулт "реформа". Более подробно в "Грамматике калмыцкого языка" ¹¹

В системе словообразовательной модели прочное место занял синтетический способ словообразования. По этому способу сращивающиеся части отдельных слов дают одно равноценное слово. В словообразовании эта модель стала обычным явлением. В основе этого процесса лежит закон экономии.

По характеру своего сращения эти слова в основном подразделяются на:

а) сложносоставные: эндр "сегодня" ← эн "этот" + эдр "день", энхл "этот год" ← эн "этот" + хл "год", керго "не надо" ← керг "дело" + уга "нет".

При этом основы ряда сращившихся слов могут измениться по неузнаваемости: некадур "послезавтра" ← неге "другой" + эдур "день", кишго — кишгэ — кишва "плохой", "несчастливый" ← кишг "счастье" + уга "нет"; телтр "на том берегу" ← тер "тот" + тала "сторона"; ажго "без хозяина" ← эзн "хозяин" + уга "нет"; өңгэр "бесплатно" ← үн "цена" + угаһар "нет" в орудном падеже. Харжахар "напрасно" ← хара "без дела" + бээж "находиться" + бээжэр "быть" арһулджа "подожди". Здесь арһул "тихо" + бээж "находиться" + бэ "будь"; зүсвр "приблудный" — зүс(← зүсн) "масть" + вр + буру "не тот, неподходящий";

б) сложносокращенные: келжэне "говорит" ← кел "скажи" + ж — аффикс соединительного деепричастия + э — вспомогательный глагол, восходящий к бэ, —не — аффикс глагола настоящего времени;

уучкув "выпил" ← уух "пить" + ч(-ж) — аффикс соединительного деепричастия, —к(←оркх) — вспомогательный глагол "положить") + у — аффикс недавнего прошедшего времени + в — лично-предикативная частица, восходящая к местоимению би "я". Таковы йовжовна "идет" ← йов + ж + йов ← на; чадшголхми "не сможет" ← чад + ш + го + л + х — аффикс будущего времени + ми: одждадгож "не находится" ← ол + д + ж + а + д + го + ж; егдгочн "не дает" ← ег + дг + го + чн(←чигн), келн гижэ-нэ "хочет сказать" ← келн "говоря" + гиж "сказать" + бээнэ "есть".

5. Большое внимание уделяется нормам словоупотребления, правильности выбора слов и их применению в общеизвестном значении.

Сюда относится целый круг вопросов, важными из которых являются:

а) восстановление употребления слов, которые по тем или иным причинам опровергались или считались архаизмами: ээрилг "указ", частр "гимн", сүлд "герб", титм "венок", намтр "биография", дурсхл "письменный памятник", том "крупный", жижг "мелкий", лит "календарь";

б) появление новых значений и развитие многозначности — естественный и неизбежный процесс. Слов үр "гнездо, сверстники" получило дополнительно значение "товарищ", что было узаконено решением IY языковедческой конференции. Слово хань "путник" — дополнительно "коллега", слово тойг "цифра" — дополнительно "номер"; ул "подосва" — дополнительно "основа": промышлен улд "на промышленной основе";

в) переосмысление значения слов, придание слову нового значения. Слово залу "муж, мужчина" до недавнего прошлого означало "молодой". Теперь баһ "молодой", отсюда баһчуд "молодежь". Сузились значения слов эм(—эмэ) "женщина", эр(—эрэ) "мужчина". Эти слова теперь употребляются только для выражения пола вообще: эр така "петух", эр хаха "кабан", эм аю "медведица". Вместо эм теперь больше употребляют күүкн, күүкд для выражения женского пола: күүкн така "курица", күүкд кун "женщина", күүкд улс "женщины".

Слова ээж и эк употреблялись как "мать, матушка". Теперь ээж "бабушка", эк "мать". Совершенно вышло из употребления слово экэнэр "жена, супруга", сузилось употребление слова баавһа "жена, женщина", в норму вошло гэргин "жена". Слово кэсэг употреблялось, как "кусочек, часть целого, несколько". Теперь же употребляется только в значении "несколько, много". Здесь следует разграничивать кэсг "несколько", олн "много";

г) разграничение и дифференциация слов по их значению: алдр "великий", туурмж "слава", чилгч "окончание", эцус "конец", йосн "власть", закан "закон", атан "соперничество", мархан "состязание", омг "вдохновение", урмд "стимул", гургү "страда", кем "пора", девсн "ступени", шат "сруб", дөрө "стремя", давшур "лестница".

Слова тус и дөң зачастую употребляли без дифференциации, как "помощь, польза, услуга, содействие, опора". В действительности тус "помощь". От этой первичной основы образуются тусл "помоги", туслмж "услуга". Слово дөң "помощь" в смысле "поддержка, опора". Отсюда дөңн "поддержки", дөңилт "поддержка". Точно также нормируется употребление слов олз и ору: олз "выгода, польза", ору "доход, прибыль, барыш".

Слова сурх и дасх употребляли также иногда без разбора. Теперь их употребление таково: сурх "учиться", дасх "обучаться". Слово үүлдвр употребляли как действие и глагол. Теперь үүлдэгч "глагол". Смысловому разграничению подверглись слова: киисклһн "склонение", киисквр "падеж", нилч "роль", ицг "надежда", төр "тема", сурвр "вопрос", дамилт "опыт", дамшлһн "упражнение", бүрткмж "контроль", шгүвр "проверка, экзамен".

Уточнено употребление некоторых слов: диг "итог", диглвр "выводы", аш "результат", ашлвр "заключение", уңг "корень", йозур "комель".

д) терминологизация слов, придание слову одного определенно-го значения: йовуд "ход", жисән "движение", цол "знание", зерг "степень", таал "условие", ном "учение", наук "наука", эрдм "искусство";

е) борьба с засорением литературного языка ненужными словами и словосочетаниями.

В периодической печати встречается: бичг-тамһ в смысле "грамотность, письменность". Слово бичг "письмо", тамһ "тавро". Каждое из этих слов не утратило прямого своего значения. Вместе с тем бытует: бичг меддг "грамотный", бичг меддго "неграмотный", бичлт "письменность".

Парными словами "Дотр-дундин Керг-төрин Министерств" передавали название "Министерство Внутренних Дел". Куда проще называть "Дотр Кергин Министерств". Эта калька: дотр "внутренний" керг "дело".

Парные слова - важный источник пополнения лексического состава языка. Однако неуместное образование парных слов не только

засоряет язык, но и затрудняет понимание смысла этих образований. Сочетанием *өрк-бул* передают понятие "семья", тогда, как *бул* означает "семья", а *өрк* "дымовое отверстие юрты", *учр-үндсн* "содержание". Здесь *учр* "причина", *үндсн*: "суть"; *учр-утх* "причина, обстоятельство". В этом сочетании *учр* "причина", *утх* "содержание"; *учр-уршг* "обстоятельство". Следует разграничивать: *учр* "причина", *уршг* "обстоятельство". Сочетанием *күчн-чидл* передают понятие "мощь". Здесь слово *күчн* означает "мощь", *чидл* "сила"; *ааһ-сав* "посуда". Здесь *ааһ* "чашка", *сав* "посуда". Подобных парных слов, образованных без надобности на основе просторечья, достаточное количество. Во всех указанных парных словах каждое из них в отдельности имеет свое конкретное значение. Нет никакой нужды создавать парные слова в литературном языке без надобности. Это ведет к путанице, искажению смысла слова.

Посредством парных слов передаются новые понятия, отличные от входящих в эти парные сочетания, например: *күч-келсн* "труд". Слово *күчн* "мощь", *келсн* "пот", а в сочетании дают понятие "труд". *Керг-үүл* "мероприятие". Здесь *керг* "дело", *үүл* "деяние", *дугу-дунд* "недостатки" (*дугу* "недостающий", *дунд* "неполный").

В литературном языке совершенно недопустимы псевдопарные слова, в которых первый компонент вне сочетания сохраняет свое самостоятельное значение, а второй — суррогат, вне сочетания не обладающий никаким самостоятельным значением, являясь лишь фонетически измененным вариантом первого компонента: *орм-морм* "место", *мех-тах* "обман", *махн-сахн* "мясо", *шикр-микр* "сладости"; *заһсн-маһсн* "рыба", "рыбные продукты".

ж) пополнение калмыцкого языка заимствованной лексикой из русского и через русский язык происходит по принятым правилам. Важным здесь является отказ от пуристических тенденций, бытовавших в первые годы революции, и сохранение без изменения основы заимствуемых слов. Это способствует лучшему усвоению калмыцкой молодежью как русского, так и родного языков.

В область предания уходит имевший место переводно-объяснительный способ проникновения отдельных терминов. По этому способу в процессе перевода одновременно объяснялись значения отдельных терминов. Это приводило к осложнению понимания текста, делая его труднодоступным.

Прочно вошли, стали органической, неотделимой частью лексического состава калмыцкого языка такие слова, как *советы, республи-*

лака, партия, социализм, университет, театр, радио, телевизор и др.

Активное и полезное заимствование отсутствующих в родном языке слов, образование новых слов по внутренним возможностям самого языка стали нормой обогащения лексического состава языка.

Долгое время словом кевц передавали значение "вата и хлопок", а словом дегд — понятие "деготь и нефть". Теперь слова "хлопок" и "нефть" получили полное право гражданства. Подобные примеры можно умножить.

Очень продуктивным способом словообразования стало калькирование. В калмыцкий язык широко вошли кальки такого типа: аһар дер "воздушная подушка", шурун хот "грубый корм", дөрлдөнэ заль "пламя соревнования", хойр халхин неклт "двухстороннее сотрудничество", зун марш "левый марш", цапан гүргү "белая страда", цеңкр экран "голубой экран", көк түлэн "голубое топливо", күчтэ буудя "твердая пшеница", күч-көлснэ дидлар "трудовая победа", үвл чаңһар некх "зима строго спросит" и т.д.

Без изменения вошли в норму литературного языка:

А. Аббревиатуры — буквенные сокращения — ЦК, РФ, РАН, ВАК, ТЭЦ, ОТК, АПН, РТС, НОТ. Они теперь воспринимаются как обыденные привычные слова. Расшифровка этих буквенных сокращений производится по законам калмыцкого языка, например: РФ — үрәсән Федераци, США — Америкийн Ниилсн Штатмуд.

Б. Слитные, сложносоставные слова: электровоз, тепловоз, пылесос, атомоход, вертолет, автовокзал, автопарк, телефон-автомат, дизель-мотор, генерал-лейтенант, матч-реванш, вагон-клуб, кафе-ресторан, магазин-ателье.

В составных парных словах конечные безударные гласные обычно отсекаются: плащ-палатка (плащ-палатка), штаб-квартира (штаб-квартира), школ-интернат (школа-интернат), платье-костюм (платье-костюм).

Б. Сложносокращенные слова: совмин, госплан, колхоз, совхоз, госагропром.

Словосложение, как один из словообразовательных способов, получило широкое распространение. По этой модели строятся сложносоставные слова типа гостеерм "госмельница", аэропан "аэросани", цугсоюзин "всесоюзный", кинокелвр "кинорассказ", электрокөрә "электропила", автосвр "авторемонт", профтехсурхуль "профтехучеба", политзэңглэч "политинформатор", соидерлдэн "соиссоревнование" и др.

Г. Специальные термины и наименования, в состав которых входят полные названия или отдельные буквы алфавита или числительные: ЗИЛ-110, Москвич-407, ТУ-104, ИЛ-18, Космический корабль Союз-ТМ-2.

Изложенные выше данные со всей очевидностью показывают, что вместе с бурным развитием лексического состава калмыцкого языка проводилась большая работа и по нормализации словопроизводства и словоупотребления. Однако в этом отношении еще немало нерешенных вопросов. Вызывает сомнение практикуемая передача ах сурхуль "высшее учебное заведение", следует деед сурхуль. Словом межа "межа" передают еще понятие "граница, рубеж", словом кемжэн - понятия "размер, уровень, норма". Следует разграничить их употребление, а слова "рубеж" и "норма" должны получать права гражданства.

Надо последовательно употреблять слова в их прямом значении. Слова ешэти, хортн, дээсн употребляли без разбора, тогда как ешэти "мститель", хортн "вредитель", дээсн "враг".

Б. В плане установления единых норм подвергся упорядочению и стабилизации целый ряд грамматических категорий. При этом были учтены традиция и тенденция развития отдельных грамматических явлений калмыцкого языка.

Переход старокалмыцкой письменности на новую систему, основанную на кириллице, обнажил различия между живым языком и письменной формой передачи разных грамматических категорий. В связи с этим осуществлялась последовательная работа по приведению в единую систему всех выявленных грамматических различий и вариантов, максимально приблизив их к живой речи.

Касаясь вопроса о группировке слов по типам склонения, следует отметить, что по данному вопросу не было единства у разных авторов. Одни авторы выделяли три типа простого склонения; другие - пять. К особым типам склонения относили имена существительные с конечными краткими гласными, односложные и многосложные с конечными ясными гласными, имена существительные с конечным н, ң и др. Порядковый номер этим типам склонения имен существительных давался произвольно. Кроме того, перечислялись двойные, возвратные и лично-притяжательные склонения, как особые типы сложных склонений.

В нормативной "Грамматике калмыцкого языка" (9) дана новая группировка имен существительных по типам склонения. В основу

перегруппировки слов по типам склонения положен принцип однотипности падежных аффиксов и минимальных их расхождений. К I-му склонению отнесены имена существительные с конечным согласным н. В грамматиках старописьменного калмыцкого языка имена существительные с конечным н в родительном падеже получили аффикс -и, а в новокалмыцком -а(-э): мэрн - "конь" — мэрнэ "коня". Ко 2-му склонению отнесены имена существительные с конечными любыми согласными и с неясными гласными: эк(экэ ← эке "мать") — экин "матери", также и существительное гер "дом" — герин "дома", аң "зверь" — аңгин "зверя", күрн "хорек" (күрнэ — күрнэ) — күрнин "хорька". Редуция конечных кратких гласных в существительных явилась причиной перехода их во 2-е склонение. К 3-му склонению отнесены имена существительные с конечным любым ясным гласным: така "курица" — такан "курицы", то "счет" — тооһин "счета".

Все заимствованные слова, в том числе так называемые несклоняемые, полностью подчиняются указанной классификации.

В калмыцком языке нет сложных склонений. Есть обычные склонения с различными частицами. Теперь их называют: склонение с двойным падежом, склонение с возвратной частицей и склонение с лично-притяжательной частицей. Более подробно об этом в нашей статье.¹²

Подверглось уточнению и количество падежей. У разных авторов насчитывалась от 8 до 11 падежей. Теперь вошли в норму 9 падежей, в числе которых сравнительно новый падеж — направительный.

Аффиксы падежей имеют ясное звучание, подчиняются закону сингармонизма гласных, несут четкую, строго начертанную функциональную нагрузку.

Несколько особняком стоит родительный падеж, аффиксы которого более разнообразны: -а(-э), -ин(-ын), -н. В некоторых позициях орудного падежа I, 3-го и в исходном и направительных падежах 3-го склонения появляется соединительный н на стыке морфем с конечным и начальным гласным и вставной г к существительным с конечным ң при присоединении аффиксов с начальным гласным. Во всех остальных падежах аффиксы падежей являются однотипными и сравнительно простыми.

Уточнению и нормализации подверглось употребление отдельных падежных аффиксов по говорам, а именно:

а) некоторые имена существительные с конечным редуцированным гласным в родительном падеже торгутского говора получили

аффикс -ан (-эн); ах(ахь) — ахан "брата", Бадман-Бадмы, удэн—"обеда". В литературном языке принято: -ин: Бадмын, ахин, удян.

б) в этом говоре не было аффикса направительного падежа, его функция обычно передавалась дательным падежом или послелогом тал: школд одый, школ тал одый.

В настоящее время литературная форма направительного падежа активно входит и в торгутский говор: герур "к дому", худгур "к колодцу", школур "в школу".

В плане нормирования заслуживает внимания оформление отдельных грамматических явлений, в частности:

1. Передача творительным падежом названия профессии: багшар кедлжэне "работает учителем", трактористэр "трактористом", ах хөөчэр "старшим чабаном", кочегарар "кочегаром" наряду с бытующей калмыцкой конструкцией: багш болж кедлжэне, кочегар болж кедлжэне или: ахлач кедлжэне "председателем работает".

2. Почти вышла из употребления форма болхла как показатель подлежащего: Бадм болхла сэн кевүн. В старописьменном калмыцком языке, как в монгольском теперь, употребляли болбасу, болбл. Теперь считается нормой Бадм сэн кевүн "Бадма хороший мальчик" (без показателя болхла).

3. При наличии количественных числительных или количественных наречий олы, дада "много", кесг "несколько", имена ставятся обычно в единственном числе; тавн мөрн "пять конь", дада үкр "много корова", но в периодической печати иногда встречается тавн мөрд, дада үкрмүд, где мөрд, үкрмүд — мн. ч., последняя конструкция неправомерна для калмыцкого языка.

4. Нормативной становится передача показателя времени соединительным падежом вместо дательного: май сарла (вместо сард) "в мае месяце"; зурхан час тавн минутла (вместо минутд) "в пять минут седьмого"; һурвн часла (вместо част) хург болхмн "собрание начнется в три часа". Такая конструкция вызвана стремлением языка избежать скопления согласных в дательном падеже и упростить произносительные возможности или уподобить установившейся традиции: эрлэ "утром", үдлэ "в обед".

5. Узаконена передача аффикса недавно прошедшего времени — в посредством -у (-ү) в I и II лицах обоих чисел в позиции после глаголов с конечным согласным перед личнo-предикативными частицами: би бичув "я написал"; чи келуч "ты сказал", бидн ирүчидн "мы прибыли", га умшут "вы прочитали". Употребление -у (-ү) как

аффикса недавнопрошедшего времени наряду с аффиксом -в стало нормой литературного языка.

6. В образовании множественного числа произошли существенные изменения, вызванные необходимостью упорядочения употребления аффиксов, образующих категорию множественности. Все имена, обозначающие людей (сознательные существа), профессию и специальность получают аффикс -нр: ахнр "братья", экир "матери". Ранее допускалось ахс (ахас), экс (экэс). Слова, образованные посредством аффикса -ан (-эн), как любие слова с конечным н, но с предшествующим гласным, не имели категории множественности. Теперь допускается дэрлдэс "соревнование", заллздас "связи", чолус "камни". Обычно слова с конечным н во множественном числе получают аффикс -д: мери-мэрд "кони", но в словах типа дэрлдэн, чолун нельзя образовывать категорию множественности через аффикс -д, тогда совершенно изменяется смысл слова: дэрлдэд "соревнуюсь", заллздад "связавшись", чолудад "ударив камнем". Слова типа уг "слово", ул "подошва" уул "гора", хун "лебедь" имеют в своей конечной позиции неясные гласные. Эти и подобные им слова во множественном числе получали аффикс -с, теперь -муд (-мүд), как слова с конечными согласными: угмуд, улмуд, уулмуд, хунмуд. Во всех остальных типах слов с конечными неясными гласными, когда происходит скопление согласных, сохранился прежний аффикс множественности: -с: бахис "столбы", терас "окна", шалһс "косы", хулһнс "мышь".

7. Заимствуемые имена прилагательные в калмыцком языке в первое время передавались родительным падежом: коммуна партъ "коммунистическая партия", советян йосн "советская власть". Обратный перевод давал совершенно другое значение: партия коммуны, власть советов. Калмыки, будучи двуязычными, понимали неточность такой формы передачи. Теперь считается правильным, когда все заимствуемые имена прилагательные, как и другие имена, входят в калмыцкий язык путем отсечения родовых окончаний: коммунистическ партъ, советск йосн. Такая система нормирования письма, т.е. без ломки основы слова, сыграла положительную роль в лучшем усвоении калмыцкой молодежью русского языка.

8. Происходит широкий процесс образования наречий по аналогии с русским языком. До последнего времени наречия образовывались обычно посредством модального слова кевтэ, кевэр "подобно". Теперь образуются наречия от имен, стоящих в родительном, совместном падежах или от имен прилагательных, стоящих в орудном

падеже. Этот способ твердо входит в норму образования наречия: бат кевэр—батар "крепко", орс кевтэ келнэ "говорит как русский"; теперь орсаһар "по-русски", отсюда хальмгаһар "по-калмыцки", большевикенэр "по-большевистски", күчтәһәр "сильно", коммунистическәр "по-коммунистически".

Отдельные вопросы нормирования письма и грамматических категорий опубликованы в сборнике КНИИИФЭ.¹³

Изложенное выше позволяет заключить, что тенденция сближения произношения с письмом, орфографическим обликом слова является одним из важных факторов установления соответствующих норм письма и произношения. На все это важное влияние оказывает двуязычие калмыцкого населения и активная роль письменного языка.

Вместе с тем приведенные выше данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что языковые нормы в разные периоды развития калмыцкого языка подверглись соответствующим изменениям и совершенствованию. Различные "ломки", "разрушения" ранее существовавших структур и их перестройка в конечном итоге явились результатом жизненной необходимости. Эти нормы приобретали устойчивые черты, известную стабильность, отвечающую задачам общераспространенности и обязательности для всего коллектива. В их основу положен принцип целесообразности.

Следует здесь подчеркнуть, что при определении литературных норм опирались на живую народную речь. Нормативная регламентация, соблюдение сложившейся традиции позволяют успешно решать вопросы дальнейшего развития калмыцкого литературного языка.

Изучение и анализ становления единых норм калмыцкого литературного языка со всей убедительностью показывают, что норма отражает поступательное развитие языка.

Становление за сравнительно короткий срок единых норм калмыцкого литературного языка объясняется стечением ряда причин: во-первых, существованием письменной традиции, имеющей многовековую историю, во-вторых, незначительность диалектных различий в языке и, в-третьих, прогрессивным влиянием русского языка.

---

1. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. С. 8.

2. Резолюция о литературных языках монгольской группы народов // Культура и письменность Востока. Кн. 9. М., 1931. С. 72.

3. Номинханов Ц. Д. Языковое строительство в Калмыкии / Революция и письменность Востока. М., 1932. № 1-2. С. 52.
4. IV конференция языкового строительства Калмыкии / Под ред. И. М. Мацакова. Элиста, 1935.
5. Павлов Д. А. Грамматическое оформление заимствованных слов в калмыцком языке: Тез. док. на V языковой конференции / Учен. зап. КНИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. XI. С. 177-186.
6. Об уточнении алфавита и орфографии калмыцкого литературного языка: Постановление Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 19 ноября 1959; О некоторых вопросах орфографии калмыцкого языка: Постановление Совета Министров Калмыцкой АССР от 24 октября 1965; Общественно-политическая терминология калмыцкого языка: Постановление Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 24 апреля 1967; О внесении изменений в общественно-политические термины литературного языка: Постановление Президиума Верховного Совета Калм. АССР от 2 июля 1981.
7. Павлов Д. А. Состав классификации фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963. С. 9.
8. Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966. С. 21.
9. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983. С. 308-330.
10. Очра У. Түдлһнэ темдгүд тэвлһнэ туск зокалмуд / Төөгин Гөрл. 1986. № 5. С. 104-109.
11. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983. С. 54-61.
12. Павлов Д. А. Система склонений имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. Элиста; НИИЯЛИ, 1976. С. 18-42.
13. Павла Д. Чикэр бичлһнэ зэрм эрһн төр // Вопросы изучения и преподавания калмыцкого языка. Элиста: КалМИЭЭ, 1987.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ „ТОДО БИЧИГ“
(Записки КНИИЯЛИ № 2, Элиста, 1962)

По вопросу о создании ойратской письменности "Тодо бичиг" еще нет специальных работ. Все авторы, которые касались этого вопроса, освещали его лишь мимоходом. А между тем "Тодо бичиг", как выдающееся культурное наследие ойрат-калмыков, и его создатель Зая-Пандит, как видный просветитель, должны стать предметом специального научного исследования.

Автор же задался здесь скромной целью — ознакомить широкий круг читателей, а также интересующихся лиц с "Тодо бичиг" в сравнении со старомонгольской письменностью. Ниже делается попытка выяснить фонемную основу ойрат-калмыцкого языка по буквенным знакам этой письменности и рассмотреть некоторые фонетические явления, связанные с изложенным. Выяснение этих вопросов, несомненно, представит известный научный интерес с точки зрения изучения истории развития фонетической системы калмыцкого языка.

Тодо или тодрха бичиг ("Ясное письмо") было создано в 1648 году на базе общемонгольской письменности, которая называлась у калмыков монгол бичиг (монгольское письмо) или худма или хуучин бичиг (древнее письмо). Название же "Тодо бичиг" или "Ясное письмо" возникло в отличие от старомонгольской благодаря четкому и последовательному обозначению каждой фонемы ойрат-калмыцкого языка одной какой-либо определенной буквой и строго продуманной системы правописания.

История создания "Тодо бичиг" тесно связана с образованием суверенного Ойратского или Джунгарского государства.¹ Как известно, после падения Юаньской (монгольской) династии в Китае ойратские племена, входившие в состав Юаньской империи, по выражению акад. С. А. Козина, как члены федерации, в первой половине XV столетия образовали свое государство при правителе Тогон-тайши и его сыне Эсене.

Политическая история ойратов становится известной с середины XV века именно под названием "Дербэн ойрат", то есть как четырехъединный ойратский каганат.

Образование ойратского ханства способствовало процессу сложения ойратской народности, сопровождавшемуся самобытным развитием ойратского языка, устного народного творчества, искусства

и литературы в целом. Ойратская литература, как отмечает акад. С. А. Козин, "отпочковалась от единой монгольской литературы XIV—XV столетия, хотя все еще и оставалась на базе единой монгольской письменности."²

Одним из выдающихся памятников эпохи ойратского возрождения является героический эпос калмыцкого народа "Джангар", время сложения которого относится к середине XV века.

Своего наивысшего развития ойратское ханство достигает в XVII веке, когда на историческую арену выдвигаются такие крупные общественные деятели, как Батур-хун-тайджи, Хо-Орлюк, Зая-Пандита.

В целях дальнейшего укрепления своего государства и упрочения единства внутри страны Батур-хун-тайджи проводит большие внутривосточные и внешнеполитические мероприятия. Он неоднократно добивается установления дипломатических и торговых отношений с Китаем, со странами Средней Азии, а также с Россией.

В период становления Джунгарского ханства появилась необходимость создания новой письменности, способной обслуживать все стороны общественной жизни ойратов. Старомонгольская письменность с полифонией многих знаков уже не отвечала возросшим государственным требованиям и задачам культурного возрождения ойратской народности.

Создание так называемого "Ясного письма", на наш взгляд, было тесно связано с именем Батур-хун-тайджи и объясняется стечением ряда причин.

Создатель "Ясного письма" Зая-Пандита (1599—1662), ойрат хошутовского поколения, крупный ученый и просветитель своего времени получил в Тибете высшее буддийское образование и ученую степень рабджамбы (доктора философии). "Ясное письмо" получило известность в науке под названием зая-пандитской или калмыцкой.

Правители Джунгарского государства, решая вопросы создания новой письменности, не могли не учитывать древних традиций монгольской письменности. Как известно, при организации монгольской империи была создана монгольская письменность на основе уйгурской графики, а при Юаньской династии было создано квадратное письмо на основе тибетского алфавита. Выбор же Зая-Пандитой уйгурской графической базы, как отмечал акад. С. А. Козин, "лишний раз свидетельствует о том, что инициатива уйгурского письма и последовательное сохранение его традиции принадлежали, по-видимому, западным монголам."³

С появлением зая-пандитской письменности завершается общемонгольский период пользования древней монгольской письменностью, которая была общей для всех монгольских народов, в том числе и для ойрат-калмыков, и являлась "мощным связующим звеном между восточными и западными монголами (ойратами)".⁴

Создание новой письменности диктовалось помимо обстоятельств политических и религиозных еще и языковыми. Последние в конечном итоге сыграли основную роль. Об этом более подробно изложено ниже в статье "Зая-Пандита создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка."

В результате распада империи Чингис-хана и некогда единого языка монголов диалект ойратов, стоявший несколько особняком от всех других монгольских диалектов XIII века, дал начало образованию самостоятельного языка ойратской народности.

"Как бы отвечая новым потребностям и национальному самосознанию ойратов, — писал акад. Б. Я. Владимирцов, — представитель одного из ойратских племен хошутов Зая-Пандита, получивший солидное образование в Тибете, изобрел в 1648 году ойратский алфавит, основанный на общемонгольском, и установил правила новой орфографии, руководствуясь главным образом этимологическим принципом правописания. Еще большая заслуга Зая-Пандиты заключается в том, что им был определен и установлен литературный язык ойратов,"⁵ на который Зая-Пандита в течение 12 лет (1650—1662) перевел 177 названий, а его ученики 37 названий сочинений из санскрита и тибетского языка по вопросам буддийских канонов, медицины, философии, астрономии и др.

Новая письменность, созданная Зая-Пандитой, должна была быть способной точно отражать происшедшие изменения в языке и служить не только для обслуживания нужд государственной переписки и буддийской церкви, но и быть хранителем литературного языка.

Основой ойратского письменного литературного языка послужил язык устного народного творчества ойратов, типичными образцами которого являются "Джангар", повесть "История Убуши-хантайджи", время сложения которой датируется 1587 годом.

Акад. Б. Я. Владимирцов писал: "Зая-Пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный общеойратский письменный язык."⁶ Далее он пишет, что Зая-Пандита со своей задачей справился

вполне.

"Ясное письмо" получило признание у всех ойратских племен Джунгарии, Кукунора и Поволжья. С созданием "Ясного письма" была заложена основа калмыцкого письменного литературного языка. Этот письменный язык стал государственным языком поволжского калмыцкого ханства.

На нем велась вся официальная переписка калмыков. На новую письменность были переложены "Великое уложение" и другие документы. Этой же письменностью был записан калмыцкий героический эпос "Джангар" — гордость калмыцкого народа, его изумительный вклад в сокровищницу мировой литературы. Однако языком религии и культовой литературы остается тибетский.

Кроме того, принимались меры по повышению грамотности на новой калмыцкой письменности. В законе Дондук-даши 1751 года, являвшемся дополнением к "Великому уложению" 1640 года, предусмотрены штрафы с родителей за необучение детей до 15-летнего возраста монгольской письменности⁸.

От монгольского калмыцкий алфавит отличается своим внешним начертанием, дополнительными буквами и диакритическими знаками, позволившими точно передавать фонемный состав калмыцкой речи.

К периоду создания "Тодо бичиг" в языке ойрат-калмыков были следующие основные фонемы:

а) гласные краткие — семь: a, o, y, в, е, y, и.

б) гласные долгие — семь: a:, o:, y:, э:, е:, y:, и:

в) дифтонги — семь: ai, oi, yi, эi, ei, yi, иi.

г) согласные — девятнадцать: б, h, д, г, ж, з, й, к, л, м, н, н, р, с, т,
х, ц, ч, ш.

Таким образом, зая-пандитский, или старокалмыцкий письменный язык зафиксировал 21 гласную и 19 согласных, итого 40 основных звуков, которые имели фонематическое значение. В отличие от старомонгольской, калмыцкая письменность характеризовалась наличием особого обозначения долгих гласных фонем. Как видно из приведенной ниже таблицы, звуковой состав древнемонгольского языка передавался монголами двадцатью буквами, а калмыки, в связи с созданием своей письменности, фонемный состав своего языка передавали двадцатью семью буквами. На основе алфавита, созданного Зая-Пандитой, была составлена особая калмыцкая азбука, которая называлась цаһан толһа.

Составленный Зая-Пандитой калмыцкий алфавит в сравнении со старомонгольским алфавитом выглядит так:

Монгольскій.			Калмыцкія.			Монгольскій.			Калмыцкія.			Прозношење.	
Въ началѣ.	Среднѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Среднѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Среднѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Среднѣ.	Концѣ.		
ц	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и г
ч	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и м.
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и т
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и б
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и ж
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	и м
д	а	о	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	

В этой азбуке, исходя из графической близости и сочетаемости звуков алфавита, буквы зая-пандитского алфавита были расположены в следующей последовательности: а, э, и, о, е, у, ү, н, х, һ, б, с, ш, т, д, л, м, ц, з, й, к (твердый), қ, г, в, р, ж, п.

Зая-Пандита выработал для своей письменности графику, исходя из фонетической системы родного языка. Знаки нового алфавита были вполне пригодны для точного обозначения всех основных фонем живого ойрат-калмыцкого языка. Отношения между буквами и звуками живой речи были очень близки в период создания данной письменности. Поэтому мы по его графике определяем основной фонемный состав ойрат-калмыцкого языка среднего периода.

Зая-Пандитское письмо, как мы видим, соотносено с фонетической системой языка и наиболее разносторонне отражает язык кал-

мыков того периода. Здесь каждой отдельной букве или графеме, являющейся основной единицей звукового письма, соответствует одна кратчайшая звуковая единица.

Калмыцкий язык относится к языкам агглютинативного типа, в фонетической системе которых особо важную роль играют гласные фонемы. Поэтому они нашли последовательное свое обозначение в старокалмыцком письменном языке. В пределах материалов, которыми мы располагаем, трудно судить с характере возможных звуковых оттенков гласных фонем калмыцкого языка периода создания "Тодо бичиг". Но известно, что позиционная определенность гласных первых слогов, наличие долгих гласных в любой позиции и четкость последних слогов слова обеспечивали ясную артикуляцию гласных в языке калмыков того периода. Что касается согласных, то старокалмыцкий письменный язык свидетельствует о наличии таких оттенков согласных, которые имея специальные буквенные обозначения, все же не имели фонематического значения. Так, для обозначения оттенков или вариантов к имелись три буквы: к — для обозначения звука к в сочетании с переднерядными (мягкими) гласными или перед и, к — для написания того же звука с заднерядными (твердыми) гласными, к — для написания того же звука с глухим оттенком, который писался перед любым согласным и на конце слога (в конечной позиции слова).

Созданная Зая-Пандитой звуковая система письма характеризуется своей большой простотой, возможностью обходиться меньшим количеством знаков и легкостью при передаче грамматических форм слов.

Некоторые знаки калмыцкого алфавита, как и алфавита старомонгольского письменного языка, имеют три разных начертания в зависимости от того, где они находятся: в начале, середине или конце слова.

В отличие от старомонгольского в калмыцком алфавите одинаковы средние и конечные начертания букв э, о, е, а также начальные и средние начертания букв х, н, ч, к, к (твердый), г, ц, з, й, т, д, н, б, л, м, р. Причем первые десять согласных букв не имеют конечного начертания, так как соответствующие звуки не бывают в абсолютном конце слова, а буквы д, н, б, л, м, р такое начертание имеют. Буквы с, ш по своим начертаниям не подразделяются на начальные, средние и конечные, то есть во всех позициях в слове пишутся одинаково.

Зая-Пандита применял диакритические знаки для различения некоторых букв. Эти знаки ставились спереди или сзади букв, например: у отличался от х тем, что спереди у ставилась косая черточка, а после е в отличив от о ставилась прямая черточка сзади у плечика буквы.

В письменности Зая-Пандиты применялись галики, особые буквы, для обозначения иноязычных звуков в заимствованных словах.

ᠵ	ᠠ	ᠨ	ᠭ	ᠯ
1	2	3	4	5

Соответственно — п, в, к (твердый), ж, ч. Последние два галика изобретены в России.

Ю. Лыткин писал: "Преимущество ойратского алфавита перед монгольским состоит в том, что здесь буквы более округлены, и для каждого звука, даже оттенков его были придуманы определенные знаки так, что ими возможно было передавать звуки живого языка — сильного и энергичного. Передавая вполне живой говор народа, письменность с этих пор сделалась способной быть как бы хранилищем жизни ойратов в слове, дала ойратским поколениям начало единства и самобытности, служив средством передачи умственного образования."¹⁰

В старомонгольской письменности такие звуки, как о и у, е и у, к и г передавались одними знаками. Фонемы д и т передаются разными вариантами. Среднеязычный й и аффриката цз или в диалектах — дж обозначаются одним и тем же знаком. Знак, обозначающий д в начале слова, мог передавать согласный х в середине слова или сочетание гласного э и согласного д. Такая несовершенство алфавита "образовала в старописьменном монгольском языке, — пишет проф. Г. Д. Санжеев, — определенное количество графических омонимов, фонетическое значение которых устанавливается только в зависимости от контекста."¹¹

В новой ойрат-калмыцкой письменности, созданной Зая-Пандитой, строго различались фонемы а-э, о-у, е-ү, г-к, д-т, ж-з-г, а также так называемые гортанные согласные, что показано в указанной выше таблице в графе "Произношение" над буквами ха, га, кхэ, гэ, ка, к. Но фонемы д-э, ч-ц соответственно имели по одному знаку и различались либо орфографическими средствами, в зависимости от позиции (перед гласными д означал ж и ч, а перед прочими гласными — з и ц) либо в соответствии с нормами устного произношения

(чоно "волк", цусун "кровь").

Соответственно было решено обозначение долгим гласных. Долгие гласные у и ү передаются удвоенным обозначением одной и той же буквы, а долгие а, о, е, э — присоединением черточка справа от корпуса буквы по основанию. Этот знак долготы носит название "сэрбе" (крючок). При обозначении долгих гласных в середине и в конце слова по общему правилу не ставится начальный "зубец" (аран). Примеры обозначения долгих гласных:

Таблица I

ᠠᠠ	ᠠᠠᠢ	ᠠᠠᠨ	ᠠᠠᠨ	ᠠᠠᠨ	ᠠᠠᠨ
1	2	3	4	5	6

Такой способ обозначения долгих гласных приблизил письмо к живой речи. В письме оказалось возможным различать ула:н, хаша:, доло:н, бо:ршok, уула, буурал, тэмэ:н, кэзэ:, дөрө:, бэлкүүсэн, күүн вместо улаһан "красный", хашиһа "ограда", долуһан "семь", боһурсак "лепешка", аһула "гора", буһурал "чалый", тэмэгэн "верблюд", кэзийэ "когда", дөрүгэ "стрема", бэлгэгүсүн "поясница", күмүн "человек", как это было принято в старомонгольской письменности.

Приведенные примеры способа передачи долгих гласных в зая-пандитской письменности свидетельствуют о том, что задолго до ее создания произошло выпадение интервокальных h, г, м, й. Стяжение двух слогов и образование долгих гласных, как отмечает проф. Г.Д. Санжеев, шло неравномерно и не было полностью завершено в языке ойратов в половине XVII века, то есть к периоду сложения зая-пандитской письменности. Способ орфографирования дөү, өүдэн, өүлэн, зөүч, өүр в зая-пандитской письменности, развившийся впоследствии в дүү "младший", үүдэн "дверь", үүлэн "облако", зүүн "левый", үүр "гнездо", выражал живую речь ойратов того периода. Не было никакой надобности обозначать долгий ү сочетанием өү, если этого не было в живой речи, тем более, что в алфавите Зая-Пандиты были специальные знаки для обозначения долгих гласных в любой позиции слова.

В старописьменном калмыцком языке имеются падежные аффиксы -ийин, ийиги или сочетание ийи. Со временем интервокальный согласный й в этих аффиксах и сочетаниях выпали, а стоящие рядом гласные и стянулись в один долгий и: В таблице 2 показаны долгий и: (№1), сочетание иу (№2), сочетание иү (№3), сочетание ийи (№4).

4̣ū	ạ́щ	ạ́щ	ạ́ū
1	2	3	4

В период создания "Тодо бичиг" началась перебивка заднерядных гласных в переднерядные под влиянием гласного и следующего слога, а также палатализация некоторых переднеязычных согласных (л, н) под влиянием стоящего рядом гласного и. Этим следует объяснить такое орфографирование: мори:со "от коня", мори:р "конем", хуби:са "из чести", хони:со "из овцы". По общему правилу словоизменения в окончаниях исходного и творительного падежей или разделительного деепричастия мы должны были видеть долгие гласные: моро:р, хуба:р, хуба:са, бара:т. Но такое написание, безусловно, тогда не соответствовало бы живой речи. Поэтому создатель нового письма стал передавать эти окончания через и, что следует рассматривать как способ обозначения перебивки заднерядных (твердых) гласных в переднерядные (мягкие). В этом отношении большой интерес представляет написание слова морин через мерин в "Великом уложении", переложенным на зая-пандитскую письменность. Все это свидетельствует о том, что знак *д* использовался, помимо своего прямого значения, как средство передачи начавшейся перебивки заднерядных (твердых) гласных в переднерядные (мягкие) гласные под влиянием гласного и следующего слога, а также палатализации согласных л и н.

Что касается написания типа: ачи:са, ачи:р "внуком", элчи:р "послом", хаж:р "косой", то их следует объяснять устойчивым характером гласного *д* в составе аффрикат ч, ж. Неслучайно и в настоящее время после этих согласных гласный и, будучи в непервых слогах, теряет не полностью свой отличительный качественный признак, мы скорее слышим ачи "внук", келжи "говорил", келжирн "голубь", чем ач, келж, келжирн. В составе других же согласных слова гласный и, будучи в непервых слогах, превратился в неясный гласный или подвергся полному исчезновению, например, морин - мерн "лошадь", но мерт.

Как видно из изложенного, Зая-Пандита прекрасно разбирался в звуковой системе родного языка. Это позволило ему очень умело и глубоко продуманно использовать алфавитные средства в своей новой письменности. Благодаря этому была обеспечена четкая передача фонемной основы родного языка при создании "Тодо бичиг".

С переходом на новую письменность калмыки, как отмечал еще А. Бобровников, "начали писать так, как говорят..."¹²

Зая-Пандитская письменность, точно отразившая "все звуки и оттенки народного говора, сблизила язык книги с языком народа, вытеснила искусственность звуков в словах и грамматических формах, присущих письменному монгольскому языку", — отмечал К. Ф. Голстунский.¹³

Относительное единство языка ойратских племен и незначительные фонетические различия по говорам позволили Зая-Пандите в своей письменности избежать полифонии знаков и приблизить письмо к живой речи ойратов.

В орфографии старокалмыцкого письменного языка, построенной на педантично выдержанном морфолого-этимологическом принципе, следует отметить:

1. В ней, как и в старомонгольской письменности, не было прописных букв. Знаки алфавита как печатные, так и рукописные, внешне не отличались ни по форме, ни по начертанию.

2. Полностью были перенесены со старомонгольской письменности и сохранены слоговой принцип обозначения звуков и способ соединения букв между собой, как это видно на примере соединения следующих слогов:

ᠠ	ᠨᠣ	ᠠ	ᠨᠤ	ᠠ	ᠨᠢ	ᠠ	ᠨᠡ	ᠠ	ᠨᠢ
ᠬᠠ	ᠬᠣ	ᠬᠤ	ᠬᠡ	ᠬᠢ	ᠬᠦ	ᠬᠦ	ᠬᠦ	ᠬᠦ	ᠬᠦ
ᠮᠠ	ᠮᠣ	ᠮᠤ	ᠮᠡ	ᠮᠢ	ᠮᠦ	ᠮᠦ	ᠮᠦ	ᠮᠦ	ᠮᠦ

Следовательно, знаки зая-пандитского алфавита пишут сверху вниз вправо, как бы нанизывая буквы на вертикальную черточку. Обучение чтению и письму происходило по буквенно-слоговому методу, для чего было составлено 273 слога. Слоговой принцип письма обеспечивал ясность обозначения звукового состава языка ойратов.

3. Любая гласная, стоящая в начале слова, имеет "зубчик" (аран), а на конце слова некоторые буквы оканчивались "хвостиками", которых было три

ᠠ	ᠨ	ᠭ	ᠯ
1	2	3	4

Здесь под №1 начальный "зубчик" (аран) к гласной, №2 — это "хвостик" к конечному ᠨ или ᠬ, №3 — согласный ᠷ с "хвостиком",

№ 4 – "хвостик", обозначающий конечный а или и.

4. Сохранен принцип орфографирования н, которая имеет перед собой точку. Эта точка сохраняется, когда согласная н пишется перед гласными, перед согласными точка не ставится.

5. Строго сохранен закон гармонии гласных. В одном слове не пишутся гласные переднего (э, у, е) и заднего (а, о, у) рядов. Гласный и, как звук нейтрального ряда, встречается в зая-пандитской письменности как с гласными заднего, так и переднего рядов, особенно при словоизменении. Слоги ги, ки встречаются в одном слове с любыми гласными.

Закон сингармонизма гласных не исчерпывается их делением на гласные заднего и переднего рядов, а дополняется еще явлением губного притяжения. Суть этого явления сводится к тому, что после а, у, ү, и, э, аi, уi, үi, эi первого слога в следующем слоге не могут следовать о, е, оi, еi и, наоборот, после последних первого слога не могут следовать а, аi, э, эi, а следуют о, е, оi, еi, а также у, ү, үi, үi, например: олон "много", онцо "особый", өбөгөн "старик", өндөйкү "подниматься", толоһоl "голова".

Написание гласных о и е в непервых слогах слова после таких же гласных первого слога отражает закономерное явление, происшедшее в живом языке ойратов до создания зая-пандитской письменности. В письме ойратского хана Галдана к русскому царю, написанном в 1691 году,¹⁴ встречаем слова: мордод "сев верхом", теле "за, ради", хойор "два", өмене "вперед". Подобные же явления мы находим в тексте "Великого уложения" и других документах. В говоре донских калмыков и в настоящее время налично хойор "два", хойорон "вдвоем". Это значит, что за гласными о и е первого слога следовали такие же гласные в непервых слогах в живой речи ойратов периода создания "Тодо бичиг". Не случайно А. Бобровников писал: "Живое произношение решительно не терпит последовательных гласных о-а, е-э".¹⁵ Он привел примеры, как сочетания ийа, ийэ в разговорном монгольском и калмыцком языках дают долгий о: , э: и это бывает при предшествовании им гласных о и е например: доло:ху (долийаху) "лизать", доко: (докийа) "сигнал", өрөшө:кү (өрүшийэку) "оказать милость".

В зая-пандитской письменности, помимо отражения общего закона сингармонизма гласных, отмечается и действие закона гармонии слога. На основании этого закона согласные х, һ пишутся только с гласными заднего (твердого) ряда, а согласные г, к – только с

гласными переднего (мягкого) ряда. Причем согласные h и k не пишутся перед согласными и в конце слова, а вместо них пишется к (средний и конечный), что указано в таблице 3 под № 5.

Таблица 3

4 _г	4 _h	3 _г	3 _к	4 _{к(ср,кон.)}	3 _{к(тверд.)}
1	2	3	4	5	6

Указанная буква к (№5) пишется непосредственно перед согласными, а также на конце слова, независимо от того, какого ряда гласный предшествует ему, например: мактаху "хвалить", көкшин "старый" ираксэн "пришедший", бичикчи "пищущий", цаг "время", цэг "точка". При присоединении к слову с конечным к любых аффиксов, начинающихся с гласной, данный согласный приобретает другой оттенок. Поэтому Зая-Пандита стал обозначать эти оттенки следующим образом: перед гласным и через г (№3), например, цагийги, заднерядными (твердыми) гласными через д (№2) — наһа:р.

Закон гармонии слога в калмыцком языке давал о себе знать до последнего времени, что особенно ярко видно в звуковом оформлении заимствованных слов. Так, слово "хугор" освоено, как куутр, слова "каша", "Кубань", "Казань", как хаш, Ховн, Хазн и т. д.

О строгом соблюдении гармонии слога в "Тодо бичиг" свидетельствует и правописание различных морфем с указанными выше согласными, например: суффикс причастия будущего времени -кү-кэ-ләкү "говорить", но ху — сууху "сидеть" или суффиксы прилагательных һү — хузунһү "чесоточный", но һү — көгширэнгү "старообразный".

6. Как в старомонгольской письменности, так и в "Тодо бичиг" применяется вставная буква (буфер), которая вставляется между конечным согласным основы глагола и окончанием глагольной формы в том случае, если последние начинаются с одной из следующих согласных: к (средний и конечный), н, м: аб — абуксан "взявший", бос — босокчи "встающий", һар — һаруктун "выходите", һаруму и "выходит", һарун "выйдя", һаруксан "вышедший", өг — өгүксэн "давший", өгүкчи "дающий".

7. В старокалмыцком письменном языке знаменательные части слова (морфемы): корень, суффиксы и т. д. пишутся всегда одинаково, независимо от различий в их произношении. В качестве основы написания имен берется именительный падеж, глаголов — повелительная форма, к которым при словообразовании и словоизменении при-

соединяются соответствующие суффиксы. Если буквенный состав морфем передает фонетический облик морфем вплоть до каждого звука в наиболее дифференцированном его положении, то морфологическим написанием корня данного слова сохраняется единообразие последнего во всех его формах.

Примеры приближения написания отдельных аффиксов к формам живой речи.

Наименование грамматических форм	Написание аффиксов	
	в старомонгольской письменности	в зая-пандитской письменности
1. Дательный падеж	: -дур, -тур	: -ду, -ту
2. Совместный падеж	: -луна, -лугэ	: -ла:, -лэ:
3. Творительный падеж	: -бар, -йар	: -а:р, -э:р
4. Настоящее время глагола	: -муi, -мүi	: -на, -нэ
5. Прошедшее время глагола	: -жухуl, -чухуi	: -жи, -чи
6. Давнопрошедшее время глагола	: -луна, -лугэ	: -ла:, -лэ:
7. Соединительное деепричастие	: -жу, -чу	: -жи, -чи
8. Разделительное деепричастие	: -над, -гэд	: -а:д, -э:д

Архаическое написание отдельных слов, имевшее место в старомонгольском письменном языке, были устранены в соответствии с живым произношением. Так, вместо чинагши, инагши, чингигэд, цэмбэ, омартаху соответственно стали писать в новой письменности ца:ран "дальше", на:ран "сюда", тэгэ:д "затем", цэгмэн "сукно", мартаху "забыть" и т.д.

В старокалмыцком письменном языке аффиксы словообразования обычно пишутся слитно со словами, к которым они относятся, а именные аффиксы словоизменения пишутся слитно и раздельно. Такое написание в основном касается исходного и творительного падежей. С долготой гласных пишутся падежные аффиксы -ийи, -ийигэ, -а:р, -э:р, -а:ца, -э:цэ, -ла:, -лэ:. При этом закон уподобления распространялся и на аффиксы словообразования, например: хойор "два", хойоро:со, ойирад "ойрат", ойиро:до:со, то: "число", то:тоi и др. Характерно, что уже в этой письменности отмечено появление соединительных h и г между словами с конечным долгим гласным и дифтонгами, с одной стороны, и падежным окончанием

с гласной, с другой стороны, например: то: "число", то: гийн, то: ло: р, деу "младший" – деугэр; моноі "змея" – моно-йин, моноийно: р.

Таким образом, орфография старокалмыцкого письменного языка представляет собой строгую систему правил, в которой выделяются значимые элементы и тогда, когда произношение не дает по-рою для этого достаточного основания. Но в это же время эта система, используя опорные и проверочные написания, для подавляющего большинства написаний сохраняет связь с произношением.

8. Нам представляется, что уже в период создания зая-пандитской письменности началось в языке ослабление позиции кратких гласных непервых слогов, то есть развитие гласных полного образования непервых слогов в гласные неполного образования. Этим следует объяснять выпадение или ассимиляцию конечного краткого гласного слова при присоединении аффиксов с начальным долгим гласным: албату "подданный" – албата: р, булу "пух" – була: р, булу "семья" – булэ: р. Старомонгольское урида "прежде" встречается в письме ойратского хана Галдана русскому царю (1691г.) как урда.¹⁶ Это слово дважды встречается и в другом письме ойратского посланца Ачин-кишика¹⁷ также русскому царю (1691г.), где написано в одном случае урда, в другом – урду.

Затем в языке краткие гласные непервых слогов начали постепенно терять свою определенность и ясность. Этим следует объяснять разноречивость в написании отдельных слов, сокращение количества слогов, переход открытых двух и трехсложных слов в закрытые односложные и двусложные, что было следствием усечения и выпадения гласных в определенной позиции слова. Так, например, наряду с написанием алус, амураху, ару, удалан, харусху, хабудар допускалось написание алас "через", амараху "отдохнуть", ара "тыл", удуһун "колдунья", харасху "защищать", хабадар "опухоль" или хурһун, кэлкэл, өмнө, услур, зүркэн, хулсун, алха, чилгэр, ерем вместо хуруһун "палец", кэлэкэл "немой", өмөнө "впереди", усулур "водопой", зүрүкэн "сердце", хулусун "камыш", алуха "молоток", чилэгэр "ясный", ереме "сливки"¹⁸ и др. Эти и приведенные выше примеры редукции кратких гласных непервых слогов и исчезновения их в определенной позиции слова являются закономерным процессом, требующим специального изучения.

9. Сохранены в "Тодо бичиг" знаки препинания, применяющиеся в старомонгольской письменности.

Здесь под № 1 и 2 показаны знаки, называемые бирга. Любой из этих двух знаков употреблялся в начале сочинения и глав, а в книгах, написанных на отдельных листах, — в начале каждого листа. Под № 3 стоит знак, называемый цег, соответствующий запятой; под № 4 стоит знак, называемый давхр цег — двоеточие, соответствующий точке; под № 5 стоит знак, называемый дөрвджа цег или бадг "четырёхточие", он ставится в конце глав или частей книг, а также в конце строф в стихах. В последнем случае иногда употребляет несколько таких знаков, разделяя их цегами (см. № 6).

10. В старокалмыцкой письменности имеются особые знаки для обозначения цифр. Эти калмыцкие цифры, заимствованные у индийцев, пишутся горизонтально от левой стороны к правой и располагаются так же, как и арабские, начиная с единицы и далее.

0	᠑	᠒	᠓	᠔	᠕	᠖	᠗	᠘	᠙
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Изложенные нами вкратце основные правила орфографии зая-пандитской письменности показывают ее прямую преемственность с орфографией старомонгольской письменности. Учет Зая-Пандитой сильных и слабых сторон орфографии старомонгольской письменности позволил ему построить очень удобную и легкодоступную орфографию для ойратской письменности. Что касается обозначения отдельных оттенков фонем ойратского языка, то оно было сделано под влиянием санскритской письменности, в которой оттенки имеют свои буквенные знаки.

Из ниже приведенного текста мы видим, что с внешней стороны калмыцкий шрифт довольно красив. Из этого текста видно, что Зая-Пандита создал четкий тип письма, с определенной графической формой и стабильным составом графем, выражающим точное фонетическое значение.

Если переложить указанный текст на современное калмыцкое письмо, он будет выглядеть так:

а) текст написанный старокалмыцким (зая-пандитским) письмом:
 Нигүүлэскү: ¹⁹э:цэ үлэмжи сэджил тереку. Дорона э:цэ нара урлуху.
 Шилта:н э:цэ үрэ тереку. Гер э:цэ эд бара:н нарлаху. Маэер э:цэ
 ноно:н урлуху. Дэ:дү ном э:цэ сайин цуултан нарху.

б)этот же текст в современной калмыцкой орфографии:нүүлэс
 үлж сэдкл төрх.Дорндас нарн урхх.Шалтгас үр төрх.Гэртэс эд ба
 ра нархх,назрас воһан урхх.Дөөд номас сэн цуулһн нарх.

Ниже прилагается краткий образец текста.Первая половина
 текста напечатана монгольским шрифтом, вторая – старокалмыцким.²⁰

Из милосердїа рожда
 ются лучшія мысл
 Съ востока восходить
 солнце. Отъ причинъ
 рождаются сладостїа.
 Изъ дома выносятся ве
 щи. Изъ земли выро
 стаетъ зелень. Изъ вы
 сочайшаю ученїа выхо
 дитъ собранїе добродѣ
 телей.

телей.

Указанные тексты, напечатанные старомонгольским и старокалмыцким шрифтами, являются в точности одинаковыми. Полифония знаков монгольского письма не позволяет переложить монгольский текст на современное калмыцкое письмо. Однако из сравнения монгольского и калмыцкого текстов видно, что в монгольском тексте написано шилтапан, барапан, ноһуһан, чһуһуһан, дэгэдү, что соответствует в калмыцком шилтаан "причина", бараан "товар", ноһоон "трава", цуулһан "собрание", дээдү "высочайший". Отсюда напрашивается вывод о том, что в период создания калмыцкой письменности в языке калмыков уже наличествовали долгие гласные, образованные вследствие выпадения интервокального согласного һ. Вместе с тем старокалмыцкий письменный язык свидетельствует о сохранении в языке того периода дифтонгов, двослогов (нигеүләскү: "милосердие", сэйһн "хороший") и полнозвучности гласных во всех позициях слова.

Со временем дифтонги и двослоги в калмыцком языке развились в долгие гласные. Долгие гласные в свою очередь получили свое дальнейшее развитие: в односложных словах и в непервых сло-

гах двух и многосложных слов они перешли в полудолгие гласные, а краткие гласные непервых слогов стали неясными гласными.

Таким образом, система буквенного обозначения фонем раскрывает фонетическую систему ойрат-калмыцкого языка, а написание того или иного слова соответственно его произношению обеспечивало стабильное чтение.

В первое время после создания зая-пандитской письменности в старокалмыцких текстах, особенно в переводах буддийских сочинений с санскрита и тибетского языка, встречались наряду с новыми и старые написания тех или иных морфем или отдельных слов, например: харлуци вместо зарлуци "судья", аффикс -луна (-лугэ) часто писался наравне с -ла: (-лэ:), харлуна -ларла: "вышел", ирэлуга - ирэлэ: "пришел", а морфема -муї, (- муї) наряду с -наї (-нэл): харумуї - харунаї, ирэ-муї - ирэнэ .

Со временем, по мере дальнейшего развития фонетической системы калмыцкого языка, произвольно вносились изменения в написания отдельных слов. В силу этого в старокалмыцком письменном языке встречается, как указывалось выше, разное написание одних и тех же слов. По этим неодинаковым написаниям одних и тех же слов, что принято называть разночтением, мы можем проследивать фонетические изменения в языке.

Вместе с изустным освоением заимствованных слов постепенно вводилось употребление галика и в словах калмыцкого языка. Так, наряду с традиционными написаниями по орфографии Зая-Пандиты галики ж, ч, в, к (твердый) стали писаться также в исконно калмыцких словах. Применение галиков было не произвольным, а закономерным, оно отражало соответствующие изменения в звуковом составе калмыцкого языка или являлось свидетельством того, как по мере освоения каких-либо звуков, они находят свое буквенное обозначение.

Как известно, аффрикаты ч, ж обычно писались с гласной и. Этим отличались они от согласных ц или з. Постепенно эти аффрикаты, зачастую передаваясь на письме соответствующим галиком, например: че: жи, чабчиху, чачир, чагчим, жоло:, жажилаху вместо це: жи, "грудь", чабчиху "рубить", чачир "зонт", чагчим "крутой", жилуна "вожжи", зажилаху "жевать". Согласный в стал встречаться только в середине и конце слова, так как в калмыцком языке он не допускается в начале слова. Этот согласный в в начале слова был освоен как б, а в некоторых редких случаях как о (очир вместо

вачир "алмаз"). Характерным оказывается появление в калмыцком языке твердого оттенка согласного к, близкого к русскому к в словах типа -- кадры. В связи с этим данный к мог сочетаться и составить слог с заднерядными гласными а, о, у. Обычно эти гласные сочетаются с согласными н, х. Примеры сочетания заднерядных гласных с твердым к: зоко:ху, ука:ху, така:, сакуусун, оркуху, вместо старомонгольского зокийаху "учреждать", угийаху "мыть", такийа "курица", сакиһусун "талисман", оркиху "оставить".

Написание аһуу, алца:ху, хууби, һууху, сийкэ наряду с аһу "обширный", алцайиху "растопырить ноги", хуйби "совет", һуйиху "выпрашивать", суйкэ "серьги" фиксировало развитие дифтонгов в долгие гласные, начавшееся в живой речи. Сочетания ду, дү, оу, өү также развились в долгие гласные. Под влиянием начавшейся ассимиляции в старокалмыцком письменном языке последнего периода, наряду с еүргэ, дөү обнаруживаются написания үүргэ "ноша", дүү "брат" и др. Разнобой в написании отдельных слов свидетельствуют и о других фонетических изменениях, происшедших в живом калмыцком языке.

Калмыки пользовались зая-пандитской письменностью вплоть до 1924 года, то есть около 300 лет. Эта письменность сыграла в свое время выдающуюся роль в истории калмыцкого народа, в развитии его культуры, искусства и литературы. Ведь письменные памятники народов, их культура, их письменная традиция начинаются с создания своей национальной азбуки. В этом отношении зая-пандитская или старокалмыцкая письменность, создавая условия и возможности для развития калмыцкой национальной культуры, бесспорно, сыграла важную роль.

В наше время старокалмыцкий письменный язык, подобно старомонгольскому письменному, стал книжным и малодоступным. В этом письменном языке грамматические формы и орфографические нормы оставались неприкосновенными, почти не приспособлялись к закономерностям развивающейся живой народной речи. Поэтому старокалмыцкий письменный язык окостенел и практически стал непригодным. Однако на этом языке сохранилось значительное количество оригинальной исторической, юридической и отчасти художественной литературы, записаны ценные произведения устного народного творчества калмыцкого народа. Среди них большой интерес представляют документы об ойратско-русских отношениях. Изучение всего этого богатства имеет большое практическое и научное значение.

В деле изучения развития фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса калмыцкого языка исключительно велико значение памятников как на старокалмыцком, так и старомонгольском письменном языках. Такое изучение в состоянии раскрыть и расшифровать много неясных и непонятных процессов, происшедших в калмыцком языке.

Сравнение современного калмыцкого языка со старокалмыцким или зая-пандитским письменным языком дает интересные данные о развитии в калмыцком языке долгих гласных, палатализации согласных, переход заднерядных гласных в переднерядные, редукции кратких гласных непервых слогов, различного рода звуковых ассимиляций, чередования и появления новых звуков, имеющих фонематическое значение. Старокалмыцкий письменный язык позволяет расшифровать этимологию отдельных слов и словосочетаний калмыцкого языка. Так, например, слова суух "сидеть", суур "основа", восходят к одному общему корню суу "сиди", в "Худма бичиг" — сууху и суури. Стало быть, слово суури под палатализующим влиянием конечного и развилось в суури. Слово тэлтр "на той стороне" образовалось из сочетаний тэрэ "то, тот" и тала "долина", "сторона". При слиянии этих двух слов произошла метатеза согласных л и р. Слово цальң "жалованье" восходит к китайскому цянь-лян. Из сочетаний hai "плохой" и uga "нет" образовалось в торгутском говоре гээгэ, дербетском — гээвһэ, в говоре донских калмыков — гээһэ "хороший, прекрасный". Сочетание тэйин "так" и гэд "аффикс" дало двойное развитие тэгэд "затем, потом" и тиггэд "таким образом", а в речи торгутов в основном дало тигэд в обоих указанных выше значениях. Интересно отметить, что в "Великом уложении" выражение "не ставить в вину" передавалось сочетанием hai uga "плохой нет", а в законе Дондук-даши, в связи со слиянием hai uga в одно слово (һээвһэ) это же выражение передавалось уже словами гем "болезнь" и уга "нет" и приобретает значение "хорошо".

Большой интерес представляет образование омонимов в калмыцком языке. Слово oi в старомонгольской письменности означало "лес, роща, сноровка, разум, круглый год или годовщина, чувство отвращения", а слово ege передавало понятие "неровность и шероховатость". Выпадение в слове ege интервокального г дало долгое е:, и в старокалмыцком письменном языке е: означает "неровность или шероховатость", ei "роща и недоделок", ei "сноровка", oi

"лес", омоним "разум". В дальнейшем из этих слов образуются омонимы, так: оi "лес", эi "роща", е:i "сноровка", развились сначала в в; затем - в полудолгий е и стали произноситься одинаково со словом е "неровность, шероховатость". Постепенно стали теряться значения слова е - "роща, разум, лес, сноровка". В настоящее время в живой речи сохранилось е в прямом значении - только как "неровность". Былые значения е "лес", "роща", "сноровка" обнаруживаются из контекста отдельных выражений: эете кун "человек со сноровкой", "умелый человек", е-шулу модн "тайга". Здесь е "лес" в сочетании с шулу модн "густой лес" стало означать "тайгу", "лес" вообще". В пословица: Сурин бэри еенднь, сундлн бэрнь гертнь - "Учить до ума, поставлять до дома" корень слова еен означает "разум", восходит к старомонгольскому оi. Причем слово еен в изолированном виде малопонятно, оно составляет омоним со словом еен „ годовщина", которое в свою очередь восходит к старописьменному калмыцкому он.

В современном калмыцком языке слово гун означает "глубокий" и "кобылица", в старописьменном калмыцком - гун "глубокий", гун "кобылица", в старомонгольском языке гун "глубокий", а гэгун "кобылица". Как видно из этих примеров, старомонгольский гэгун развился в гун. Монголы различают гун как "глубокий", гун "кобылица". В калмыцком же языке образовался омоним гун. Причем гун "глубокий" по своему произношению полностью уподобился слову гун "кобылица", получая при словоизменении долготу гласного у в косвенных падежах как слово гун "кобылица" - гуннь "глубине и кобылице". Слово ур "плод", "потомство, сверстники" и ур "гнездо" составляют теперь омоним. В старокалмыцком языке было урэ "плод, потомство, сверстники", еур "гнездо". В старомонгольском эгур "гнездо". В современном монгольском языке ур "плод, потомство", а уур "гнездо". В калмыцком языке эти слова не различаются. К тому же слово ур приобрело дополнительное значение - товарищ.

Можно привести много подобных примеров, показывающих возникновение омонимов в результате редукции кратких гласных непервых слогов слова и образования долгих гласных.

Старокалмыцкий письменный язык позволяет выяснить, на каком из калмыцких говоров написан тот или иной документ. Так, например: "Великое уложение" написанное старомонгольским языком (письмом), было переложено на калмыцкий язык в основном на торгутском говора. Это объясняется написанием слогов: сумун, нурбан,

бэдүүн, шубуун, гөлмөн, хорим, мохордужу, вместо дербетского — сомун "пуля", лорбон "три", бэдүүн "толстый", шобуун "птица", гүлмөн "сеть", хурим "пир".

Мы привели лишь отдельные случаи разночтения. Задача заключается в том, чтобы широко и планомерно изучить все имеющиеся литературное наследие на старокалмыцком письменном языке и в полной мере использовать все то ценное, что имеется на этой письменности. Отсюда, несомненно, ставится вопрос о необходимости научного изучения всего литературного наследия на "Тодо бичиг" в целях разработки истории калмыцкого народа, истории развития калмыцкой литературы и языка. Для этого все печатные и рукописные материалы, накопленные более чем за 300 лет, необходимо систематизировать, издать и перевести на русский язык, чтобы содействовать развитию всего нашего отечественного востоковедения. Равным образом представляется целесообразным составить и издать специальные пособия по зая-пандитской письменности для всех высших учебных заведений, в которых изучаются калмыцкий, монгольский и бурятский языки.

1. "Джунгария" или "Зюнгария" образовано от двух слов "жун гар", что означает — левая сторона, дословно — левая рука.
2. Козин С.А. "Джангариада". Л., 1940. С. 13.
3. Козин С.А. Эпос монгольских народов. М.—Л., 1948. С. 107.
4. Козин С.А. Там же. С. 6.
5. Владимирцов Б.Я. Литература Востока. Вып. II. Сб. статей, 1920. С. 94
6. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 25—26.
7. По старой традиции калмыки "Тодо бичиг" (Ясное письмо) иногда называли монгол үзүг (монгольские буквы), Проф. Голстунский писал: Слово "монгол" калмыки употребляют в значении "калмыцкий", когда говорится о письменах: монгол үзүг означает "калмыцкие буквы", монгольские письмена калмыки называют словом худма үзүг (совр. хуудм — д. П.) См. "Монголо-ойратские законы". С. 137.
8. Цаһан толһа — дословно "белая голова". У калмыков все, что является благородным, связано со словом цаһан: цаһан сар (белый месяц) — начало весны, цаһан санаһ (благородная мысль), цаһан идән (молочные продукты), цаһан хаалһ (счастливей путь) и др.
9. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 8.

10. Лыткин Ю. Астраханские губернские ведомости. № 33, 1859, 14 авг.
11. Санжеев Г. д. Сравнительная грамматика монгольских языков. 1953. С. 77.
12. Боборовников А. Там же. С. 7.
13. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года: Примечания, С. 129.
14. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVI века. М., 1958. С. 170. Приложение.
15. Боборовников А. Там же. С. 32.
16. Шастина Н. П. Там же. Приложение. С. 170.
17. Шастина Н. П. Там же. Приложение фотодокумента.
18. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. С. 92.
19. Слово нигүүлескү "милосердие" является архаизмом. Оно звучало бы в современном калмыцком языке приблизительно как нүүлскү → нул.
20. Боборовников А. Там же. С. 247.

**ЗАЯ-ПАНДИТА – СОЗДАТЕЛЬ СТАРОКАЛМЫЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

(Сб. «ИЛИЯИ "320 лет старокалмыцкой письменности".
Элиста, 1970).

320 лет калмыцкой письменности "Тодо бичиг" отмечается потому, что она является выдающимся культурным наследием калмыцкого народа, которое сыграло в свое время исключительно большую роль в истории калмыцкого народа, в развитии его самобытной культуры и искусства. С созданием "Тодо бичиг" была заложена основа калмыцкого литературного языка и положено начало калмыцкой оригинальной литературы.

Создатель ойратской (калмыцкой) письменности Зая-Пандита Огторгуйин далай (по-тибетски ламкай ламцо) родился в год свиньи-земли (1599 г.), принадлежал кисти хошоутов¹, отоку гереэчин,² а в этом отоке – к семейству шенгас,³ что изложено в его биографии⁴ так: "ясан ину хошоуд¹, отог ину гереэчин (2), гереэчин дотороон шацхас (3) аму¹".

Письменные памятники свидетельствуют о том, что Зая-Пандита имел много имен и титулов, самыми распространенными из которых были: Рабжамба Зая-Пандита, Бламайин гэгэ:н, ламкай ламцо, Богдо гэгэ:н, Огторгуйин далай, тойин рабжамба, цэцэн рабжамба, ху-бираг цэцэн рабжамба, ойирадын рабжамба, ачиту цоржид Зая-Пандита.

Это свидетельствует об авторитете и большом почитании его в народе.

Переводческая деятельность Зая-Пандиты началась на монгольском письменном языке, видимо, с 1640 и продолжалась на созданной им письменности почти до его смерти, т.е. 1662 г.

О причинах создания "Тодо бичиг"

Ойраты, или предки калмыков, как известно, это основное население западной части Монголии и Тарбагатайского края. По свидетельству "Сокровенного сказания" и "Сборника летописей" персидского ученого Рашид-ад-дина, ойраты составляли единый народ.

Ойраты пользовались до середины XVII века общемонгольской письменностью. Эта письменность была и национальной письменностью ойратов. Уже с середины XVII века ойраты стали иметь свою письменность, известную в науке под названием "Тодо бичиг" или "Ясное письмо". Создание особой ойратской письменности диктовалось стечением ряда причин, важнейшими из которых являются:

Во-первых, образование суверенного Ойратского, или Джунгарского ханства. Как известно, после падения Маньской (Монгольской) династии ойратские племена, входившие в состав Монгольской империи, по выражению акад. С.А. Козина, как члены федерации, уже с XV века начали жить самостоятельно и независимо.

Политическая история ойратов становится известной с середины XV века именно под названием "Дербэн ойрат", т.е. как четырехъединный Ойратский каганат.

Образование ойратского ханства способствовало процессу сложения ойратской народности.

В период становления Джунгарского ханства появилась настоятельная необходимость создания новой письменности, способной обслуживать все стороны общественной жизни ойратов.

Инициатором создания "Тодо бичиг", как и созыва монголо-ойратского съезда 1640 года, на котором было утверждено "Великое уложение", на наш взгляд, был Батур-хун-тайджи, глава ойратского ханства, с которым Зая-Пандита поддерживал постоянную связь и находился в дружеских отношениях.

Из биографии Зая-Пандиты, написанной и опубликованной его учеником Раднабадрой, известно, что Зая-Пандита лето 1648 года провел в ставке Батур-хун-тайджи⁵. По всей вероятности, в это время Зая-Пандита и начал работать над "Тодо бичиг". Биограф далее сообщает, что Зая-Пандита составил "Тодо бичиг" зимой

1648 года⁶. В "Сказании о Дөрбэн ойратах" Батур-Убаши Тюменя сказано: "Свидание и беседы с экигарским Батур-хун-тайджием, закондателем ойратским, окончательно убедили Зая-Пандиту приступить к великому делу. Зимой 1648 года он составил ясные буквы."⁷

Во-вторых, созданием новой письменности преследовалась цель способствовать распространению ламаизма среди ойратов на понятном для них письменном языке, ибо старомонгольская письменность не могла в должной мере способствовать победе Зая-Пандиты в борьбе за искоренение шаманства среди ойратов и распространение ламаизма. Ламаистская литература, которая издавалась на старописьменном монгольском языке, была крайне малопонятна не только ойратам, но и самим монголам.

В этих условиях Зая-Пандита понимал бесполезность перевода для ойратов буддийской литературы на старописьменный монгольский язык.

Что касается литературы, написанной на тибетском языке, то она не была доступна ойратам. Тибетского языка не знало большинство ойратских священнослужителей-гелюпгов. Те из лам, которые умели читать по-тибетски не знали содержания прочитанного: они механически заучивали буддийские каноны.

В связи с этим, перед Зая-Пандитой и правителями Джунгарского ханства, принявшими ламаизм в качестве государственной религии, стала настоятельная задача создать новую письменность, удобную для нужд государства и буддийской церкви.

В-третьих, огромный разрыв между архаической формой написания и звуковой системой живого языка ойратов привел к явному противоречию между письмом и живой речью. Например: писали улаан и анула, дэругэ, эмэгэл, долунан, тэмэгэн, сахуху, инагши, чилахун, ябумуї, а говорили соответственно улаан "красный", оула "гора", дэрээ "сфремя", эмээл "седло", нааран "скда", долоон "семь", тэмээн "верблюд", соуху "сидеть", нааши "скда", чилоун "камень", йабна "идти". Как видно из этих примеров, монгольское правописание отражало древнее произношение, а не живой язык данной эпохи. По указанному правописанию трудно было узнать обычные, общеизвестные слова.

К периоду сложения Джунгарского государства в языке ойратов произошли большие изменения фонетического и морфологического порядка. Эти коренные изменения потребовали не реформы, а создания новой письменности. Графика старомонгольского письма

не в состоянии была точно передавать звуки живой речи ойратов и обеспечивать потребность дальнейшего развития языка ойратской народности, а орфография стала совершенно архаичной и малодоступной.

Следовательно, несовершенство старомонгольской письменности, оторванность ее от живой речи ойратов послужили непосредственной причиной, вызвавшей необходимость создания новой письменности для ойратов.

Кроме того, при создании "Тодо бичиг" правители Джунгарского ханства и Зая-Пандита, по всей вероятности, как отмечают известные ученые В.Л.Котвич и Г.Д.Санжеев, стремились сделать "Тодо бичиг" общемонгольской письменностью. Об этом говорят следующие данные: во всех документах и письмах обычно встречается выражение монголов бичсэн "написано по-монгольски", хотя фактически написано "Ясным письмом". Следует учесть и то, что "Тодо бичиг" был составлен вскоре после знаменитого Джунгарского съезда, утвердившего широко известные монголо-ойратские законы 1640 года (Цаажин бичиг). В осуществлении этих законов, под которыми торжественно подписались виднейшие деятели Халхи, Джунгарии, Кукунора, Поволжья немаловажную роль должна была сыграть общедоступная письменность, какой являлась "Тодо бичиг".

В этом отношении заслуживает большого внимания свидетельство биографа Зая-Пандиты о том, что правитель кукунорских ойратов (хошоутов) Далай хун-тайджи и другие нойоны, организовав пышную встречу Зая-Пандите, возвращающемуся со второй поездки в Тибет (1652 г.), обратились к нему со словами: "Зная Вас как самого влиятельного человека, пожелания которого не будут иметь возражения, просим обратиться к императору с повелением, чтобы он содействовал распространению монгольской литературы (имеется в виду "Тодо бичиг" - Д.П.). На это Зая-Пандита, как отмечает его биограф, ответил с улыбкой: "Желание Ваше справедливо, но хан горд: когда прибуду - посмотрю"⁸.

Как видно из указанного пожелания Далай хун-тайджи, "Ясное письмо" и здесь называлось монгольским, и неслучайно вносилось предложение обратиться к императору Цинской династии за содействием в деле его распространения по всей Монголии.

Указанный факт свидетельствует о том, что "Тодо бичиг" со дня своего зарождения был призван стать общемонгольским достоянием, и в его распространении во всей Монголии были заинте-

ресованы не только правители Джунгарского ханства и Зая-Пандита, который был признанным главой духовенства Джунгарии и Восточной Монголии, но и правители кукунорского ханства, видевшие также в "Тодо бичиг" одну из реальных возможностей в объединении усилий ойратов и восточных монголов против надвигавшейся опасности со стороны Цинской династии, которая, захватив Внутреннюю Монголию, вплотную подошла к границам Внешней Монголии.

О том, что Зая-Пандита рассчитывал сделать "Тодо бичиг" общемонгольской письменностью говорят и языковые факты. В переводах Зая-Пандиты и его учеников встречаются наряду с новыми и старые написания тех или иных морфем и отдельных слов: аффиксы: -басу, соответствующий калмыцкому -хула:нарбасу - нархула "если выйдет", -макца (и мэкцэ), который отсутствует в калмыцком языке и переводится на русский язык "как только", "лишь только", аффиксы -луна, -лугэ, часто писали наравне с -ла:, -лэ: (нарлуна → нарла: "вышел", ирлугэ → ирлэ: "пришел", а морфеме муі и муі наряду с наі и наі (нарумуі ~ наруна). "Такая непоследовательность, - писал А. Бобровников, объясняется укоренившейся привычкой к монгольскому книжному языку и еще, вероятно, потому, что на первый раз представлялось неприличным вводить в священные тексты язык и выговор популярный... до ныне в частной переписке и в некоторых новых сочинениях, написанных без притязания блеснуть знанием священного, является письмо, в точности соответствующее живому выговору."

Зая-Пандита зачастую давал предпочтение написанию слов по типу халха-монгольских: хойодунар "по двое", ебер "сам", ебер еберийн "сами своих", эдүі "столько", тэдүі "столько", илангуяа "особенно", нада "мне", инагши "сюда", чивагши "туда", хамту "вместе", кэрба "если".

Параллельное употребление указанных выше языковых форм, предпочтение написанию отдельных слов по типу восточно-монгольских, помимо отмеченных А. Бобровниковым причин, объясняется стремлением Зая-Пандиты, во-первых, обогатить родной язык отсутствующими, но нужными аффиксами и словами из общемонгольского языка, во-вторых, облегчить переход восточных монголов на новую письменность. Этими целями, видимо, объясняется допущение Зая-Пандитой написание слов с губной гармонией по типу восточно-монгольских (халхаских) наречий. Этому способствовал процесс губной ассимиляции, происходивший и в самом ойратском (калмыц-

ком) языке (10).

Зая-Пандита, применив в своей письменности закон губной гармонии, в основном по типу восточно-монгольской, стремился сохранить общемонгольскую письменную традицию.

Старокалмыцкая письменность

Созданный Зая-Пандитой 320 лет тому назад алфавит отвечает и сейчас основным требованиям лингвистической транскрипции: каждому звуку свое буквенное обозначение, передаваемое только одним знаком. И ныне ориенталисты восхищаются чрезвычайной точностью остроумно составленного Зая-Пандитой алфавита и с полным основанием считают его выдающимся лингвистом своего времени.

В алфавите Зая-Пандиты нашли свое буквенное обозначение не только основные фонемы, но и даже оттенки некоторых фонем родного ему языка.

Создавая новый алфавит, Зая-Пандита не стал выдумывать новые буквенные знаки, что, конечно, и не требовалось, а решил воспользоваться существующим общемонгольским алфавитом. Ему, бесспорно были известны алфавиты других языков, в частности, санскрита, тибетского, маньчжурского, квадратной письменности.

В отличие от "Тодо бичиг" в "Худма бичиг"¹¹ не различаются о и у, э и ү, д и т, к и г. Одним и тем же знаком обозначаются среднеязычный й и аффриката дз или в диалектах -дж. Знак, обозначающий а в начале слова, мог передавать согласный х в середине слова или сочетание гласного э и согласного н. Из 14 буквенных знаков старомонгольского алфавита только три имели самостоятельное значение — л, м, р, а остальные 11 знаков имели одновременно по несколько значений.

Несовершенство монгольского алфавита приводило к возникновению графических омонимов, фонетическое значение которых устанавливалось только в зависимости от контекста. В силу этого одинаково писались, но по-разному читались, например, такие слова, как дзэһун "сто", йаһун "что"; хотя "пища", худа "сват"; эндэ "здесь", ата "верблюд", ада "сумасшествие" и т.д.

Во избежание полифонии, т.е. многозначности букв, Зая-Пандита ввел дополнительно новые буквы, применив диакретические знаки, а также использовал графические средства. Так, букву под №7, которой обозначались в монгольском алфавите звуки о и у, сохранил только в значении у. Поставив к ней косую ниспадающую черточку спереди получил букву у. (см. №6) Для гласного о изобрел

новую букву (см. №4). Подставив к этой букве маленькую черточку сзади сверху по плечу, получил букву в (см. №5). В монгольском алфавите буквой под №14 обозначались начальный т и д, а знаком под №15 - звук д в середине слова перед гласными. Зая-Пандита взял для т ту букву, которая употреблялась в начале слова (см. №14), а для д - то, что монголы употребляли в середине слова (см. №15). Согласные з, ж обозначаются одинаково (см. №19). До перед и эта буква была принята как ж, а перед другими гласными - как з. Точно также ц и ч (см. №18) передаются одинаковыми буквами. Перед и данная буква принята как ч, а перед остальными гласными - как ц.

Таким образом, Зая-Пандита, внося соответствующую реформу в монгольский алфавит, избежал полифонию знаков и графически рационально построил свое письмо.

Изученные нами материалы позволяют сделать выводы: Зая-Пандита ввел дополнительно не семь, а пять новых букв для передачи звуков э, о, к (твердый), к, и, указанных в таблице алфавита соответственно под №2, 4, 21, 22, а буква и дана в таблице №1 под №3, о ней будет сказано ниже. Кроме того, уточнил значение употребления букв, обозначенных под №19, 20, сохранив за среднеязычным й букву, обозначенную под №20, а для з и ж - буквы под №19.

В старомонгольском алфавите буквой под №20, как сказано выше, передавались звуки з и й, или в диалектах ж¹² в середине слова. Знак, обозначенный под №18, передавал аффрикату ч в любой позиции слова. Семь букв снабжены особыми диакретическими знаками: у, н, х, н (см. №10), к (см. №23) - диакретическими знаками спереди, а буквы ш, е - диакретическими знаками сзади.

Для передачи звуков в заимствованных словах, особенно из тибетского и санскрита, были изобретены особые транскрипционные знаки, называемые галик, более распространенные из которых даны в указанной таблице алфавита в графе "галики".

Далее, касаясь вопроса о буквенных знаках старокалмыцкой письменности, следует отметить, что в начале прошлого, XIX века, в Поволжье благодаря стараниям русских ориенталистов впервые был отлит разборный шрифт по прекрасным образцам калмыцкой национальной каллиграфии. Большое содействие в отливке этих шрифтов оказал И. Я. Шмидт. Шрифты были двух образцов: мелкий и более крупный. Более крупный шрифт был, видимо, отлит несколько позже. Этим крупным шрифтом, например, в 1892 г. были изданы А. М. Позднеевым в С.-Петербурге "Калмыцкие народные сказки".¹³

Старокалмыцкий алфавит

Порядок букв	Начертание				Порядок букв	Транскрипция	Начертание				Транскрипция
	отдельное	начальное	среднее	конечное			отдельное	начальное	среднее	конечное	
1	1	1	1	1	15	а	а	а	а	а	а
2	2	2	2	2	16	б	б	б	б	б	б
3	3	3	3	3	17	в	в	в	в	в	в
4	4	4	4	4	18	г	г	г	г	г	г
5	5	5	5	5	19	д	д	д	д	д	д
6	6	6	6	6	20	е	е	е	е	е	е
7	7	7	7	7	21	ж	ж	ж	ж	ж	ж
8	8	8	8	8	22	з	з	з	з	з	з
9	9	9	9	9	23	и	и	и	и	и	и
10	10	10	10	10	24	к	к	к	к	к	к
11	11	11	11	11	25	л	л	л	л	л	л
12	12	12	12	12		м	м	м	м	м	м
13	13	13	13	13		н	н	н	н	н	н
14	14	14	14	14		о	о	о	о	о	о

Газлики

15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л

Просмотренная нами печатная продукция, в том числе калмыцко-русские буквари, показывают, что все они в основном печатались шрифтом более мелкого образца. Оба образца шрифта красивы по внешнему виду и очень четки.

Касаясь буквара И. Бадмаева, В. Л. Котвич в предисловии к "Калмыцко-русскому букварю", изданному в 1915 году в соавторстве с ним, отмечает: "В 1911 году второе издание было перепечатано более крупным шрифтом."¹⁴

Этот шрифт выгодно отличается не только внешним красивым своим видом, но и устранением ряда упущений, допущенных в прежних отливках, а также введением новых знаков.

Таблица I

а	а	а	ы	ы	ы	ы	ы	п	т	т
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
в	э	и	п	п	ж	ч	к	о	к	б

Крупные отливки шрифтов показывают следующее:

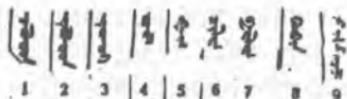
I. Галик в уже стал сходным с рукописным оригиналом Зая-Пандиты (таблица № I, знак № I). Этим галиком со временем стали обозначать соответствующий звук не только заимствованных слов, но и в словах родного калмыцкого языка в связи с появлением особой фонемы в, развившейся из губно-губного б. Теперь некоторые ученые даже сомневаются: были ли буквы в и п (знаки №1, 4) галиками? Ради справедливости мы сочли нужным вывести эти буквенные знаки из основной таблицы алфавита в раздел галики.

В букваре И. Бадмаева имеются галики для обозначения согласных ч и к (стр. 8), помещенные нами в таблице № I под №№ 7 и 8. Этим знакам нет в списках галиков Зая-Пандиты на "Тодо бичиг", приложенных к переводу биографии Зая-Пандиты на монгольский язык (Улан-Батор, 1959), а также в списках галиков, указанных в грамматиках А. Попова (1847)¹⁵, А. Бобровникова (1849). Это значит, что указанные галики были введены в Поволжье, что нашло свое употребление не только в рукописи, но и в печатной продукции. Кроме того, были введены рукописные знаки для к (№10) и б (№11). Галиком к (№8) обозначались звуки, заимствованные из русского и через русский язык.

Введение особого галика для обозначения ч диктовалось не только необходимостью различать на письме ц и ч в заимствованных словах из русского и через русский язык, но и происшедшим

переломом гласного и в самом родном языке. Существовавший способ различения ч и ц, равно э и ж в связи с переломом и, уже не отвечал практическим требованиям письма. Этим следует объяснить факт широкого использования галика ч и ж (см. таблицу 2) для обозначения слов родного языка со звуком ж и ч. В новом крупном печатном образце галик ж имеет закругления в конце своей головки (сравните знак № 6 в таблице № 2 со знаком № 4 в таблице алфавита в строке галики).

Таблица 2

Здесь даны слова: чилуун (№1) и чолуун (№2). Они обозначают каждое в отдельности "камень", чонжи (№3) "церковь", жыл (№4, 5) "год", жолот (№6, 7) "поводья", "копна" (№8), пистуул (№9) "пистолет". Если сравнить их, то в словах под № 2, 3 в отличие от слова №1, начальный ч является галиком. Галиком же является ж в слове под №5 в отличие от ч в слове под №4, в слове под №7 начальный ж является галиком, в отличие ч в слове под №6, галиками являются начальный к в слове копна (№8) и п в слове пистуул (№9).

2. Знак, обозначающий гласный э (таблица алфавита, знак №2) в печатном виде, несколько отличается от рукописного оригинала тем, что в последнем передняя линия головки имеет не прямую, а полукруглую форму. Этот пробел устранен в новых отливках шрифтов, одним из которых отпечатан указанный букварь (таб. I, знак №2).

3. Печатный знак начального и среднего и (таб. алфавита, знак №3) в какой-то мере напоминает собой монгольский и в указанных позициях, тогда как в оригинале Зая-Пандиты данный знак по своей форме несколько отличается. В новых отливках шрифтов печатная форма буквы и уже сходна с ее рукописным оригиналом (сравните знак №3 таб. алфавита со знаком №3 таб. I).

4. В алфавите Зая-Пандиты не было особого знака для обозначения звука п родного языка. Звук п, имевшийся в изобразительных словах родного языка, обозначался галиком п (таб. алфавита, знак 2 по строке галики). В рукописных оригиналах Зая-Пандиты встречаются еще галик п (таб. I, знак 5), который в старокалмыцкой письменности встречается наряду с галиком п, данным в таблице I, знак 4).

I. Двоеточие (:) - знак долготы.

5. В переводах Зая-Пандиты встречаются галик для обозначения к (твердого), что дано в таблице алфавита в графе галики под №7. Зая-Пандита не стал пользоваться буквенным знаком для обозначения веллярно-заднеязычного смычного к родного языка. Он изобрел особый знак для указанного звука, что обозначено в таблице алфавита под №1. Изобретение Зая-Пандитой для обозначения к (твердого) особого знака свидетельствует об устойчивом характере этого звука в ойратском (калмыцком) языке, в отличие от монгольского (халхаского) наречия, в котором как известно, указанный звук развился в проточный х.

Из текстов "Алтан гэрэл", "Доржи жодба" и биографии Зая-Пандиты видно последовательное обозначение гласного о не только после согласных б, к, г при их непосредственном сочетании, но и с другими буквами. Разница заключается в том, что в рукописи после указанных трех согласных буква о походит в какой-то мере на квадрат, а в сочетании с остальными буквами имеет несколько продолговатую форму при сохранении общего одинакового начертания. В таблице I (знак 9) показана буква о, вырезанная из слова болугсани, а само слово дано под №1 в таблице 3. Если сравнить эту букву с буквой о в таблице алфавита (знак 4), они являются одинаковыми по своему начертанию и ничем не отличаются. При сравнении указанной буквы с начальной буквой о в слове одбо под №7, таб. 3, без учета ее начального зубца и с буквой е в слове төгүсүгсэн (под №6, таб. 3), то в этих словах буквы о и е несколько продолговаты, но общее начертание их не отличается. Это видно и на указанном слове одбо, где начальная о без учета зубца по своему общему начертанию одинакова с буквой о последнего слога.

Таблица 3

Указанные в таблице 3 слова сфотографированы из рукописного текста Алтан гэрэл - "Золотой блеск", переведенного Зая-Пандитой. Первое слово болугсани "ставший", второе - кебечн "сын,

мальчик", третье - егөүләмэгцә "как только послал", четвертое - күмүн "человек", пятое - буйу "или", шестое - тегүсүгсэн "заключенный", седьмое - одбоу "пошел".

Из этих примеров видно, что в словах под №1, 2, 3, 4 буквы о и е слогов бо, бе, ко, ге, как было сказано, имеют одинаковую форму, сходную с обычным о (таб. алфавита, знак 4), а слоги ку, бу, гу в словах под №4, 5, 6 имеют буквы у и ү. Здесь у отличается от ү тем, что имеет перед собой диакретический знак.

Буквы о в сочетании с мягкими согласными к и г не выделялась диакретическим знаком сзади и читалась исходя из гармонии слога не как о, а как е. В сочетании с б, как и в других позициях, указанная буква отличалась диакретическим знаком сзади, отличающим е от о (таб. 3, слово көбөүн под №2).

Интересно отметить, что способ орфографирования гласного е в сочетании с мягкими к и г буквой о перекликается с таким же способом орфографирования в квадратной письменности, где после к и г пишется не ү, а у "так как указание на переднеязычный характер гласного дают эти согласные, сочетающиеся лишь с переднерядными гласными, ... точно такое же указание на переднерядный характер вокализма всего слова в целом дают непарные слоги ку или гу".¹⁷

Таким образом, Зая-Пандита последовательно сохранял общее начертание о в любой позиции слова и в любых сочетаниях с согласными. Это обстоятельство позволяло безошибочно прочитать слова со слогами на бо и не путать их со словами, в которых имелись слоги на бу.

В печатной продукции, изданной в Поволжье, нам не удалось обнаружить букву о, напоминающую собой квадрат, в сочетании с согласными б, к и г. Это было, на наш взгляд, упущением, допущенным при заказе впервые печатного шрифта. Постепенно перестали обозначать букву о по образцу Зая-Пандиты в сочетании с указанными тремя согласными и в рукописи, полностью следуя печатному образцу, где после б, к и г гласные о, е передаются одинаково как у, но с обозначением диакретического знака для е. Поэтому не случайно допускается путаница при чтении слов, в которых не различаются слоги бо и бу.

Изложенное иллюстрируется следующими примерами в табл. 4.

ᠰ	ᠪᠦᠷ	ᠰᠣᠷ	ᠨᠡᠯᠵᠢ	ᠪᠦᠴᠢᠷ	ᠮᠣᠮ	ᠶ᠋ᠠᠵᠢ	ᠯᠠᠮᠤᠨᠠ
1	2	3	4	5	6	7	

Здесь первое слово бог "сор", второе — бур "опавшие листочки", третье — боти "том, экземпляр", четвертое — болиши угэ "нельзя", пятое — бучир "веточка", шестое — бусэ "пояс", седьмое — торбор "препятствие, задержка".

Эти и подобные им слова невозможно сразу правильно прочитать, так как гласные первого слога в указанных словах после б обозначены одинаково. Их можно прочитать правильно только, исходя из контекста, а некоторые из них — по закону сингармонизма гласных. Это в свою очередь вызывает перечитку или сосредоточение излишнего внимания на то, чтобы правильно их прочитать. В текстах самого же Зая-Пандиты такая путаница, как показано в таблице 3, исключается.

Зая-Пандита в своем алфавите допустил определенную преемственность с графической системой старомонгольской письменности, об этом говорилось в нашей статье о "Тодо бичиг".

Здесь укажем лишь некоторые графические средства, используемые в письменности Зая-Пандиты:

1. Гласные, которые писались отдельно от слова, имели несколько отличное начертание по сравнению с теми, которые стояли в начале слова, исключения касались гласных о и е. Это видно на таблице алфавита (графа: начертания" отдельное).

2. Буква а в конечной позиции слова имеет двойное начертание: знак с кончиком назад пишется на конце после всех букв, кроме к, г и б. После этих трех букв в конце слова пишется знак с кончиком вперед (таб. алфавита, знак 1).

3. Любая гласная, стоящая в начале слова, имеет зубчик (аран). Эти зубчики в середине и конце слова обычно не пишутся.

Говоря далее об орфографии старописьменного калмыцкого языка, построенного на педантично выдержанном морфолого-этимологическом принципе, считаем необходимым подчеркнуть следующие:

1. Знаменательные части слова (морфемы): корень, аффиксы:

и т.д. пишутся всегда одинаково, независимо от различий в их произношении. В качестве основы написания имен берется именительный падеж, глаголов — повелительная форма, к которым при словообразовании и словоизменении присоединяются соответствующие.

аффиксы. Если буквенный состав морфем передает фонетический облик морфем вплоть до каждого звука в наиболее дифференцированном его положении, то морфологическим написанием корня данного слова сохраняется единообразие последнего во всех его формах.

2. Строго соблюдается закон сингармонизма гласных. В одном слове не пишутся гласные переднего (э, е, у) и заднего (а, о, у) рядов. Гласный и, как звук нейтрального ряда, встречается с гласными любых рядов. Слоги ги и ки встречаются в одном слове с любыми гласными.

Кроме того, орфография Зая-Пандиты характеризуется наличием закона губного притяжения или губной гармонии, т.е. лабиализацией гласных а и э в положении после о и е, а также дифтонгов аі, эі. Иными словами, после о и е первого слога следует тоже о и е. Долгие а:, э:, дифтонги аі, эі в положении после о и е, о: и е: также подчиняются закону губной гармонии, т.е. пишутся в соответствии с гласными о и е первого слога слова: олон "много", хойор "двое", өмне "впереди", доло:н "семь", нохоі "собака", дөре: "стремя", дөре:төі "со стремянем", доторо:со "изнутри", талоһоі "голова", хойино "сзади, после".

В этом отношении, как было сказано, орфография старокалмыцкой письменности имеет прямое соответствие с восточно-монгольскими наречиями типа халхаского.

В зая-пандитской или старокалмыцкой письменности, помимо отражения общего закона сингармонизма гласных, отмечается и закон гармонии слога. В силу этого согласные х и h (18) пишутся только с гласными заднего ряда, а согласные г и к — только с гласными переднего ряда: кэлэку "говорить", но соуху "сидеть", өрөшө:—ңгу "милосердие", но хура:ңһуі "сборник". Данный закон распространился и на заимствованные слова, освоенные сначала изустно: куутр "хутор", хаш "каша", Ховң "Кубань", Хазн "Казань" и т.д.

В соответствии с этим законом конечный к (полузвонкий) слова (таб. алфавита, знак 23) перед и передавался через г, а перед а — через h, например: цак "время", но паги:ги — вин. пад., цаһа:р — оруд. пад. Это видно и на примере из "Тодо бичиг".

1 2 3
1 2 3

Здесь в первом слове цак "время" конечный к является по-

лузвонким, т.е. его начало звонкое, а конец — глухой, второе — цаги "время" (вин. пад.), третье — цага: р "временем".

3. Долгие гласные в старокалмыцкой письменности передаются следующим образом.

а) при помощи особого знака, называемого уда:н или сербе. Этот диакретический знак в виде черточки ставится справа у основы гласной буквы. Знак долготы ставится при долгих гласных: а:, э:, о:, е:, и:. Примеры транскрипции: уда:н "красный", дэ:рэ "наверху", чи:к "сырость", хо: "прямой", е:дэ "наверх", дере: "стремя", бе: "шаман", бари:д "взявший", хани:дун "кашель", то:сон "пыль".

Указанный способ обозначения долгих гласных, как показывают наши наблюдения, представляет собой и определенный орфографический прием для выражения двух важных языковых явлений: во-первых передачи на письме сочетаний иа, из, не успевших еще стянуться в соответствующие долгие гласные: тэжи:л, кули:сун, бари:д, нари:р, кучи:р, а произносили скорее всего: тэжиэл "питание", кулиэсун "ждавший", бориад "поймав", нариар "тоньше", кучиэр "насильно", во-вторых, обозначения на письме начавшейся палатализации согласных д, н, т под влиянием гласного и соседнего слога: хани:дун, хали:ху, мали:, хари:д, а произносили, видимо, хан'иадун "кашель", хал'иаху "смотреть", хат'иар "редкий", мал'иа, хар'иад, возможно, хэриад "возвратившись".

б) при помощи удвоенного обозначения одной и той же буквы уу и үү. Примеры: уууху "пить", уурук "молозиво", буурул "седой", буура "самец верблюд", үчүүкэн "маленький".

При удвоенном обозначении долгого у: диакретический знак, отличающий у от ү, в виде косо́й черточки, ставится только перед первым у (см. слово чолуун под №1, 2 в таб. 2).

Исходя из законов сингармонизма гласных и гармонии слога, в зая-пандитской письменности допускалось написание гласного ү без диакретического знака после согласных х и н, а также в сочетаниях ү с другими гласными, например: хубца:сун "одежда", маңус "великан", халоун "горячий", хаура: "сухой".

Таблица № 5

Здесь даны слова хурбан "три", хурумáхани "сбор", доусху "окончить", дэрбэн "четыре", олон "много", модун "дерево", то:сун "пыль", ордну "вместо".

В слове хурба́н "три" (№1) после *h* гласный *у* дан без диакретического знака, в слове хурумáхани "сбор" (№2) гласный *у* первого слога тоже не имеет диакретического знака, в слове доусху "окончить" (№3) диакретического знака не имеет *у*, стоящий после *о*. В словах дэрбэн "четыре" (№4), олон "много" (№5), ордну "вместо" (№7) показано соблюдение закона губной гармонии, а в словах модун "дерево" (№6), то:сун "пыль" (№7) — отступление от этого закона, вернее, сохранение старой формы.

Таким образом, орфография старописьменного калмыцкого языка представляет собой строгую систему правил, в которой выделяются значимые элементы и тогда, когда произношение не дает повода для этого достаточного основания. Но в то же время эта система, используя опорные и проверочные написания для подавляющего большинства написаний, сохраняет связь с произношением.

Знакомство с зая-пандитской письменностью позволяет сделать выводы о том, что Зая-Пандита, будучи высокообразованным человеком своей эпохи, был знаком с древнеиндийскими грамматическими трактатами Панини и других выдающихся филологов, он учел сильные и слабые стороны письменности известных ему монгольского, тибетского языков, санскрита, и это позволило ему очень продуманно подойти к разработке письменности родного языка. Зая-Пандита создал действительно легкую и удобную письменность, состоящую из небольшого количества букв, письменность, не порвавшую со старыми монголо-ойратскими национальными традициями, с одной стороны, и дававшую возможность калмыку писать по-калмыцки, точно передавая на письме звуки родного языка, с другой.

Калмыцкий литературный язык

С добровольным вхождением значительной части ойратов в состав России в начале XVII века, за которыми здесь окончательно закрепилось название калмыки, складывается особая калмыцкая народность. Калмыки — потомки ойратов. "Калмыки принесли с собой на Волгу определенные культурные навыки и традиции, приобретенные их предками в ходе многовекового исторического развития, и в том числе богатую традицию летописания и устного народно-

го творчества." (№19)

Калмыки имели свой вполне сложившийся родной язык, истоки которого восходят к общеойратскому. Ойратский язык сложился как особый язык в конце XVI— начале XVII веков, формирование же ойратского языка происходило параллельно процессу консолидации ойратов в особую народность.

Новая письменность, созданная Зая-Пандитой, в исключительно короткий срок стала единственной основой ойратского литературного языка, получившего признание у всех ойратских народностей Джунгарии, Кукунора и Поволжья.

"Тодо бичиг" оказалась письменностью очень жизненной, способной точно выразить происшедшие изменения в языке и служить не только для нужд государственной переписки и буддийской церкви, но и быть хранителем литературного языка.

Относительное единство ойратских говоров позволило Зая-Пандите создать не только совершенную письменность, но и литературный язык, по своему стилю и богатству языковых форм не уступавший ни одному из письменных языков той эпохи.

Общеойратский литературный язык, начало которому положил Зая-Пандита, был понятен всем членам общества, так как он возник не искусственным путем, а на базе общенародного живого разговорного языка, языка устного народного творчества, типичным образцом которого являются героический эпос "Джангар", повесть "История Убаши-хун-тайджи".

С созданием своей письменности и литературного языка быстро стала развиваться общеойратская литература, которая, по выражению акад. С. А. Козина, "отпочковалась" от единой монгольской литературы XIV—XV столетия, хотя все еще и оставалась на базе единой монгольской письменности.²⁰

В старописьменном калмыцком языке, являвшемся составной частью общеойратского языка, мы видим его неразрывную связь с общенародным языком, наличие единых, фиксированных в целом языковых норм (в области фонетики, грамматики, лексики и синтаксиса), разнообразие сфер применения, распространенность его на всей территории Калмыкии.

На новый письменный литературный язык были переведены Зая-Пандитой и его соратниками свыше 200 названий сочинений из санскрита, тибетского и отчасти монгольского языков по самым

различным отраслям знания, религии, философии, медицине, филологии и др.

Эти переводы способствовали развитию калмыцкого языка, закреплению созданной Зая-Пандитой литературной, медицинской и философской терминологии и дальнейшему обогащению калмыцкого языка разнообразной лексикой — как заимствованной, так и образованной внутренними средствами самого языка.

Все это свидетельствует о том, что у ойратов задолго до создания "Тодо бичиг", поскольку они пользовались в свое время "Худма бичиг", наличествовал литературный язык. На это указывает монгольский акад. Б. Ринчин.²²

Подытоживая сказанное, следует отметить, что калмыцкий язык в Поволжье получает свое самостоятельное развитие в новых исторических условиях. Он начал развиваться параллельно с общеойратским языком Джунгарии. Именно в Поволжье получает свое дальнейшее развитие калмыцкий литературный язык. Он подвергается впервые здесь научному исследованию крупных ученых, и этот язык становится предметом изучения в высших востоковедных и специальных учебных заведениях. Однако общественная функция калмыцкого языка до революции оставалась крайне ограниченной.

О языке поволжских калмыков проф. К. Толстунский писал: "... язык народный, являющийся в говоре и национальных произведениях, как то в сказках, песнях... представляет другой мир, строение и обороты речи являются более легкими и свободными, течение ее значительно плавнее и игривее, чем на языке номов; выступает на сцену много новых грамматических форм комбинаций, легче объясняемых, чем все книжные формы; встречаются слова, которые, может быть, никогда не заносились в язык литературный."²¹

В Поволжье было издано немалое количество литературы по разным вопросам, в том числе научного и учебного характера, словари, исследования по калмыцкому языку.

На калмыцком литературном старописьменном языке впервые были записаны Джангариада, Гесериада, Улгурин дала "Море пословиц", много поговорок и сказок, в том числе "Сиддит-кюр" (Волшебный мертвец), написан замечательный труд по иглотерапии, переложены "Великое уложение" и другие важные документы государственного значения. На этом языке был создан целый ряд оригинальной литературы. Вся официальная переписка с царским правительством велась на калмыцком старописьменном языке. Этим письменным язы-

ком в XIII веке пользовались иногда в переписке с царским правительством хакасы, киргизы, горноалтайцы, тувинцы.

В калмыцком старописьменном языке значительное количество заимствованной лексики. В этом большая заслуга Зая-Пандиты. Он, как выдающийся лингвист, понимал, что нельзя замыкаться в скорлупу языковых средств родного языка. Не случайно в его переводах встречается лексика, заимствованная из санскрита, тибетского, турецких, монгольского и китайского языков, а также отдельные грамматические формы. Через посредство тибетского языка и санскрита вошли заимствованные слова из греческого и арабского языков. Заимствованные слова немало обогатили лексику калмыцкого литературного языка. Эта лексика по своему составу является философской, медицинской, астрономической, лингвистической и буддийской религии.

В порядке иллюстрации сказанному приведем лишь некоторое количество слов, освоенных в калмыцком языке по его фонетическим законам: ном "учение", "наука", дегтр "книга", белг "отдел", бялг "талант", зэрм "некоторые", зерлг "дикий", шагшавд "нравственность", эрднь "драгоценность", судр "сочинение", тэрн "заклинание", маань "молитва", лам "лама", "монах", навл "череп", сүмр "круг", "диск", авьяс "привычка", эдс "благословение", даян "созерцание", зул "лампада", санср "круг существования", очр "алмаз", бадг "строфа", шулг "стих", боть "том", эңг "часть", тиб "континент", эрк "водка", анир "граната", болд "сталь", дэр "порох", зандан "сандаловое дерево", махмуд "тело", бодь "материя", зать "мускатный орех", цуув "тулуп", тээж "принц", нойон "князь", цальң "жалованье".

Собственные калмыцкие имена, а также названия дней недели по своему происхождению являются в основном тибетскими и санскритскими. Знаки для обозначения цифр были заимствованы у индийцев.

Как видно, калмыцкий литературный язык на протяжении своего развития, совершенствуя свои грамматические формы, обогащая внутренние словообразующие средства, стал очень стройным, богатым и красочным языком.

Современный калмыцкий литературный язык прошел сложный и длительный путь в своем развитии. Он развился как самостоятельный язык на основе общеиратского литературного языка и сформировался в дальнейшем как язык калмыцкой народности, а затем и

нации.

Значение старокалмыцкой письменности

Среди отдельных монголистов существовало необоснованное мнение о малограмотности зая-пандитской письменности. Изученные нами материалы показывают ошибочность такого умозаключения. Наоборот, "Тодо бичиг" отличается богатством своих языковых форм, удивительно точным алфавитом, четкой и строго последовательной орфографией. Малограмотным оказался не "Тодо бичиг", а те отдельные лица, которые, не пройдя должную школу, писали как им вздумается. Этим они порочили "Тодо бичиг". Эта письменность по своему совершенству была на должном научном уровне своей эпохи, подстать сочному, красочному живому языку калмыков на Волге, ойратов — в Джунгарии, языку, выражавшему кипучую и деятельную жизнь их носителей.

Зая-Пандита, преследуя далеко идущую цель постепенного распространения "Тодо бичиг" на весь монгольязычный мир, проводил большую работу по выработке и усовершенствованию философской и другой терминологии, порой ломая ранее установленные.

Однако ему и его последователям не удалось распространить "Тодо бичиг" на Восточную Монголию. Виной этому, на наш взгляд, были те исторические условия, в которых оказались Джунгария и Монголия в целом. Цинская династия, покорив всю Монголию, уничтожив Джунгарское государство, установила тогда диктаторский режим в Монголии.

В таких условиях не могло быть и речи о распространении "Тодо бичиг". Вот почему более совершенный "Тодо бичиг" остался письменностью "второго" сорта по сравнению с несовершенной "Худма бичиг".

Несмотря на это, "и все же мне приходилось видеть, — пишет Б. Ринчен, — монгольские рукописи прошлого века, в которых в некоторой степени отразилось влияние "ясного" письма — тодо усуг Дзая Пандита Отгоргуйн Далая Хошутского. В этих виденных мною рукописях буквы д и т имеют в общемонгольском общее написание, различали также, как и в калмыцком, а знак h имел, как и в алфавите Отгоргуйн Далая, маленький кружок вместо двоеточия в монгольском. Двоеточие же, служившее в монгольском диакретическим знаком для отличия h и г, в этих рукописях XVIII и XIX веков употреблялось, как и в калмыцком письме, для знака х. Знак и в этих ру-

копсиях имел ту же косую черточку и кружок, как и в калмыцком алфавите. "22

Калмыки пользовались старокалмыцкой письменностью до 1924 года. Эта письменность, подобно старомонгольской, со временем стала архаичной и малодоступной для широких слоев населения, не отвечала новым возрастным требованиям жизни. Потому в то время вполне закономерной была замена старокалмыцкой или зая-пандитской письменности современной, основанной на русской графической системе.

Однако надолго сохранится великое значение старокалмыцкой письменности. Ведь письменная история народов, их культура, их письменная традиция начинаются с создания своей национальной азбуки.

Большая ценность "Тодо бичиг" в отличие от "Худма бичиг" заключается как в устранении буквенной бедности и полифонии знаков, так и в сохранении обшемонгольской письменной традиции, позволившей обеспечить переход на новую письменность без особого труда.

"Тодо бичиг" представляет для монголоведения большой научный интерес прежде всего тем, что эта письменность зафиксировала определенный этап в развитии монгольских языков вообще, а калмыцкого в особенности. Изучение этого этапа в развитии монгольских языков внесет определенный вклад в науку о языке.

Изложенные нами сообщения являются лишь началом к планомерному изучению богатого письменного наследия на "Тодо бичиг". Сделано в этом отношении очень мало, и это не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным. Мы не имеем до сих пор ни одного солидного исследования по "Тодо бичиг". У нас нет еще ни одного изученного на уровне современного требования памятника на "Тодо бичиг".

Между тем, на этой письменности записаны ценные произведения устного народного творчества калмыцкого народа, сохранено значительное количество оригинальной исторической, юридической и отчасти художественной литературы. Большой интерес представляют документы, записанные на старокалмыцкой письменности об ойратско-русских отношениях, первые письма ойратов, свидетельства об их стремлении установить дружественные, братские отношения с великим русским народом, о добровольном вхождении

калмыков в состав России и т.д.

Во многих архивах и книгохранилищах как нашей страны, так и за рубежом, сохранилось немало литературы и различных материалов на данной письменности, представляющих большую практическую и научную ценность.

Акад. Б. Ринчен указывает в своей публикации "Ойратские переводы с китайского" интересные источники о литературе и рукописях на старокалмыцкой письменности, а также сообщает о реликвиях, связанных с Зая-Пандитой. Мы приветствуем монгольских ученых, начавших публикацию письменных памятников на "Тодо бичиг". Наш институт также приступил к сбору и публикации материалов на старокалмыцкой письменности.

Задача заключается в том, чтобы широко и планомерно изучить все имеющееся литературное наследие на старокалмыцком письменном языке и в полной мере использовать все то ценное, что имеется на этой письменности в целях дальнейшей разработки истории калмыцкого народа, истории развития калмыцкой литературы и литературного языка. Для этого все печатные и рукописные материалы, накопленные более чем за 320 лет, необходимо систематизировать, издать и перевести на русский язык, чтобы тем самым содействовать развитию всего нашего отечественного востоковедения.

Говоря о выдающемся значении старокалмыцкой письменности в истории калмыцкого народа, следует особо подчеркнуть, что эта письменность создала условия и возможности для успешного развития калмыцкой советской национальной культуры и расцвета советской калмыцкой литературы и литературного языка.

Литературное наследие на старокалмыцкой письменности имеет неопределимое значение и в изучении истории развития калмыцкого литературного языка, позволяет раскрыть и расшифровать много неясных, непонятных процессов, происшедших в калмыцком языке.

В этом плане представляется целесообразным составить и издать специальные пособия по старокалмыцкой письменности, более полный калмыцко-русский словарь периода создания "Тодо бичиг", т.к. в словаре А. Позднеева имеются серьезные отступления от орфографии Зая-Пандиты, ввести курс старокалмыцкой письменности в педучилище, в старших классах школ и в вузах. В ближайшее время надо решить вопрос об изготовлении старокалмыцкого шрифта по существующим прекрасным образцам калмыцкой калли-

графии с учетом упущений, допущенных при первом заказе печатного шрифта.

В равной мере незамедлительно решить вопрос о знаках для транскрибирования старокалмыцких письменных текстов. Пуская в научный оборот ценные, малоизвестные, крайне полезные документы путем транслитерации на несовершенном алфавите и без соблюдения правил орфографии Зая-Пандиты, можно ввести в заблуждение лиц, не умеющих читать на "Тодо бичиг".

320-летие старокалмыцкой письменности вновь подчеркивает актуальность изучения богатого письменного наследия калмыцкого народа.

-
1. Поколение. 2. Род. 3. Название семейства.
  4. Биография Зая-Пандиты. Улан-Батор, 1967. С. 2а.
  5. Тэрэ зун Зун нар Батур хун тайджийин дээр зусабай. Биография Зая-Пандиты. С. 7.
  6. Тэрэ хулуһуна жилийн үбүл тодорхой үзүг зоко:н үйилэдбэ . Там же. С. 6-7.
  7. Лыткин Ю. Астраханские губернские ведомости. 1859, 14 августа. № 33.
  8. "...тани зарлиһа:са үлү дабхуйн тулад, ха:ндү моңһол үзүг тэ-ригүүтэн моңһол ном дэлгэрүүл кэмэ:н зарлиг болхунан сайин агсажи кэмэ:н айиладхагсан ду, бламиийн гэгэ:н мүшэ:н үйилэдж, чинэ! зөб болбочү, омогто! ха:н аму!, күрчи мэдэ! кэмэ:н зарлиг болбо!". Биография Зая-Пандиты. С. 14б.
  9. Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 7.
  10. Павлов Д. А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо бичиг" // Ученые записки Калмыцкого НИЯЛИ. Вып. № 7, 1969. С. 241-247.
  11. Название старой монгольской письменности.
  12. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, М., 1964. С. 15.
  13. Шрифты были отлиты по заказу Управления калмыцким народом в 1815 году. Кассы с калмыцким шрифтом были организованы в С.-Петербурге в типографии Академии наук, в типографии Казанского университета и в Астрахани.
  14. Котвич В. Л. ошибочно указывает 1911 год, в действительности букварь был издан в 1910 году в С.-Петербурге.

15. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. С. 3-4.
16. Знаком двоеточие (:) будет обозначаться в дальнейшем долгота соответствующих гласных, которые в письменности Зая-Цандиты отмечались диакритическим знаком долготы (удан).
17. Поппе Н. А. Квадратная письменность, М.-Л., 1941. С. 3-7.
18. Данной буквой передается знак под №10 в таблице алфавита.
19. Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967. С. 396.
20. Козин С. А. Джангариада. Л., 1940. С. 13.
21. Голстунский К. Критические замечания на издания проф. Юльга "Сиддит кур". Приложения к XI тому Записок имп. Академии наук 1867. № 4. С. 12.
22. Ринчен Б. Ойратские переводы с китайского: Ежегодник востоковедения КХХ. Варшава, 1966. С. 63.

В. Л. КОТВИЧ И РЕФОРМА СТАРОКАЛМЫЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(Проблема алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Москва, 1975)

Прошло более 320 лет со времени создания старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг". Письменные памятники на "Тодо бичиг" свидетельствуют о том, что графика и орфография старокалмыцкого письма не оставались раз и навсегда установленными и застывшими, постепенно они подвергались существенным изменениям и усовершенствованию.

Естественное движение за усовершенствование старокалмыцкой письменности, особенно усилившееся с середины XIX в., положило начало созданию новой калмыцкой орфографии этой письменности.

Велика заслуга русских ученых-монголистов, которые изучали изменения, происходившие в практике калмыцкого письма. Их труды по калмыцкому языку отличались более последовательным соблюдением графических и орфографических норм.

Первое важное усовершенствование графической и орфографической систем "Тодо бичиг", направленное на сближение письма с живой речью калмыков, относится к концу I-й половины XIX в. и связано с именами А. Попова, А. Бобровникова. Дальнейшие уточнения в калмыцкой орфографии, носившие в целом частный характер, были произведены во второй половине XIX в. К. Ф. Голстунским и А.

Наконец, в середине первой четверти XIX в. В. Л. Котвич проводит реформу старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг".

Частичные изменения, вносимые в целях усовершенствования письма и сближения его с живой речью, по существу не давали должного эффекта. В силу этого старокалмыцкий письменный язык к началу XX века остается фактически книжным языком, малодоступным для широкого круга населения. В этом письменном языке много архаизмов, монголизмов, устаревших грамматических форм и стилистических оборотов упорно сохранялось по традиции. Между тем в живой речи калмыков к указанному периоду появилось немало новых фонем, грамматических форм, произошли структурные изменения слов и слогов, требовавшие своего письменного узаконения.

Большие фонетические и морфологические изменения, происшедшие в живом языке, требовали не частичных уточнений графики и орфографии "Тодо бичиг", а существенной реформы старокалмыцкой письменности.

Здесь следует остановиться на некоторых основных языковых процессах, происшедших в калмыцком языке к началу XX в., чтобы яснее представить необходимость реформы старокалмыцкой письменности.

1. Перелом гласного и, происшедший в живом языке, постоянно требовал изменения системы обозначения фонем ч и ж. Существовавшая система передачи указанных фонем буквами ц и з при сочетании с и исчерпала себя: говорили чоно, чолу; н, чадаху, цусун, жола; а писали соответственно чино "волк", чилуун "камень", чихаху "мочь", чисун "кровь", жило: "вожжи".

Перелом гласного и первого слога произошел не только в сочетаниях гласного и с аффрикатами ч и ж, но и с другими согласными при наличии в последующем слоге гласных у и ү, например: нидун → нүдун "глаза", илду → үлду "сабля", илеү → үлү: "больше, лишний", изуур → йозу:р "корень". Со временем краткие гласные первых слогов слова подверглись дальнейшей редукции, например: чонь, чадхь, цусьн, нүдн, үлдь, др.

2. Эволюция гласного э в е под влиянием губных б (→ в, м) и гласного ү следующего слога, начавшаяся в период создания "Тодо бичиг", была завершена в XVIII веке. Между тем продолжали писать по-старому: эмүнэ, эбүр, эбэчин, эбэсүн, эбэчүн, котя уже тогда говорили, видимо, эмне "вперед", эбүр "мозоль", эбчин "болезнь", эбе-

сун "сено", ебецу:н "грудь":

3. К концу XIX века завершилось образование в калмыцком языке самостоятельных фонем в, л, н, д, т, развитие смычного компонента аффикса причастия будущего времени -кү в -хь по аналогии с увулярным -хь ← ху, ассимиляция звонких согласных н и г соответственно в глухие х и к при непосредственном сочетании с глухими согласными, вызванная редукцией кратких гласных непервых слогов (харцхь ← харцаһа "ястреб", эцкь ← эцэгэ ← эцигэ "отец").

4. Старокалмыцкая письменность, отразившая последнюю фазу среднего периода в истории развития монгольских языков, диалектов, в середине XVII века отметила наличие в обратском (калмыцком) языке долгих гласных, обозначаемых одной буквой со знаком долготы сзади.

а) а:, восходящий к комплексам аһа, иһа, уһа, (ута:н "дым", така: "курица", зурһа:н "шесть").

б) э:, восходящий к комплексам эгэ, ийэ. (эмэ:л "седло", кэээ: "когда").

в) о:, восходящий к комплексам оһо, оһа, уһа (хо:сун "пустой", то: "число", доло:н "семь").

г) е:, восходящий к комплексам егэ, үгэ, (бө:рө "почки", дөрө: "стремя").

д) и:, восходящий к комплексам игэ~иги (чи:г "роса", ши:рө "отрезанные ножки овцы").

5. В "Тодо бичиг" встречаются написания типа: уу, восходящие к комплексу уһу (ууху ← уһуху "пить"), үү, восходящие к комплексу үгү (үчүүкэн – үчүгүкэн "небольшой"), оу, восходящее к комплексу аһу (ду:н ← доун ← даһун "песня", су:хь ← соуху ← саһуху "сидеть"), өү, восходящее к комплексу эгү (ү:льн ← өүлэн ← эгүлэн "облако", ү:дн ← өүдэн ← эгүдэн "дверь"), иу, восходящее к комплексу игү (сэру:н ← сэригүн ← сэригүн "прохладный"), иу, восходящее к комплексу иһу (хажу: ← хажу ← хажиһу "бок", хэру: ← хариу ← хариһу "обратно, ответ"). Этими удвоенными обозначениями (уу, үү, оу, өү, иу, иү) Зая-Пандита передавал не долготу гласных у:, ү:, а сочетания двух самостоятельных, еще не стянутых в соответствующие долгие гласные. Об этом свидетельствуют остаточные явления в живых монгольских языках, в частности, в халха-монгольском. Иначе он обозначал бы их по общему принципу через черточку сзади соответствующей буквы. Сочетающиеся однотипные, вернее, одинаковые гласные, стянулись в долгие гласные раньше,

чем разнотипные.

Как известно, в квадратном письме, относящемся к XIV веку, зарегистрированы дугласные типа $\Gamma + \Gamma$, которые образовались в результате выпадения интервокальных согласных $h, g, \dot{y}$ в указанных выше комплексах. Стяжение дугласных в один долгий гласный не был одновременным процессом: его завершение относится к разным периодам. Об этом с предельной ясностью свидетельствуют старокалмыцкий письменный знак "Тодо бичиг" и исследования Г.Д.Санжеева¹.

Материалы исследования показывают, что сочетания uu и yy начали развиваться в калмыцком языке в долгие гласные $\underline{u}$: и $\underline{y}$: к концу XVII века, сочетание ou дало долгий $\underline{u}$: в XVIII веке, к концу XIX века сочетания iu, ey развились в долгий $\underline{y}$:, а сочетание iu — в долгий $\underline{u}$:. Однако эти долгие гласные по традиции продолжали передавать удвоенным обозначением, только долгий $\underline{u}$:, восходящий к сочетанию ou , стали передавать удвоенным обозначением u с середины XIX века (оула → уула "гора").

Таким образом, в калмыцком языке к началу XX века полностью было завершено образование долгих гласных, восходящих к отмеченным выше сочетаниям двух гласных.

Здесь следует отметить, что по вопросу образования долгих гласных имеется новое мнение, высказанное молодым монгольским ученым Г.Жамьяном. Согласно его гипотезе диакретический знак (-), который ставится сзади той или иной гласной, обозначал не долготу, а сочетание двух гласных, еще не развившееся в соответствующую долгую гласную². Мы же придерживаемся существующего до сих пор взгляда: черточка сзади буквы обозначает долготу данного гласного. Об этом свидетельствуют материалы на старокалмыцкой письменности в виде переписки с царской администрацией, в которых разными авторами в разный период времени последовательно обозначается долгота указанных гласных. Долгота гласных указанным способом обозначается в четырех рукописных словарях разных авторов, выявленных нами за последнее время, и, наконец, имеется свидетельство самого Зая-Пандиты в его комментариях к галикам, где он говорит о наличии в языке ойратов сверхдолгих (маши урту) долгих (урту) и кратких гласных.

6. К концу XIX века было завершено развитие дифтонгов и двослогов в соответствующие долгие гласные. К этому времени относится образование долгого $\underline{a}$: как особой самостоятельной

фонемы, восходящей к двое слогу айи и дифтонгу ai. Что касается краткого э, то его появление обусловлено влиянием гласного и непервого слога на гласный а предшествующего слога. Благодаря образованию гласных э, э:, эволюции некоторых заднерядных (твердорядных) дифтонгов в соответствующие переднерядные (мягкорядные) долгие гласные и различной эволюции гласного и непервого слога, многие слова с гласными заднего ряда перешли в слова с гласными переднего ряда: табин → тэвн "пятьдесят", хорин → херн "двадцать", бац → ба: "будь", айил → э:л "сосед", хайилаху → хэлхэ "таять".

Двое слоги и дифтонги ойи, оi, ейи, еi; уйи, уi, үйи, үi; ийи, иi тоже развились в соответствующие долгие гласные. О них сказано ниже в таблице 2. Здесь лишь укажем на то, что "Тодо бичиг" констатирует наличие долгого и:, который передавался через и с черточкой сзади (ши:рѣ, чи:г), как и другие долгие гласные. Наряду с этим имелись комплексы ийи и иi. Со временем эти комплексы тоже развились в долгий гласный и:. В.Л.Котвич в новой письменности предлагает долгий и: во всех случаях обозначать удвоенным написанием буквы и.

7. Долгие гласные непервых слогов о:, е:, э: к концу XIX века полностью перешли соответственно в долгие гласные а:, э:, например: доло:н → дола:н "семь", дѳре: → дѳрѳ: "стремля", эмѳ:л → ѳмѳ:л "седло" по закону раскрытия и по аналогии с ударными ѳ:, э: непервых слогов типа а:н~ э:н, да:н~ дѳ:н (дула:н, халда:н).

8. В живой речи калмыков в связи с редукцией кратких гласных непервых слогов или выпадением их произошло структурное изменение слогов и целых слов³: зурукѳн → зуркѳн "сердце", ѳмене — ѳмѳ "впереди", хойино → хѳ:нѳ "после", йабудал → йѳвдл "походка", "деяние", куркѳлгѳн → куркѳлѳн "рычание", сѳдкѳлийин → сѳдкѳлѳн "сердечный", соносоху → соѳсѳх "слушать", кѳлѳгѳн → кѳлѳн "сказанный", алиман → альмѳн "яблоко", тоѳориу → тоѳру:н "журавль", морин → мѳрн "конь". Как видно из указанных примеров, в многосложных словах число слогов сократилось в связи с выпадением кратких гласных средних открытых слогов. При сохранении в закрытых слогах неясных гласных число слогов остается без изменения. В.Л.Котвич вводит понятие о слогаобразующих согласных. Таковыми он считает сонорные и фрикативные согласные с, ш.

9. Развитие гласных а, о в э, е под влиянием гласного и следующего слога, переход двое слогов и дифтонгов айи, ai, ойи, oi, уйи,

yi, yii, yi в определенной позиции слова в э:, е:, ү: повлекли за собой нарушение закона гармонии слога. В живой речи появились слоги хэ, хе, хү, нэ (хорин → херън "двадцать", харику → хәрхь "возвращаться", наl → нэ: "плохой"). Вместе с тем редукция краткого гласного и не первых слогов, сочетавшаяся со смягченным оттенком к, привела к замене его твердым оттенком к: оркираху → оркърхь "орать", оркику → оркъхь "положить".

Изложенные выше основные фонетические изменения, уже не говоря о морфологических, привели к явному противоречию между письмом и живой речью калмыков⁴.

Прямым следствием создавшегося положения явилось, по свидетельству самого В.Л.Котвича, то, "...что теперь почти всякий грамотный по-калмыцки пишет так, как ему кажется лучше."⁵

Большая заслуга В.Л.Котвича заключается в том, что он, выявив и обобщив эти изменения, определил фонемный состав живого разговорного языка калмыков, дал четкую фонологическую классификацию фонетической системы калмыцкого языка начала XX века, подробно описал грамматический строй разговорного языка и внес свои конкретные предложения по реформе старокалмыцкой письменности.

Прежде, чем перейти к изложению основ новой реформируемой калмыцкой письменности, В.Л.Котвич определяет фонемный состав калмыцкого языка.

Состав гласных фонем калмыцкого языка начала XX века по терминологии В.Л.Котвича характеризуется следующими краткими и долгими гласными:

- а) заднего ряда а, а:, о, о:, у, у:
- б) переднего ряда э, э:, е, е:, ү, ү:
- в) среднего ряда э, э:, и, и:

Для обозначения гласных фонем полностью используется графическая система "Тодо бичиг".

Таблица I

В какой позиции слова	Гласные								
	задние			передние			средние		
	а	о	у	э	е	ү	и		
начало	ı	ı	ı	ı	ı	ı	ı		
середина слова	ı	ı	ı	ı	ı	ı	ı		
конец	ı	ı	ı	ı	ı	ı	ı		

В.Л.Котвич сохраняет термин долгие гласные, вместо краткие гласные вводит термин обыкновенные гласные, иногда – нормальные гласные. Вместо краткие гласные непервых слогов вводит термин неясные гласные. При этом поясняет, что обыкновенные гласные встречаются в первом слоге слова, долгие – во всех слогах, а неясные – во всех слогах, кроме первого. Что касается долгих гласных о, э, э, то они уже не встречаются в непервых слогах слова. Все краткие гласные непервых слогов превратились в неясные гласные. Эти неясные гласные в одних случаях выпали, в других – сохранились в непервых слогах слова и транскрибируются В.Л.Котвичем знаком э.

Система согласных фонем калмыцкого языка исследуемого периода представлена следующей таблицей:

а) губные: б, в, м;

б) переднеязычные: т, д, с, ш, ц, ч, з, ж, л, л', р, н;

в) среднеязычный: й

г) заднеязычные: х, н, к, г, н.

Эти согласные передаются следующей графической системой.

	Написание в возможных словах			Значение
	начало	середина	конец	
Губные	ᠪ	ᠮ	ᠮ	б
	ᠮ	ᠮ	ᠮ	п
	ᠮ	ᠮ	ᠮ	м
Переднеязычные	ᠲ	ᠲ	ᠲ	т
	ᠳ	ᠳ	ᠳ	д
	ᠰ	ᠰ	ᠰ	с
	ᠱ	ᠱ	ᠱ	ш
	ᠴ	ᠴ	ᠴ	ц
	ᠵ	ᠵ	ᠵ	ч
	ᠶ	ᠶ	ᠶ	з
	ᠶ	ᠶ	ᠶ	ж
	ᠶ	ᠶ	ᠶ	л
	ᠶ	ᠶ	ᠶ	л'
ᠶ	ᠶ	ᠶ	р	
ᠶ	ᠶ	ᠶ	н	
Среднеязычные	ᠶ	ᠶ	ᠶ	й
Заднеязычные	ᠬ	ᠬ	ᠬ	х
	ᠬ	ᠬ	ᠬ	н
	ᠬ	ᠬ	ᠬ	к
	ᠬ	ᠬ	ᠬ	г
	ᠬ	ᠬ	ᠬ	н

Таблица 2

Из этой таблицы видно, что В.Л.Котвич полностью использует графическую систему "Тодо бичиг" для обозначения согласных и отдельных их оттенков. Разница заключается в том, что галики п, в, ч, ж переведены в основную таблицу алфавита. Ими уже передаются собственно калмыцкие фонемы, за исключением в. Фонемы л, л' обозначаются по-прежнему одним знаком.

Основными источниками, на основании которых проводится данное исследование, явились: "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка" В.Л.Котвича (издание 1915 года), переиздание 1929 года и "Калмыцкий букварь", составленный Котвичем с участием калмыцких учителей. Эти труды были изданы на основании разработанных В.Л.Котвичем принципов реформы калмыцкого письма. Следует отметить, что в издание "Опыта грамматики калмыцкого разговорного языка" 1929 года внесены некоторые уточнения и усовершенствования по сравнению с изданием 1915 года.

Реформа старокалмыцкой письменности, как отмечал В.Л.Котвич, вызывалась необходимостью устранить имевшийся разнобой в правописании путем внесения единообразия в орфографию и приближения правописания к живой речи. Идею о реформе "Тодо бичиг" он задумал значительно раньше. В предисловии к "Калмыцким загадкам и пословицам", собранным им летом 1896 года, он замечает: "В своем правописании я в общем старался держаться ближе к современному произношению, поскольку этому не мешала установившаяся практика" (7).

Движение за реформу старокалмыцкой письменности проходило не без борьбы и осложнений. Калмыцкое духовенство стояло за сохранение орфографических приемов Зая-Пандиты в неприкосновенности, предлагая продолжать писать, подражая написаниям в старых калмыцких книгах.

Однако сторонники приближения орфографии к живой речи в конечном счете взяли верх, и постепенно начала создаваться новая калмыцкая орфография. Основные положения реформы старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" вкратце сводятся к следующему.

I. Строгое соблюдение на письме принципа гармонии гласных: в одном слове пишутся только гласные заднего или переднего ряда, а среднерядные гласные могут встречаться с гласными любых рядов. При этом В.Л.Котвич справедливо замечает, что среднерядные гласные тяготеют к переднерядным, что после них обычно встре-

чаются переднерядные гласные. Неясные же гласные безразличны к закону гармонии гласных.

2. Краткие и долгие гласные обозначаются одними и теми же буквами. Долгие а:, э:, о:, е:, как и прежде, обозначаются черточкой сзади, долгие у: и у: — удвоением этих букв, долгий э: — сочетанием а и и, как передавались прежде соответствующие двое слоги и дифтонги, а долгий и: — удвоением:

	а:, э:, о:, е:.	у:, у:, э:, и:
начало	4 а а а а	у у э и
середина	4 а а а а	у у э и
конец	4 а а а а	у у э и

3. В. Л. Котвич не оставил без внимания вопрос о диалектных различиях калмыцкого языка. Он справедливо замечает: там, где в говоре торгутов и бузава, особенно в конечной позиции слова а, у дербетов — э. Приведем примеры, у торгутов и бузава: дала: "много", "океан", моһа: "змея", орна: "вошел", уста: "с водой", у дербетов — соответственно: далэ:, моһэ:, орнэ:, устэ:. Там, где у торгутов у или у, у дербетов и бузава о или э, напр.: Увьһь ~ Овьһь (имя), сүмь ~ сөмь "церковь".

Исходя из этих различий В. Л. Котвич допускает возможность параллельных форм написания (первая из пары — по-торгутски, вторая — по-дербетски).

Здесь: дала: ~ далаі "много", моһа: ~ моһаі "змея", орна: ~ орнаі "вошел", уста: ~ устаі "с водой", Убуһи ~ Обоһи (имя), сүмү ~ сөмө "церковь".

4. Долгие гласные, восходящие к двое слога м и дифтонга м.

В таблице I показано развитие двое слога м и дифтонга м в соответствующие долгие гласные и способ их обозначения в новой письменности. Приводим примеры нового написания слов, имевших дифтонги и двое слога м.

а) Двое слога айи в первом слоге слов развился в долгий э:, в середине слова — в долгий э: в дербетском говоре, а долгий э: в торгутском и бузавинском, а дифтонг аі развился в односложных словах в долгий э:, в многосложных словах — в дербетском в дол-

гий э:, в торгутском и бузавинском — в долгий а:. В новой письменности предлагается сохранить старое написание в первом слоге слова и в односложных словах, в средних слогах многосложных слов в дербетском говоре писать по-старому, а в торгутском и бузавинском — долгий а:, в конечном слоге многосложных слов — в дербетском аі, торгутском и бузавинском — долгий а:, например: аймаг "аймак", хаі "плохой", аңхайху (дербетский) ~ аңһа:ху (торгутский) "раскрывать рот", хахаі (дербетский) ~ хаһа: (торгутский) "свинья".

Таблица 3

Написания в позиции слова						Живая речь
начало		середина		конец		
старое написание	старое написание	старое написание	старое написание	старое написание	старое написание	
						аі аі, аі
						еі еі
						оі оі, аі
						уі-ууі
						уі
						һі

1. Верхняя строка — в первом слоге слова, нижняя — в последних слогах: е — дербетский говор, аі — торгутский. Сочетания ои, оу, уи, уи по-прежнему предлагается писать по-старому.

б) Двоеслог эйи развился в первом слоге в долгий и:, в первых — в долгий э:. Предлагается в первом слоге писать через удвоенный и, в середине слова через э:, а в конечной позиции — в дербетском эі, торгутском — долгий э:: кэйитэн ~ кийтэн "холодный", гэдэйику ~ гэдэ:ку "перегнуться назад", кэлкэі (дербетский), кэлкэ: (торгутский) "немой".

в) Двоеслог ойи развился в первом слоге слова в долгий е:, в средних слогах в дербетском — в долгий э:, торгутском и бузавинском — в долгий а:. Дифтонг оі развился в односложных словах в долгий э:, многосложных словах в дербетском — в долгий э:, в торгутском и бузавинском — в долгий а:. Предлагается писать в

первом слоге слова долгий е: , в непервых слогах — долгий а:
ойиро → е:ре "близко", оі → е "лес", оройитоху → ора:таху "опоз-
дать", нохоі — ноха: "собака", нохаһа:са "от собаки".

г) Двоеслог уйи и дифтонг уі развились в долгий у: , а в торгутском — в долгий у: и ү: . Предлагается пи-
сать удвоенным обозначением у или ү . Здесь можно привести такие
примеры: туйилиху → туулиху "брыкаться", харанфуі → харанфуу
"темный", һуі → һуу "проси". Остается неясным, как должны были ор-
фографироваться слова типа: уйшлаху — "плакать", уйдхан "тесный";
уйдбур "скука". Исходя из живого произношения, они видимо, долж-
ны были писаться: уулиху, уудибур, уутихан, чтобы отметить палата-
лизацию согласных л, д, т. При этом В.Л.Котвич предлагает сохра-
нить старое написание в словах типа хоі "светлый", һуі "проси",
где наличествуют согласные х и һ.

д) Двоеслог уйи, дифтонг үі развились в долгий ү: . Предлага-
ется писать их удвоенным обозначением ү, например: уйилэ → үүлэ
"дело", уйилэку → үүлэку "толочь", ерше:ңгүі "милосердный" — ерше:
ңгүү, кичэ:ңгүі → кичэ:ңгүү "прилежный".

е) Двоеслог ийи и дифтонг иі развились в долгий и: . Предлага-
ется писать их с удвоенным обозначением и. Например: кийилэг →
киилэг "рубаша", гилийику → гилиику "облестеть", биі → бии "танец"
киі → кии "отрезанный пупок".

Следует отметить, что В.Л.Котвич не дает рекомендации в от-
ношении орфографирования дифтонга эі. Исходя из двоеслога ойи и
общего процесса развития двоеслов и дифтонгов, можно предполо-
жить, что В.Л.Котвич предложил бы обозначать его в первом слоге
слова и в односложных словах долгим э: , в средних слогах — дол-
гим э: , в конечных слогах в дербетском — через эі , торгутском —
через э: , например: ейилэку → э:лку "обижаться", сейибөң → сө:бөң
"адъютант", кейимөг → кө:мөг "опухоль", ендөйику → эндэіку (дер-
бетский) — эндэ:ку (торгутский) "подниматься", елегөі → элгэ (дер-
бетский) — элгэ: (торгутский) "лпалька", о:і → ө: "сноровка", цөі →
цө: "чугун", сө:лөңгәі → сө:лөңкәі (дербетский) — сө:лөңкэ: (тор-
гутский) "хриплый".

5. Долгий гласный э: , восходящий к долгим э: и ө: непервых
слов, предлагается писать в средних слогах слова через долгий
э: , в конечных открытых слогах в торгутском говоре через э: , в
дербетском через эі, хотя во всех указанных случаях в живой ре-
чи он произносится как долгий э:

Таблица 4

старое письмо

новое письмо

Здесь идэ:н "семя", гүзэн "гребуха", күрэ "монастырь", йе-ре:л "благопожелание", дөре: "стремя", соответственно идэ:н, гүзэ:н, күрэ:~ күрэi, йере:л, дөре:~ дөреi.

6. Долгий гласный о: непервых слогов передается через долгий а: одо: → ода: "теперь", доло:н → дола:н "семь", одо:д → ода:д "пойдя", оро:д → ора:д "войдя".

7. Вместо старописьменного йабуху, нигэв, соури, буури, илду, илеу пишутся соответственно йовху "идти", нэгэн "один", сүүри "основа", бүүри "место", үлду "мечь", үлүү "лишний" и др.

8. В "Тодо бичиг" сочетание ц и с читалось как ч, а сочетание з с и как ж. В новом письме аффрикаты ч, ж, губно-губной ц передаются особыми галиками, имевшимися в алфавите Зая-Пандиты. Эти галики обозначены соответственно под номерами 1, 2, 3.

Таблица 5

Здесь: чи "ты", абчи "взял", чамда "тебе", жил "год", манһар "название поэмы", олжи "нашел", Пурбэ "имя", пуд, пистуул.

9. Краткий э, появившийся в первом слоге слова из а под влиянием гласного и следующего слога, в новом письме передается также через а при сохранении и в последующих слогах, т.е. по-прежнему.

Здесь: нарин "тонкий", анги "часть", хариху "вернуться", тариху "сеять", тамаки "табак", табин "пятьдесят".

10. Гласные е, у, восходящие к о, у в позиции перед д, также передаются через о, у при сохранении д в последующих слогах.

Здесь: морин "конь", хорин "двадцать", хурим "свадьба", хуби

"часть", хоин "овца", хокир "балагур", хубираху "линять", "изменяться", норки "пряжка".

II. Краткие гласные непервых слогов или так называемые неясные гласные обозначаются теми же буквами, какие стоят в предыдущем слоге слова: аха "брат", эка "мать", будуг "краска", убул "зима", бичиг "письмо", олон "много", өлөн "голодный".

Это положение распространяется и на различные аффиксы с неясными гласными:

а) при словообразовании: хурхулу "ягнись", ө:рте "гноись", йободол "действие", нуудул "кочевье", ичир "стыд", зө:бөр "транспортировка", тусту "полезный", нарта "солнечный", мөңгөтө "денежный", гүүцүр "глубоковатый", бороңхо "сероватый", нурбудугчи "третий", дуунур "братья".

б) при словоизменении: гэртэ "дому", нарта "руке", топто "душе", бичигтэ "письму", ирнэ:~ ирнэ: "приходит", нарна:~ нарна: "выходит", нарба "вышел", төгсөбө "кончился", оробо "вошел".

Указанное положение не распространяется на ясные и долгие гласные непервых слогов слова: йовоца:н "совместное шествие", гөбдөлдэ:н "драка", өрө:сэн "один из пары", өбдөгцэ "по-колелю", то:на:са "со счета", бичэ:чи "писатель".

в) после ч, ж, ш неясные гласные отмечаются буквой и независимо от того, какая гласная стоит в предшествующем слоге: абчи "взял", олжи "нашел", багши "учитель", көгшин "старый", орчилоң "вселенная".

г) выпавшие краткие гласные непервых слогов многосложных слов не обозначаются. В этих случаях количество слогов в слове сокращается: өмнө "впереди", зүркүн "сердце" вместо өмөнө, зүрүкэн.

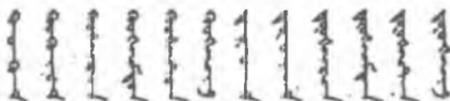
д) не допускается на письме слог без гласного. После согласных х, н, к, г обязательно обозначается неясный гласный по указанному выше общему принципу: онцоцо "корыто", нарнадаг "выводящий", көкөцөр "синеватый", мөңгөтө "денежный".

е) краткий или неясный гласный и после мягких согласных ч, ж, ш сохраняется в корнях слов и при присоединении любых аффиксов: амитан "люди", дөчитэ: "40-летний", ачита "заслуженный", көгширэкү "стареть", чабчиху "рубить", хажита: "с косой".

ж) конечные неясные гласные слова не сохраняются при присоединении любых аффиксов с начальным долгим гласным или представляющих собой открытый или закрытый слоги: аха + а:р → аха:р "братом", эка + э:р → эка:р "матерью", бэлдэ + үүл → бэлдүүл "готовь", чада + ху → чадху "смогу".

Указанное положение распространяется и на неясные гласные закрытых конечных слогов с конечным неустойчивым согласным в: йосон + та → йоста "законный", арбан + а:д → арба:д "по-десять", кэгшин + э:рэг → кэгшэ:рэг "староватый".

12. В новой письменности нашли свое обозначение лично-предикативные частицы, восходящие к местоимениям: би (я) — м, чини (твой) — чин, бмдэн (мы) — мдэн, та (вы) — тан, тэн, — ину ~ инү (его, их) — ни. Эти частицы с предыдущим словом обычно пишутся слитно и передают понятия мой(—м), твой(—чин), наш(—мдэн—мдэн), ваш(—тан—тэн) его, их(—ни). Ниже даются слова күүкэн "дочь", дуун "песня", с указанными частицами.

Здесь: күүкүм, күүкүнэ:м (допускается еще күүкүнэ:нм), күү — кичин, күүкиимдэн, күүкиитэн, күүкиини; дуум, дууна:м, дуугичин, дуугиймдэн, дуугийтан, дуугийни.

13. Новое письмо допускает сложносокращенное написание слов, т.е. синтетическую конструкцию.

Здесь: босцаина! би "встан я", босцайнаха:на! бидэн "встаем мы", босцаһа:ла! та "встали вы", босцаһа:нуу бидэн "встаем ли мы", чи босомчи "встал ли ты", та боссомто "разве вы встали", босхошуу би "не буду вставать", босцаһа:на:ла та "встаете вы", босцаһа:хуши та "разве вы не встаете", босцаһа:на:лам та "вы ведь встаете", босууза: би "возможно встану я", босху чин биши чи "и не встаешь ты".

14. Сохранены следующие правила письма, действовавшие в "Тодо бичиг".

а) после некоторых палатализованных согласных по традиции пишутся долгий и: или сочетание иу, хотя в живой речи произносятся в первом случае долгий э: во втором — долгий ү: или у:

Здесь: бари:д "поймав", таби:д "положив", хани:ху "кашлять", ийи:кү "смеяться", хали:ху "смотреть", хурни:сун "морщинка", хариу "ответ", хориу "мера в 3 пальца", бариул "рукоятка".

б) при присоединении к словам с конечным согласным любых аффиксов с начальным г(к), н и других одинаковых с ними согласных между ними ставится буферный гласный по гласному предыдущего слога: бол + гсон → бологсон "подготовленный", бол + н → болов "готовя", эг + н → эгэн "дав", хар + н → харан "выйдя", харгсан → харагсан "вышедший", йоб + бо → йобобо "ходил", но аб + н — абун "взяв".

в) при стечении двух морфем с конечным и начальным долгими гласными между ними ставится соединительный согласный н или г, например: сууна:д "сидя", зэ:гэ:д "неся", мөртэ:гэ:н "с конем".

г) конечный полувзвонкий г основы слова при присоединении любых аффиксов с начальным долгим гласным чередуется со звонким н и г, например: туг → тугин "знамени", туһа:р "знаменем", нутуг → нутугин "местности", нутуһуур "к местности".

д) конечный носовой н слова при присоединении любых аффиксов с начальным долгим гласным получает дополнительно согласный г или н, напр.: аң + а:р → аңһа:р "зверем", аң + иин → аңгийн "зверя".

е) применяют те же знаки препинания, которые имелись в "Тодо бичиг", в их прямом значении: бирга, двоеточие, четыре точки, удвоение последних, т.е. четырех точек.

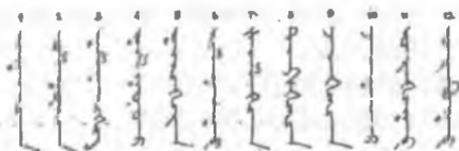
15. Не допускается на письме сочетание согласных х и н с перелюрядными гласными. Эти согласные сочетаются по-прежнему только с гласными заднего (твердого) ряда: хаикира "кричи", илһа:—ху "посылать". Примеры 5, 6 в таблице 6.

Согласные к и г пишутся, как и прежде, только с гласными переднего (мягкого) ряда. В словах с заднерядными гласными сохра-

няются сочетания ки и ги: салкин "ветер", така: гийн "курицы", ца-гийн "времени", но цага:р "временем". Примеры 7, 8 в таблице 6. Наряду с сочетанием ки допускается твердый вариант к (см. таблица 2), но в сочетании с заднерядными гласными: оркиху, но оркоху "положить". Примеры 10, 11 в таблице 6.

В соответствии с законом гармонии слога при присоединении к словам с конечным заднерядным кратким гласным, стоящим после х и н, аффиксов, начинающихся с переднерядного гласного и, эти конечные неясные гласные слова сохраняются: ахаин "брата", олхуйн "чтобы найти", ха:лхайги "дорогу", но ха:лхуур "к дороге", иначе говоря, пишутся по-прежнему. Примеры 1, 2, 3, 4 в таблице 6.

Таблица 6

Изложенные вкратце основные положения реформы старокалмыцкой письменности показывают, что В. Л. Котвич сумел приблизить архаическую старокалмыцкую письменность к живой речи, не делая, как он сам отмечает, коренной ломки всей системы старого письма.

Реформа старокалмыцкой письменности, произведенная В. Л. Котвичем, действительно отвечала духу времени и полностью отражала состояние развития калмыцкого языка начала XX века. В этом отношении реформа старокалмыцкой письменности и исследования В. Л. Котвича — бесценный вклад в общую монголистику, замечательный источник научно-исследовательского изучения монгольских языков в целом, калмыцкого в частности.

Теперь трудно предъявить какие-либо претензии В. Л. Котвичу по практическому применению реформы данной письменности, так как волею исторических судеб этой письменности не было суждено найти свое осуществление.

Можно здесь лишь отметить, что В. Л. Котвич, уделив значительное место диалектным различиям в написании слов по двум основным говорам, не решил вопроса о преимуществе того или иного написания в становлении и развитии калмыцкого литературного языка. Кроме того, на наш взгляд, следовало бы ввести особый знак для передачи фонемы э, последовательно обозначать фонему э,

долгий и: допускать сочетание согласных х и h с гласными переднего ряда, найти способ обозначения мягкости согласных на письме.

Теперь, в новых условиях с большой силой ощущается великое значение культурного наследия, изучение которого наш прямой долг.

- 1 .Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков.М., 1953.
- 2 .Журнал Народы Азии и Африки.М., 1970. № 5.С.150-158.
- 3 .Соколов А. Калмыцкий словарь.1769-1771; Анонимный русско-калмыцкий словарь, автором которого считает Я.Шмидта; Калмыцко-русский словарь М.Львовского.
- 4 .Приложение к биографии Зая-Пандиты.Улан-Батор, 1959.
- 5 .Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги, 1929.С.6.
- 6 .Калмыцкий букварь.Петроград, 1915.
- 7 .Калмыцкие загадки и пословицы.СПб, 1905.С.5.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(СБ. КНИЖЛИ. "Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка".Москва, 1976)

Калмыцкий язык относится к одному из древних языков с давно установившейся письменной традицией. В своем историческом развитии калмыцкая письменность прошла три периода:

1. Древний, или общемонгольский, охватывающий время с начала XIII века до середины XVIII века, когда калмыки - потомки ойратов - пользовались общемонгольской письменностью "Худма бичиг".

2. Средний - с середины XVIII века до Великой Октябрьской социалистической революции, когда калмыки, как и все ойраты, имели свою национальную письменность "Тодо бичиг".

3. Новый период - с октября 1917 года.

Цель нашей статьи - охарактеризовать новый период в развитии калмыцкой письменности.

Первый этап нового периода калмыцкой письменности, начавшийся с Великого Октября и продолжавшийся до 1930 года, характеризуется тем, что в начале этого этапа идет усиленный поиск возможностей замены старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" но-

вой, доступной широким массам населения письменностью.

Движение за замену старокалмыцкой письменности, которую в народе называли монгольской, началось в среде известной части калмыцкой интеллигенции еще задолго до Октябрьской революции. По свидетельству Х.Б.Канукова "...когда в 1906 - 1907 годах царское правительство стало запрещать преподавание в начальных школах (где только сохранилось) калмыцкого языка и письменности, у учителей-калмыков... возникла мысль применения к калмыцкому языку русской транскрипции... Так что русская транскрипция имеет дореволюционную историю".¹ Более подробно об этом см.²

Важнейшей предпосылкой перехода старокалмыцкой письменности на русскую графическую основу явилась огромная работа, проведенная политическим отделом калмыцких воинских частей 10-й армии в огне гражданской войны по изданию большевистской военной газеты "Улан хальмг" (Красный калмык) на калмыцком и русском языках. Первый номер этой газеты вышел в Саратове в октябре 1919 года. "В течение 1919-1920 годов, - пишет А.С.Романов, - политотдел подготовил и выпустил до 200 тысяч экземпляров листовок с прокламациями, воззваниями, декретами Советской власти, приказами по армии на русском и калмыцком языках".³ Эти материалы печатались русским и калмыцким шрифтами.

Из личного фонда Х.Б.Канукова, хранящегося в Калмыцком государственном архиве, так же видно, что политотделом был выпущен ряд брошюр на калмыцком языке, в том числе брошюра под названием "Песни революции"⁴ на калмыцком языке, изданная в 1920 году русским шрифтом, в которой имеются "Марсельеза", переведенная Х.Б.Кануковым, "Интернационал", переведенный Ю.Эренценовым в августе 1919 года, калмыцкие песни Х.Б.Канукова и других авторов. В газетах и листовках опубликованы статьи Х.Б.Канукова и других авторов на калмыцком языке русским шрифтом. Все это свидетельствует о большой работе политотдела, подготовившего почву для перевода калмыцкой письменности на русскую графическую основу.

Просмотр калмыцких текстов газет, отдельных листовок и других материалов, изданных русским шрифтом, показывает, что они написаны живым, доходчивым, доступным для всех калмыков, языком.

Графический анализ текстов свидетельствует о том, что фонологическо-фонетическая система калмыцкого языка была уложена в пределах знаков русского алфавита. Специфические звуки калмыц-

кого языка передавались следующим образом.

Звуки: э ү ө һ ж ң

Буквы: я ю ә, ё. г дж нг

Буквой я обозначался:

1. Йотированный а: ясн "кость", яду "бедный", хаятан "бросайте."

2. После палатализованного согласного как в русском языке: маля "плетка", хатыр "редкий", будя "зерно".

3. Широкий гласный э переднего ряда: ишкя "войлок", дякяд "еще", хяртя "дорогой".

Буквой ю обозначался:

1. Йотированный у: юн "что", акулта "бедственный".

2. Переднерядный губной ү: дю "младший брат", скл "хвост", зюсен "масть", кле "дело", зкхе "одевать", тюрю "трудный", сядкүд "господа".

Буквой ё обозначался:

1. Йотированный о как в русском языке: ёсон "власть", ноён "князь".

2. Переднерядный губной гласный ө: көр "сугроб", көхе "гнать менгөн "деньги".

Буквой е обозначался:

1. Йотированный э: есыге "девятку", болые "будемте".

2. Гласный э после согласных: келен "язык", кентя "с кем", тере "тот", а в начале слова как в русском языке знаком э: эргецеле "повороту", эрдемте "мастеровой".

Вместе с тем следует отметить, что наряду с е буквой э передовался и гласный ө, что, видимо, объяснялось нехваткой шрифта с буквой ё: тегерег "круглый", кеделмешче "рабочий", теля "ради", меряр "конем", едерля "с днем".

В текстах встречается применение буквы ы в калмыцких словах: улын "горы", нурын "озера", хортыге "врага", залусын "мужчин", газыр "земля", газадын "внешний", батханыге "муху".

Сочетанием букв дж передавался звук, ныне обозначаемый знаком дж: джил "год", джиргал "жизнь, наслаждение", чикилджи "исправив", хаджилга "вид женской шапки".

Сочетанием букв нг передавался носовой заднеязычный согласный, ныне обозначаемый знаком ң: орчоланг "вселенная", зоболонг "страдание".

Заднеязычный г и увулярный h калмыцкого языка передавались одним знаком г: толга "голова", гарна "выходит", гер "дом".

Мягкость согласных отмечалась мягким (ь) знаком: сургуль "учеба", адиль "одинаковый", амьтав "люди".

В рассмотренных нами текстах с точки зрения основных орфографических положений заслуживает внимание следующее:

1. Применение кроме строчных букв еще и прописных, что было не характерно для старокалмыцкой письменности.

2. Соблюдение в целом закона гармонии гласных.

3. Соблюдение в основном закона губной гармонии: орос "русский", зоболонг "страдание", олон "много", олзо "польза", чоно "волк".

4. Сохранение редуцированных (неясных) гласных в непервых слогах слова: горбун "три", девел "шуба", тенгер "небо", шине "новый", эргецеде "повороту".

5. Необозначение долгих гласных на письме: хучин "старый", хоронок "промежуточный", дарха "мерзнуть", хяхля "если искать",

Встречаются слова, в которых долгие гласные обозначены как ударные гласные: ова "куча", надка "другой", хбран "назад" и др.

6. Заимствованные из русского и через русский язык слова передавались без каких-либо изменений: улица, винтовка, полк, кавалер, командир, советский, эскадрон, шашка, большевик, совет, коалиционное правление, коммуна, советский, Коммунистическая партия, политическая организация.

Писали без изменения также названия городов, населенных пунктов: Саратов, Терновка, Ровно, Ташкент.

Ранее освоенные в устной форме слова, собственные имена, географические названия писались в калмыцком оформлении: копц "купец", инрел "генерал", гувар "губернатор", Австр "Австрия", Герман "Германия", Питер "Петербург", Арси "Россия", салдус "солдаты", Арманов "Романов" и др.

Изученные нами материалы показывают, что в применении русской графической системы в практике калмыцкого письма допускались отдельные нарушения и непоследовательность. Но в целом русская графическая система была умело применена в калмыцкой письменности в условиях того периода. Нам думается, что в этом большая заслуга Х.Б. Канукова, учителя по образованию, прекрасно знавшего старокалмыцкую письменность, родной и русский языки.

В плане изучения вопроса о применении русского алфавита

в калмыцкой письменности известный интерес представляет его применение русскими миссионерами.

Православное миссионерское общество, проводившее большую работу по христианизации калмыков, издавало на калмыцком языке старокалмыцким и русским шрифтами различную богослужебную литературу и учебные пособия.

В 1871 году был издан первый калмыцко-русский букварь для обучения грамоте калмыцких детей.⁵ В этом букваре в первой половине страницы дается текст на старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" и параллельно во второй половине — на русском языке. Первая половина является переводом на калмыцкий язык русского текста второй половины.

Букварь открывается калмыцкой азбукой — халимаг үзүгүүд. Здесь сначала перечисляются калмыцкие гласные буквы — эгэшиг үзүгүүд с обозначением их параллельно русскими буквами. Затем перечисляются согласные буквы — гэйигүүлүгчи үзүгүүд и соответствующие русские параллели.

Специфические звуки калмыцкого языка обозначены следующими знаками:

Калмыцкие фонемы: э, ү, һ, ж, ң

Их обозначения: б, у, г, дж, нг

Интересно отметить, что звук э в букваре не обозначен. Это значит, что его становление не было еще завершено. Гласный ү в тексте обозначается через ю. Это было вызвано, видимо, отсутствием должного количества шрифта на ү. Долгие гласные обозначаются диакритическим знаком (черточкой) сверху букв. Следует отметить, что обучали букварю по буквенно-слоговому методу. Для этого сначала перечисляются односложные слова калмыцкими и русскими буквами. Затем даются односложные, двусложные и трехсложные калмыцкие слова, а после этого — тексты для чтения на калмыцком языке. По указанному принципу происходит обучение чтению текстов и на русском языке.

В 1892 году в Казани миссионерским обществом был издан букварь для калмыцких улусных школ.⁶ В букваре два отдела: калмыцкий, где даются калмыцкие слова и тексты буквами русского алфавита, а в русском отделе — русские слова и собственные имена.

Все калмыцкие слова и тексты приближены к разговорной речи. Специфические звуки калмыцкого языка обозначены так же, как в

указанном выше букваре, но здесь нашла свое обозначение фонема

э.

а) краткие гласные: а, о, у;

б) долгие гласные: а̄, о̄, ӯ, а̄, о̄, ӯ, я, ю;

в) согласные: дж. нг.

Заднеязычный г и увулярный н обозначались одним знаком г, мягкость согласных передавалась мягким (ь) знаком. Гласный э в начале слова передавался буквой э, в середине — буквой э: эцегэ "отец", керег "дело".

Иотированные гласные заднего ряда обозначались буквами я, у, а переднего ряда передавались аналитически: йа, йо, йа, йу, йи. Примеры: яман "коза", баярта "радостный", юн "что", юмар "вещь", йеке "большой", йертенце "природа", байан "себя", йорал "благопожелание", кумун "человек".

Последовательно обозначаются краткие гласные непервых слов и долгие гласные в любой позиции слова.

В другом букваре, изданном тоже православным миссионерским обществом, но более крупным шрифтом, специфические звуки калмыцкого языка обозначаются так же, как в указанном выше букваре 1892 года.

Здесь соблюдаются те же орфографические принципы. Разница заключается в следующем:

1. Заднеязычный носовой ң передается особой буквой — н с плечиком (см. ее начертание в таблице 2 под № 8).

2. Иотированные гласные как заднего, так и переднего рядов передаются аналитическим способом — сочетанием й с соответствующими гласными: йа, йо, йу, йи, йа̄, йо̄, йӯ, йэ: байан "богатый", йабуджи "шел", йуман "вещь", йозур "корень", бэйз "сам" и т.д.

3. Гласный э передается как в начале слова, так и после согласных буквой э: тэрэ "тот", бидэ "мы".

Транскрибирование буквами русского алфавита калмыцких слов встречается во многих других источниках, в частности, в Калмыцком календаре и русско-калмыцких словарях.

Таким образом, к моменту официальной постановки вопроса о переходе старокалмыцкой письменности на русскую графическую основу был накоплен значительный опыт применения русского алфавита в калмыцкой письменности.

Первые практические шаги по замене старокалмыцкого алфавита "Цаһан толһа" алфавитом, основанном на кириллице, начались с

установления Советской автономии калмыцкого народа в 1920 году. Выдвигались различные предложения о замене старокалмыцкой письменности, в частности и латинизированным письмом.

Партийное и советское руководство Калмыцкой автономной области считало первоочередной задачей в деле подъема культуры и просвещения калмыцкого народа решение алфавитного вопроса. Не случайно вопрос о переходе старокалмыцкой письменности на новую, доступную широким массам трудящихся, стал предметом обсуждения на заседаниях и собраниях, где высказывались различные предложения.

Материалы исследования показывают, что переход калмыцкой письменности на русскую графическую основу проходил далеко не всегда гладко и не без острой полемики. Некоторая часть калмыцкой интеллигенции во главе с Ордаш Босхонджиевым предлагала сохранить старокалмыцкий алфавит, подвергнув его упрощению и усовершенствованию. Такого же мнения в основном придерживался Д. Усов, филолог по образованию. В журнале "Ойратские известия" весной 1922 года, анализируя все предложения "за" и "против" принятия нового алфавита, основанного на русской графической системе, он отмечает: "Мне кажется, что старинный алфавит в данном случае сохраняет, несмотря на все свои несовершенства, одно вечное и неосценимое преимущество: он является (может быть, единственной) неослабевающей связью народа с традициями его исторического прошлого. Рисунок букв, представляющийся только "серым стадом", не имеет ли еще орнаментального значения, угадываемого взглядом, любящим и сведущим?"

А затем, как быть с уже существующим материалом, написанным и напечатанным монголо-калмыцким алфавитом? Кто будет его изучать, переводить, издавать, комментировать, каталогизировать и т. д., если этот алфавит забудется? Не грозит ли, в таком случае, опасность, что известный период калмыцкой истории, культуры и литературы просто будет безвозвратно перечеркнут одним взмахом пера, подписывающего приказ о введении русского шрифта для калмыцкого языка."⁸

Далее остро полемизируя с Л. Карвиным, обосновывающим необходимость перевода на русскую графическую систему, Д. Усов продолжает: "Не уничтожая монголо-калмыцкого алфавита, произвести своего рода "реформу правописания" внутри его самого. Осуществимо ли это, и если да, то как по этому пункту (как я вообще по

всему данному вопросу) необходимо знать мнение компетентных востоковедов, одно имя которых сможет послужить достойной поручкой за всяческую добросовестность и мотивированность их решения."⁹

В конце своей статьи Д.Усов заключает: "В случае, если эти 2 выдвинутых мною мероприятия (реформа самого монголо-калмыцкого алфавита или введение латинской транскрипции) не выдержат критики специалистов – придется, конечно, согласиться на опыт транскрипции при помощи русского алфавита".

Представлялись проекты и по усовершенствованию старокалмыцкого алфавита "Цаһан толһа". Так, специальная комиссия по изданию калмыцких учебников на своем заседании от 23 июля 1923 года постановила: "...принять упрощенный алфавит калмыцкого языка... в новом изображении и знаки препинания, в котором не нарушена своеобразность (особенность) калмыцкого языка и сохранена связь со старым алфавитом, необходимая для возрождения литературы на родном языке".¹⁰

Указанный проект упрощенного калмыцкого алфавита пока не удалось обнаружить. Но одно известно, что вопрос перехода калмыцкой письменности на русский алфавит был решен демократическим путем на основе всестороннего, глубокого и неоднократного обсуждения.

Вопрос о переходе на новый алфавит неоднократно рассматривался в Калмыцком областном комитете РКП(б) и облисполкоме. В начале 1924 года бюро Калмыцкого обкома РКП(б) поручило калмыцкому ЦИК обратиться по этому вопросу в Академию наук и решило провести дискуссию на объединенном собрании ответственных работников с приглашением представителей из разных мест.¹¹

Партийные и советские органы Калмыцкой автономной области не упускали из поля зрения весь ход дискуссии по обсуждению проектов перехода на новую письменность, принимая активное участие, а в нужных случаях направляя эту дискуссию в правильное русло. Непосредственное руководство работой по переходу на новую письменность осуществлялось тогда бывшим зав. Калмыцким областным отделом народного образования Х.К. Косиевым. Он писал: "Почти с 1917 года у нас появилось движение за то, чтобы старый алфавит Зая-Цандиты отбросить и взамен его принять какой-либо другой, более совершенный, удобный, который отвечал бы нашим практическим целям.... В конце 1923 года и в начале 1924 года, я помню, было несколько совещаний по вопросам алфавита. В начале 1924 го-

да это движение было оформлено, и ОБЛИК раз и навсегда утвердил этот алфавит...взяли в основу целиком русский алфавит. В то же время были единичные выступления в пользу латинского алфавита" (12)

После неоднократного обсуждения в течение ряда лет и долгих исканий 6 января 1924 года было созвано специальное совещание, на котором была проведена дискуссия на тему: "Заяпандитский алфавит и русская транскрипция". Это была, по существу, первая языковедческая конференция по калмыцкому языку и письменности. С докладами выступили Н. Очиров и Л. Карвин.

Отмечая немаловажное значение перехода старокалмыцкой письменности на русскую графическую систему в деле приобщения калмыков к передовой русской, отсюда и общеевропейской культуре, совещание 145 голосами против пяти решило признать заяпандитский алфавит устаревшим и приспособить к калмыцкому языку русский алфавит с сохранением заяпандитского алфавита для научно-исследовательских работ по письменным и прочим памятникам калмыцкого народа.¹³ Для реализации этого решения здесь же была создана особая комиссия в составе 5 человек. Эта Комиссия на своем заседании 12 января 1924 года под председательством заведующего Калмыцким областным отделом народного образования Х. К. Косиева вынесла решение: "...принять¹⁴ в дополнение к русской графике еще следующие 6 знаков-букв..." Но эти 6 букв в протоколе не перечислены, а дана академическая транскрипция 5 букв - а, о, у, ж с точками сверху и н с плечиком. Затем перечисляются буквы русского алфавита, принятые в новой калмыцкой письменности, а внизу перечисляются следующие пять букв: а, ж с хвостиками, о, у с двумя точками сверху, н с черточкой снизу для передачи фонем, обозначаемых теперь знаками э, ж, н, у, е.

Итоги дискуссии по переходу на русский алфавит были рассмотрены на заседании бюро Калмыцкого обкома РКП(б) 8 мая 1924 года, протокол № 8, в котором записано: "Принципиально признать необходимым замену калмыцкого алфавита русской транскрипцией с внесением недостающих знаков..."¹⁵ Затем постановлением бюро Калмыцкого обкома РКП(б), протокол № 22 от 21 июля 1924 года был утвержден проект нового алфавита, представленный названной комиссией.¹⁶

В отчете ЦИК Советов Калмыцкой автономной области от 5 октября 1924 года У общекалмыцкому съезду Советов сказано:

"неудобства заяпандитского алфавита (трудность письма: своеобразность знаков, недостаток шрифтов в типографиях, на телеграфах и прочее), создавшие значительные препятствия для культурного роста калмыков, заставили отказаться от заяпандитского алфавита"¹⁷

Касаясь далее конкретных решений указанной выше комиссии, следует отметить, что в решении комиссии говорится о шести буквах, принятых для обозначения специфических звуков калмыцкого языка, а перечисляются пять.

Видимо, по оплошности лица, заполнявшего примеры от руки, в этом первом экземпляре протокола не была записана шестая буква и пропущена строчка на первой странице, где должны были быть записаны все шесть дополнительных букв. Кроме того, вызвало сомнение способ передачи фонемы э через а с крючком снизу и фонемы ң через н с черточкой снизу. Дополнительные поиски позволили заключить, что для обозначения указанных выше шести калмыцких фонем были приняты при окончательном утверждении нового алфавита соответственно следующие буквы: а, о, у, ж, г, н.

Об этом свидетельствуют алфавиты, указанные в школьном букваре Нармин Лижи¹⁸ и в букваре для взрослых Онкра Доржа¹⁹, а также неоднократное упоминание в документах о шести буквах, принятых для обозначения специфических звуков калмыцкого языка.

В таблице алфавита букваря "Сарул мөр" Нармин Лижи, изданного в 1925 году, имеются буквы а, о, у, ж, н, и в двух местах г, но ни у одной из этих двух букв г нет точки сверху. Это следует объяснять, видимо, тем, что в типографии не было тогда в наличии шрифта г с точками сверху. В текстах букваря последовательно обозначаются буквы а, о, у, а ж - через ж с точками сверху, иногда просто через ж, звук ң - знаками ңг или н с плечиком, увулярный н буквой г. В алфавите букваря Онкра Доржа для взрослых, изданного в 1926 году, перечисляются буквы а, о, у, ж, г, а звук ң передается через н с плечиком. Эти данные свидетельствуют о том, что фонема, ныне передаваемая знаком н, действительно обозначалась буквой г. Вопрос об обозначении фонемы н особым знаком был предметом специального обсуждения на комиссии по калмыцкой транскрипции. В протоколе № I заседания этой комиссии от 28 марта сказано: "Ввиду того, что звук н в калмыцком языке встречается часто, обозначать его знаком г."²⁰

Разнобой в печатной продукции за 1924 год и последующие годы вплоть до 1928 года в отношении передачи звуков н, ж, ң на

наш взгляд, объясняется отсутствием соответствующих шрифтов или их недостаточным количеством, а также финансовыми затруднениями, что видно из переписок по заказам шрифтов.

В практике печатной продукции звуки ж, н, џ обозначались в основном знаками ж, г, н с плечиком.

В литературе встречаются различные даты перехода старокалмыцкой письменности на русскую графическую систему, в частности, указываются 1923, 1924, 1925 годы. Здесь следует внести ясность.

Вопрос о замене старокалмыцкой письменности графической системой, основанной на кириллице, как видно, был принципиально и окончательно решен в 1924 году, а практический переход на русский алфавит был осуществлен в 1925 году.

В протоколе № 27 заседания президиума Центрального исполнительного Комитета Советов автономной области трудового калмыцкого народа от 14 мая 1925 года сказано: "В настоящее время получен уже шрифт для печатания по новой транскрипции, но некоторые учреждения области продолжают выпускать печатные издания, пользуясь заяпацдитским алфавитом, что создает много неудобств на местах. Необходимо вопрос урегулировать. Предложить всем отделам и учреждениям Калмыцкой области при печатании изданий пользоваться только новой транскрипцией и материалы в печать представлять, написанные на новой транскрипции".²¹

Таким образом, в начале первого этапа был решен основной вопрос о переходе калмыцкой письменности на русскую графическую систему. Принятый новый алфавит на основе русской графики обеспечил сохранение за всеми буквами русского алфавита прямых их значений. Для передачи на письме специфических звуков калмыцкого языка были приняты буквы русского алфавита с диакритическими знаками: двумя точками над соответствующими буквами.

Комиссия по калмыцкой транскрипции на своем заседании, состоявшемся 12 января 1924 года, рассматривала также некоторые вопросы орфографии новой калмыцкой письменности.

На этом заседании было решено в основу калмыцкой орфографии положить фонетический принцип, т.е. писать слова, как они слышатся в устах народа..., долготу некоторых гласных на письме обозначать черточкой (тире), проводимой над соответствующим знаком — буквой, не обозначать на письме неясные гласные.²²

После перехода калмыцкой письменности на русскую графическую основу вопросы дальнейшего совершенствования графики и ор-

фографии новой письменности были предметом неоднократного обсуждения. Это вызывалось трудностью и сложностью вопроса, отсутствием соответствующего опыта.

Комиссия по транскрипции на своем заседании от 28 марта 1925 года (протокол № I) рассмотрела вопрос "О некоторых изменениях в транскрипции, вытекающих из практики". Здесь по докладу Х.К.Косиева было решено:

1. Ввести в калмыцкую письменность употребление твердого знака (ъ) в конце слова, где слышатся неясные гласные, например хахъ "стрелять", а не хаху.

2. В середине слов неясные гласные не обозначать: ондр, а не ондор (высокий).

3. В виду того, что звук h в калмыцком языке часто встречается, обозначать его знаком Г.

4. Знак е употреблять в начале слов — ең (ковш), в середине слов е не писать, а заменять на э, например: гэр "дом".

Отсюда мы видим, что частные вопросы алфавита и орфографии новой калмыцкой письменности подвергались неоднократному обсуждению, дальнейшему упорядочению и усовершенствованию.

Калмыцкая письменность, основанная на кириллице, с первого дня своего утверждения получила право гражданства, обслуживая многочисленные запросы новой жизни. Эта письменность отвечала интересам подъема культуры калмыцкого народа, повышения политического просвещения масс, задачам издания на родном языке газет, журналов, художественной и политической литературы, школьных учебников и развертывания народного образования.

Просмотр печатной продукции за 1924 и последующие годы показывает, что в практике применения русского алфавита в калмыцкой письменности допускался большой разнобой, не соблюдались элементарные правила правописания. Это, видимо, объясняется тем, что не были в свое время тщательно разработаны основные правила применения новой графики и орфографии, не были решены вопросы правописания при диалектных различиях языка, не хватало подготовленных специалистов по калмыцкому языку.

Вместе с тем следует отметить, что применение букв с двумя точками сверху для передачи специфических фонем калмыцкого языка вызвало ряд серьезных неудобств. Эти точки ломались в процессе печатания, что приводило к искажению смысла слов: при письме пишущему приходилось отрывать руку, чтобы поставить эти точки, а

это в свою очередь приводило к тому, что пишущие, особенно учащиеся, часто допускали кляксы. Незаботанность орфографии, правил применения новой графики, а также практика письма по принципу — пиши, как слышишь — приводили к большому разнобою на письме. Все это вызывало законное нареkanie в адрес нового письма. Не случайно Ю. Эренценов, секретарь калмыцкой секции при Центральном издательстве народов СССР, писал в ЦИК автономной Калмыцкой области 30. XI. 1925 года о несовершенности новой орфографии, вызывающей путаницу при письме, о неудобствах букв с точками сверху, о необходимости обозначения неясных гласных на письме и о несостоятельности принципа — пиши, как слышишь.

На это письмо зав. Калмоблоно Х. К. Косиев 30. УП. 1925 года отвечает, что "Эта новая транскрипция уже приобрела право гражданства, со временем все недочеты новой транскрипции будут исправлены", 26

Калмыцкий областной комитет РКП(б) и облисполком в течение первого периода развития новой калмыцкой письменности дважды возвращались к рассмотрению спорных вопросов новой калмыцкой письменности.

Президиум Калмоблисполкома своим постановлением № 55 от 22 июля 1926 г. создал представительную комиссию²⁷ по вопросу пересмотра принятых знаков. В состав комиссии вошли Х. Б. Кануков, О. Балкаев, Х. К. Косиев и др.

На специально созванном совещании в сентябре 1926 года было решено буквы с точками заменить буквами латинского алфавита, а отчасти сочетанием двух знаков.

Таблица I

новое обозначение	d	u	ю	h	нг	дж
прежнее обозначение	ä	ö	ý	г	и	ж

Данное решение было утверждено президиумом Калмыцкого областного исполнительного комитета только 11 июля 1927 года (протокол № 13) из-за имевшихся больших возражений.²⁸ Заказы на эти шрифты были направлены несколько раньше — 18 июня 1927 г. На этом шрифте было издано всего три учебника. В этих учебниках также обнаруживается разнобой в применении букв алфавита: увулярная фонема, ныне обозначаемая знаком h, передавалась буквами г и н.

На совещании, состоявшемся 7 сентября 1926 года, были приняты некоторые орфографические правила.²⁹

1. Неясные гласные обозначать на конце слов через твердый знак(ъ), например, баһъ.

2. Если к корню слова с конечным неясным гласным наращается любой аффикс с начальным согласным, неясный гласный корня сохраняется: баһъль.

3. При наращении к слову с конечным согласным любых аффиксов с начальным согласным между ними пишется неясный гласный: бол – больксн.

4. При наращении к слову с конечным неясным гласным аффиксов с начальным гласным неясный гласный основы не пишется: баһъ – баһар.

5. Если к слову с конечным долгим гласным присоединяется аффикс с начальным долгим, то между ними пишется соединительный г: така – такагар.

Указанный измененный алфавит просуществовал только до 1928 года. Ввиду большого технического неудобства в применении согласных букв латинского алфавита в роли гласных, а также возражений со стороны Академии наук СССР в 1928 году второй раз вернулись к вопросу об усовершенствовании ранее принятого нового алфавита.

Особенно большую заинтересованность в скорейшем усовершенствовании нового алфавита проявляла комиссия по коренизации госучреждений области. Эта комиссия дважды рассматривала вопрос в 1927 году³⁰.

На страницах газеты "Красная степь" в начале 1928 года появилось много статей, в том числе Х.Б.Канукова, Б.Майорова, Хасг-Дамбин(псевдоним Х.К.Косиева, Хасг-Дамбин-младшего(псевдоним Н.Манджиева) и др., которые вносили свои конкретные предложения по усовершенствованию нового алфавита.

По поручению Калмоблисполкома Х.К.Косиев связался с акад. Б.Я.Владимирцовым и поставил перед ними приблизительный перечень вопросов, которые подлежали рассмотрению на очередном совещании.³¹

В течение 5–8 февраля 1928 года состоялось большое представительное совещание³² с участием акад. Б.Я.Владимирцова. Эта была по существу II языковедческая конференция.

На этой конференции рассматривались вопросы:

1. Современное состояние языка и литературы у монгольских и арабских народов.

2. Усовершенствование нового алфавита.

3. Вопросы орфографии.

4. Вопросы терминологии.

5. Народный и литературный языки калмыков Поволжья.

С докладом по первому вопросу, носившем информационный характер, выступил акад. Б. Я. Владимирцов.

По докладу Х. К. Косиева, выступившему по второму вопросу, было принято решение заменить знаки а, о, у, э, ж, н соответственно буквами я, э, ю, е, ж, нг, а звуки г и п передавать одной буквой г.

Затем совещание приняло постановление и по орфографии калмыцкого языка. Было решено:

1. В основу калмыцкой орфографии положить фонетический принцип.

2. Неясные гласные обозначать только на конце слов знаком э, а долготу гласных — только в первом слоге слова удвоенным написанием одной и той же буквы.

Заемствованные слова писать в соответствии с фонетическими законами калмыцкого языка.

4. Мягкость согласных обозначать мягким знаком.

5. Принять существующие в других языках знаки препинания.

Следует отметить, что решение алфавитного вопроса на данной конференции с точки зрения лингвистических требований по сравнению с алфавитом, принятым в 1924 году, было шагом назад. Изменение значений ряда букв русского алфавита в целях передачи специфических фонем калмыцкого языка не отвечало задачам улучшения изучения калмыцкими детьми русского языка и обеспечению того общего, что способствовало бы лучшему усвоению калмыками родного калмыцкого и русского языков.

В работе указанного совещания принимали участие представители ВЦК нового тюрского алфавита т. Тюркулов и проф. Поливанов. Последний в письменной форме внес предложение о возможности перевода калмыцкой письменности на латинизированный алфавит, что было отклонено.

Однако через два года в связи с происходившим тогда переводом письменности ряда национальных языков на латинизированный алфавит в Калмыкии была принята латинизированная письменность. С принятием латинизированного алфавита в 1930 году начинается второй этап в развитии современной калмыцкой письменности.

Переход на латинизированную письменность происходил в ос-

трой борьбе. Среди калмыцкой интеллигенции было немало противников перехода на латинизированную письменность, законно и обоснованно отстаивающих необходимость сохранения новой письменности, основанной на русской графической системе.

Решение о переходе на латинизированный алфавит было принято IX калмыцким областным съездом Советов в январе 1930 года, но фактический переход стал осуществляться с 28 сентября 1930 года когда поступили шрифты и начали печатать на калмыцком языке новым латинизированным шрифтом газеты, книги и другую литературу.

В латинизированной письменности специфические звуки калмыцкого языка передавались следующим образом:

Принятые знаки: э, е, у, һ, з, ъ,

Прежние буквы: а, б, ү, г, ж, н

Латинизация калмыцкой письменности была обсуждена и на специальной конференции монгольской группы народов по вопросам письменности и языка, созванной по инициативе ВЦКНА и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКИ) в Москве 10-17 января 1931 года. На этой конференции представитель Калмыкии Бадмаев Б.Б. сделал доклад: "Латинизация и унификация калмыцкой письменности".

В целях унификации письменности монгольской группы народов (Калмыкии, Бурятии и МНР) конференция приняла новый унифицированный алфавит для монгольской группы народов в количестве 27 знаков:

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Ff	Gg	Hh
Ii	Jj	Kk	Ll	Mm	Nn	Oo	Өө	Pp
Rr	Ss	Şş	Tt	Uu	Vv	Yy	Zz	Žž

Здесь же были приняты для специфических звуков калмыцкого языка знаки, указанные в таблице 2 под номерами 1, 2, 3.

Знаком под № 1 рекомендовалось передавать увулярный целевой х, знаком под № 2 - переднерядный широкий гласный э, знаком под № 3 - обозначать мягкость согласных вместо мягкого знака (ь).

Таблица 2

х	э	ь	с	ç	ц	ч	н	з	ž
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Кроме того, было рекомендовано: переместить в смысле звуковых значений знак под № 4 на знак под № 5, т.е. в первом случае знак под № 4 должен обозначать аффрикату ц, а под № 5 - аффри-

кату ч, знак под № 6 рекомендовалось заменить сочетанием пг, а знак н заменить другим знаком, так как данным знаком обозначался в литературе звук, указанный под № 7.

Рекомендации московской конференции были предметом обсуждения на совещании, состоявшемся в Элисте 17–20 мая 1931 года. На этой по существу третьей языковедческой конференции, созванной вслед за московской, были решены отдельные практические вопросы калмыцкой письменности: аффрикату ц передавать знаком с, что под № 4, аффрикату ч – знаком с с хвостиком, что дано под № 5. Остальные знаки, в частности н, н с хвостиком, что дано под № 6, оставлены безо всякого изменения по первому варианту алфавита.

В целом же данная конференция не решила по существу ни одного серьезного вопроса по орфографии калмыцкого языка. Ц. Д. Номинханов справедливо отметил: "Вследствие недостаточной научной разработки калмыцкого языка и отсутствия соответствующего научно-исследовательского учреждения до настоящего времени не удалось установить точные орфографические правила. В этом отношении еще продолжает господствовать самотек, чрезвычайно вредно отражающийся на письменном оформлении нового литературного языка. Стандартизация орфографии – очередная задача дня".³³

В процессе применения нового латинизированного алфавита вызвала спор практика обозначения звука ж. По этому вопросу высказывались различные предложения. Наконец, 15 января 1937 года было созвано специальное заседание комиссии, созданной постановлением Президиума ЦИК Калм. АССР от 11. I. 1937 года для подготовки материалов языковедческого совещания³⁴ к следующему заседанию Президиума ЦИК.

На данном заседании комиссии было принято наше предложение передавать аффрикату ж латинской буквой з с хвостиком, что указано в таблице № 2 под № 10, вместо буквы, указанной под № 9. Здесь же было решено заимствованные слова с конечным к писать без изменения: колхозник, а не колхознѣг.

Решения комиссии были утверждены постановлением президиума ЦИК Калм. АССР от 17 февраля 1937 года, протокол № 3.³⁵

В истории разработки современной калмыцкой письменности исключительно большое значение имела IV языковедческая конференция, состоявшаяся в г. Элисте 10–15 мая 1934 года.³⁶

Конференция была созвана в соответствии с постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 29. III. 1934 года, протокол № II.

На конференции были заслушаны доклады:

1. Языковое строительство в Калмыкии.

Докл. И.М.Мацаков.

2. О калмыцком литературном языке.

Докл. Б.К.Пашков.

3. О терминологии калмыцкого литературного языка.

Докл. Ц.Д.Номинханов.

4. Орфография калмыцкого литературного языка.

Докл. Б.Б.Бадмаев.

Конференция приняла основополагающие постановления по вопросам повестки дня, в частности, по докладу Б.Б.Бадмаева "Об орфографии современного калмыцкого литературного языка".

Было решено положить в основу калмыцкой орфографии фонетико-морфологический принцип,³⁷ строго придерживаться закона гармонии гласных, редуцированные гласные на письме не обозначать, долгие гласные обозначать в определенной позиции, докладчик предлагал не обозначать их.³⁸

Касаясь вопроса о межговорных различиях калмыцкого языка, докладчик предлагал "Из двух диалектных вариантов укающего и окающего исходить в орфографии из укающего (умшх, а не омшх - читай, хурви, а не хорви - три).³⁹ Это положение в ходе обсуждения было расширено. Были учтены предложения и других товарищей, в том числе и пиущего эти строки.

Исключительно большое значение имело решение конференции о том, что при межговорных различиях на у/о, у/э, о/е принять за норму правописания на у, у и о: умшх "читать", увл "зима", оньс "замок", а не омшх, эвл, енси. Этим был решен один из основных вопросов устранения диалектных противоречий, связанных не только с унификацией правописания, но и с установлением норм калмыцкого литературного языка.

Резолюция данной конференции была утверждена президиумом Калмыцкого облисполкома 14 августа 1934 года, с уточнением пункта в отношении правописания долгих гласных. Данный пункт был принят в нашей редакции: "Долготу гласных обозначать только в первом слове двух или многосложных слов, придерживаясь фонетического принципа письма ктуки, ууц, хгурэ, нооси и др. Все односложные слова писать без обозначения долготы, но если односложное слово принимает окончание или аффикс и тем самым перестает быть односложным, то его в новой форме оформлять на письме, сле-

дую фонетическому принципу: то — тоод, тоолвр, тоолһн...”(40)

Калмыки пользовались латинизированной письменностью около 8 лет, до 1938 года. Следует отметить, что латинизация калмыцкой письменности сыграла в свое время положительную роль в подъеме культуры калмыцкого народа. В короткий срок была ликвидирована неграмотность, значительно облегчено обучение родному языку в школе, большое развитие получили печать, литература на родном языке. Однако практика этих лет показала, что при всех своих преимуществах над старокалмыцкой письменностью латинизированная письменность не способствовала лучшему изучению калмыцкими детьми русского языка. Разнобой и различия в двух алфавитах создавали дополнительные трудности в овладении русской письменностью, затрудняли чтение текста на родном и русском языках. В связи с этим законно был поставлен вопрос о переходе снова на русскую графическую основу, и с 1938 года русский алфавит окончательно утвердился в качестве основы графической системы калмыцкого литературного языка.

Таким образом, с 1938 года начинается III этап в развитии современной калмыцкой письменности.

Вопрос о переходе на русский алфавит обсуждался на бюро Калмыцкого обкома ВКП(б), постановлением которого от 30 декабря 1937 года, протокол № 47, признавалась необходимость перехода калмыцкой письменности с латинизированного алфавита на русский.

Проект нового алфавита на русской графической основе по существу ничем не отличается от алфавита, принятого в 1928 году, так как была поставлена задача уложиться в пределах русского алфавита.

На заседании бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 10 марта 1938 года⁴¹ был одобрен проект нового алфавита, составленного нами. Затем данный проект рассматривался по докладу пишущего эти строки в Институте языка и письменности Академии Наук СССР в марте 1938 года. Проект был в основном одобрен, для передачи специфических звуков калмыцкого языка было рекомендовано принять унифицированные знаки в рамках самого русского алфавита: а, о, у, дз, гъ, нъ.

Проект, одобренный Институтом языка и письменности Академии Наук СССР, рассматривался в Наркомате просвещения РСФСР, а затем был утвержден постановлением СНК РСФСР № 230 от 31 июля 1938 г. "О переводе калмыцкой письменности с латинизированного

на русский алфавит" 42

В этом же году был издан подготовленный нами сборник "Алфавит калмыцкого языка на русской основе", в котором, кроме общих и методических статей, были даны краткий свод орфографических правил и пояснительная таблица нового алфавита.

Вопросы улучшения и усовершенствования калмыцкой письменности рассматривались и в последующие годы. Это диктовалось тем, что буквы с точками и передача звуков двойными буквами вызвали большие затруднения. В связи с этим по ходатайству Совета Народных Комиссаров Калм. АССР от 15.1.1941 г.⁴³ Наркомат просвещения РСФСР своим приказом № 212 от 19 февраля 1941 года утвердил уточненный калмыцкий алфавит на основе русской графики, где знаки а, о, у, дх, нх, гх были заменены соответственно буквами э, е, у, ж, ц, ч.

Вся дальнейшая работа в области новой калмыцкой письменности проводилась с учетом фонетической особенности калмыцкого языка и максимального сближения норм орфографии калмыцкого языка с нормами орфографии русского языка там, где это было возможно.

В этом отношении большое значение имели решения У языковедческой конференции, состоявшейся 3-5 июля 1939 года и последующих языковедческих совещаний, состоявшихся после 1957 года. На У языковедческой конференции⁴⁴ обсуждались вопросы:

1. Грамматическое оформление заимствованных слов.

Докл. Д.А.Павлов.

2. Вопросы пунктуации.

Докл. Г.Д.Санжеев.

3. Классификация типов простого склонения.

Докл. Б.К.Пашков.

4. Терминология калмыцкого языка.

Докл. И.К.Алишкин.

Принятые по первому вопросу решения не потеряли и в настоящее время своего практического значения. Важным было решение о том, чтобы не изменять основу заимствованных слов.

Здесь же рассматривался ряд вопросов, связанных с диалектным различием в языке. Было решено из междиалектных различий на эк/ак, у/и в норму литературного языка принять соответствия на эк, у, например: дэкэд "еще", мэкр "кривой", бэкрси "вид котла", бүчр "веточка", бүшкүр "свисток", а не дакэд, макр, бакрси, бишкүр.

Из диалектных соответствий на а/э давать предпочтение написанию на а напр.: таава "сковородка", матьхр "кривой", салькн "ветер", хальтрх "поскользнуться", а не тээвэ, мэтхр, сэлкн, хэлтрх. и т.д.

Конференция впервые обсудила вопросы пунктуации калмыцкого литературного языка по докладу проф. Г. Д. Санжеева. На основании решений IV и V языковедческих конференций были изданы "Правила калмыцкого правописания".⁴⁵

Дальнейшее уточнение некоторых вопросов графики и орфографии калмыцкого языка было осуществлено постановлением Президиума Верховного Совета Калм. АССР от 19 ноября 1959 г. и Совета Министров Калм. АССР от 24 сентября 1965 г., протокол № 471.

Все эти уточнения сделали калмыцкую письменность совершенной, доступной, а ее алфавит практически очень удобным. В новом алфавите каждый звук стал иметь свое отдельное буквенное обозначение. Увулярный h до 1959 г. передавался двойко: в начале слова через г, в остальных позициях – через h, а затем – во всех случаях буквой h.

Новый калмыцкий алфавит на русской графической основе своей простотой способствовал быстрейшему приближению орфографических норм к живому народному языку, содействовал совершенствованию калмыцкого литературного языка. Единство графики, в которой одинаковые звуки калмыцкого и русского языков обозначаются одинаково, играет исключительно большую роль в осуществлении важнейших задач культурного строительства в Калмыцкой Республике, способствует лучшему усвоению калмыцкими детьми как родного, так и русского языков, обеспечивая единую основу грамотности на двух языках – калмыцком и русском.

Переход калмыцкой письменности на русскую графическую основу сыграл выдающуюся роль в сближении и взаимообогащении культуры калмыцкого народа с культурами других народов нашей страны, в первую очередь, с передовой культурой русского народа.

В настоящую эпоху, когда основной линией языкового развития в нашей стране является двуязычие, в качестве второго родного языка выступает русский язык – язык интернационального единства народов великой России. Наша задача заключается в том, чтобы максимально развивать то общее, что способствует усвоению калмыками родного калмыцкого и второго родного языка – языка русского народа.

1. Кануков Х. Газета Красная степь. 1928, 4 февраля, № 10.
2. Из истории движения за национальную школу в Калмыкии. Элиста. КНИИЯЛИ, 1967. С. 9-27.
3. Романов А. С. Печать Калмыкии в 20-х годах. Элиста, 1971. С. 35-36.
4. ЦГА. Калм. АССР, Р-132, ОП. I, ЕД. ХР 8.
5. Калмыцко-русский букварь для обучения грамоте калмыцких детей, составленный по распоряжению главного попечителя калмыцкого народа генерал-майора К. И. Костенкова. Санкт-Петербург, 1871.
6. Букварь для калмыцких улусных школ. Казань, 1892.
7. Букварь для калмыков. Казань, 1902.
8. Усов Д. По поводу введения русского алфавита для калмыцкого языка Ойратские известия. Астрахань, 1922, № 3-4. С. 173-178.
9. Там же. С. 175.
10. ЦГА. Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 373. Л. 122.
11. КОПА, Ф. I, ОП. 2, Д. 38. Л. 8.
12. ЦГА. Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 1144. Л. 85.
13. ЦГА. Калм. АССР, Р. 112, ОП. I, Л. 33, Л. 28-29.
14. ЦГА. Калм. АССР, Р-112, ОП. I, Д. 33, Л. 27.
15. КОПА, Ф. I, ОП. 2, Д. 38, Л. 13.
16. КОПА, Ф. I, ОП. 2, Д. 38, Л. 24.
17. Отчет ЦИК Советов АО трудового калмыцкого народа 5-му общекалмыцкому съезду Советов. Астрахань, 1924. С. 22.
18. Нармин Лиж. Сарул мөр. М., 1925. С. 25.
19. Онкра доржа. Медатан букварь. М. 1926. С. 21.
20. КОПА, Ф. I, ОП. 2, Д. 37, Л. 31.
21. ЦГА. Калм. АССР, Р. 3, ОП. 2, Д. 373, Л. 122.
22. ЦГА. Калм. АССР, Р. 122, ОП. I, Д. 38, Л. 27. (об)
23. В протоколе № I от 28 марта не указан год, но на обложке дела № 6 написано: начато 31 декабря 1924 года, окончено 20 октября. Отсюда напрашивается вывод о том, что заседание состоялось в 1925 году. На это указывает и № протокола.
24. КОПА, Ф. I, ОП. I, Д. 68, Л. 31.
25. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, ХР. 713, Л. 112-113.
26. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 713, Л. 115.
27. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 741, Л. 56.
28. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 825, Л. 95-96.
29. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 825, Л. 99.
30. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 752, Л. 187, 200.
31. ЦГА Калм. АССР, Р-112, ОП. I, Д. 151, Л. 93.

32. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. I, Д. II44.
33. Номинханов Ц. Д. Языковое строительство в Калмыкии. Революция и письменность. 1932, № I-2. С. 52-53.
34. ЦГА Калм. АССР, Р-3, ОП. 2, Д. 2254, Л. 73-74.
35. ЦГА Калм. АССР, Р-34, ОП. I, Д. 300, Л. 15.
36. КОПА Калм. АССР, Ф. I, ОП. I2, Д. 2, Л. 67.
37. IU криференция языкового строительства. Элиста, 1935. С. I22-I24.
38. Там же. С. 77, 85-86.
39. Там же. С. 77.
40. О принципе обозначения долгих гласных. Там же. С. I28.
41. КОПА, Ф. I, ОП. I6, Д. 5, Л. I90.
42. ЦГА РСФСР, Ф. 259, Д. I56, Л. 7I.
43. ЦГА Калм. АССР, Р-I3I, ОП. 2, Д. 9I0, Л. I2.
44. Тезисы докладов Г. Д. Санжэева и Д. А. Павлова опубликованы в ученых записках КНИМЯЛИ, № XI. Элиста, 1973. С. I72-I86.
45. Павла Дорж. Чикэр бичлһне зокал. Элст, 1940, 1957.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРЕХОДА КАЛМЫКИИ НА НОВУЮ ПИСЬМЕННОСТЬ¹

(Сб. КГУ. Актуальные проблемы калмыцкой филологии. Элиста, 1979)

Решая огромные задачи, поставленные партией и правительством в области подъема экономики и культуры бывших национальных окраин царской России, партийные и советские органы Калмыкии и Нижне-Волжского края, куда входила Калмыкия с 1928 года², развернули большую работу по развитию народного образования, повышению грамотности населения и подъему культуры калмыцкого народа. В короткий срок были организованы только в одном городе Саратове калмыцкие отделения при Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского, Саратовском Коммунистическом университете им. В. И. Ленина, при рабочем факультете, кооперативном техникуме. Много студентов-калмыков обучалось в сельхозинституте, зооветеринарном институте и в других учебных заведениях Саратова. Большое количество студентов-калмыков стало обучаться в Москве, Астрахани, Камышине и других городах нашей страны.

В Саратове был организован калмыцкий сектор объединенного государственного издательства, который регулярно выпускал различную литературу, учебники, учебные пособия на калмыцком языке.

Год великого перелома был очень показателен и для Калмыкии, как год похода за резкий подъем культуры и просвещения калмыцкого народа. Тогда же на очередь дня был поставлен вопрос об усовершенствовании калмыцкой письменности как важного фактора просвещения.

Бюро Калмыцкого Обкома ВКП(б) уже в 1929 году своим постановлением признало необходимым и своевременным принятие латинизированного алфавита в калмыцкой письменности и наметило ряд конкретных мер по его осуществлению.³

В письме Калмыцкисполкома Совету Народных Комиссаров РСФСР и Народному Комиссариату Просвещения РСФСР отмечалось, что в 1929 году грамотность населения области составляет 17,3% при аналогичных показателях по РСФСР в 41,1%, по Нижне-Волжскому краю в 42,1%, особенно низким был процент грамотности среди коренного населения, он равнялся 10%. Охват детей школьным обучением по области составлял 42,9%, а по краю — 61,1%. Была поставлена конкретная задача подтягивания Калмыкии в культурном отношении до средних показателей края.⁴

В Саратове была создана Краевая особая комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности. При этой комиссии начала функционировать комиссия по выработке проекта новокалмыцкого алфавита.

В обращении указанной комиссии ко всем коммунистам, комсомольцам, ко всей советской общественности автономной Калмыцкой области, подписанном 6 октября 1929 года, сказано: "Закончившаяся на днях 2-я краевая конференция по культпоходу среди национальностей и национальных автономных единиц высказалась за полную ликвидацию неграмотности калмыцкого народа к концу 1931 года, за немедленную выработку нового латинизированного калмыцкого алфавита и за введение его еще в 1929-1930 г. Избранная конференцией специальная комиссия обращается к вам с просьбой высказаться по поводу выработанного ею проекта новокалмыцкого алфавита." 5

Далее приводится проект нового латинизированного алфавита для калмыцкого языка.

В соответствии с решениями директивных организаций области для всенародного обсуждения были приняты два варианта проекта латинизированного алфавита. Оба варианта проекта подверглись широкому обсуждению. В этих вариантах проекта все знаки латинского алфавита даны в прямом, общепринятом их значении. Для передачи специфических фонем калмыцкого языка были выработаны отдельные буквы, которые приводятся в таблице I.

Таблица I

Специфические звуки калмыцкого языка	э	ө	ү	ж	ң	h
В действующей письменности (1928)	я	э	ю	к	нг	г
В проекте латинизированного алфавита	э	ө	ү	з	н	h

В проектах алфавита вызвало расхождение обозначение согласных ц и ч, что иллюстрируется в таблице 2.

Таблица 2

В действующей письменности (1928 г.)	1	2	3	4	5
Первый вариант проекта латинизированного алфавита (1930)	ц	ч	ш	в	ж
	с	ç	ş	ν	z
	;	;	;	;	;

Второй вариант проекта латинизированного алфавита (1930)	:	:	:	:	:	:
	: 5	: 6	: 7	: 8	: 9	:
В пересмотренном варианте проекта 1931	:	:	:	:	:	:
	:	:	:	:	:	:
1937	:	:	:	:	:	:

После неоднократного обсуждения проекта латинизированного алфавита вопрос о переходе Калмыкии на латинизированную письменность был окончательно решен, как было сказано, на IX Калмыцком областном съезде Советов, состоявшемся в январе 1930 года. Фактически переход на новую латинизированную письменность стал осуществляться с 28 октября 1930 года, когда поступили новые шрифты, и стали печататься на этом шрифте калмыцкие газеты, книги и другая литература (см. более подробно).⁶

По вопросу латинизации калмыцкой письменности в Саратове в 1931 году была издана Б.Б.Бадмаевым на калмыцком языке брошюра "Почему принят латинский алфавит".⁷

Однако вопросы орфографии калмыцкого языка оставались нерешенными.

Разнобой в калмыцкой орфографии продолжал сохраняться с самого начала перехода со старокалмыцкой письменности на новую. Такое положение, на наш взгляд, было вызвано неправильным решением комиссии по калмыцкой транскрипции, созданной на I-й лингвистической конференции, состоявшейся в январе 1924 года, орфографию современного калмыцкого языка строить, исходя из фонетического принципа.⁸ Это решение было в корне ошибочным. В условиях сильной редукции кратких гласных непервых слогов, повлекшей за собой в живом языке калмыков различного рода ассимиляции и другие фонетические изменения, нельзя было применять принцип — пиши, как слышишь. Кроме того, при этом не учитывался и такой важнейший фактор, как диалектные различия по основным говорам калмыцкого языка, что тоже приводило к разнобою в калмыцком правописании.

Анализ письменных источников начального этапа перехода на новую письменность показывает следующее.⁹

I. Явное нарушение этимологии слова. Писали ориентируясь на слух: ок, еке, егве, кельтн, дельян, хоп, зептэ, хальмак, докшн, тиклэ, зокчана, есккар, вместо соответственно: ег "дай", кельтн "скажите", далкен "мировой", хов "сплетня", зевтэ "должно быть",

хальмг "калмык", догши "сердитый", тиигхлэ "таким образом", зогсчана "стоит", ескхэр "растить".

2. Сохранение старописьменных форм написания отдельных слов: гэд, кервэ, халимануд, кеклэ вместо: гинэд "сказав", кемржэн "если", хальмгуд "калмыки", кехлэ "если сделать".

3. Сохранение в первых слогах отдельных слов редуцированных гласных: чоно "волк", өбөлзөң "зимовка", аха "старший брат", дэрэ "наверху", доро "внизу", авхш "не берет" – вопреки решению не обозначать их на письме.

4. Наличие диалектных различий в написании слов: умшна ~ омшна ~ дуудна, дрэсэ ~ Арси, увл ~ өвл, нульмнэ ~ нольмна, угатя ~ угэтэ, оньс ~ өнси, бүдүн ~ бедүн, дакад ~ дэкэд, эдл ~ өдль, бучр ~ бичр, мана ~ манэ, сарин ~ саран. вместо литературного – умшна "читает", дрэсэ "Россия", увл "зима", нульмси "слеза", угатя "бедный", дэкэд "еще", эдл "равный", бучр "веточка", мана "наш", сарин "месяца" и т.д.

5. Неопределенность вопроса об орфографии заимствованных слов, особенно послереволюционного периода. Встречаются такие написания: бэршг "вершок", копшир "купцы", артуль "артель", партя "партия", селэн "село", гээдэ "газета", члэдэ "члены", перседатель "председатель", эрволуц "революция", пэ "пай", арвуч "рабочий", дөөлшир "фельдшер", яшлг "ящик", хабрик "фабрика", Москва – Моску, буржуазия, народная комиссар, советская йосн, винтовка и т.д.

6. Неопределенность долгих гласных: күкд, сөнэр, килг, өкн, суна вместо күкдэ "дети", сөөнэр "хорошо", килгэ "рубашка", өкнэ "жир". Однако в некоторых работах встречаются отдельные слова, где долгота гласных¹⁰ обозначается: миис "кошка", цоохр "рябой", аав "дедушка", төөрх "заблудиться".

7. Вопреки существующей установке не обозначать долгие гласные на письме, отдельные авторы в начале 30 годов начали издавать учебные пособия с обозначением долгих гласных¹¹ в первом слоге слова: буулжэ "списывать", хоорндэ "между", бээнэ "есть", баахнэ "үзг" "строчная буква", заахэ "указывать" и т.д.

Указанный выше орфографический разнобой был вызван тем, что при переходе на новую письменность не были разработаны основы орфографии новой письменности и не были учтены складывавшиеся веками принципы калмыцкого традиционного письма.

Для агглютивативных языков, каким является калмыцкий, важным условием орфографически правильного письма считается соб-

людение гармонии или сингармонизма гласных. Это важное условие не было соблюдено на начальном этапе перехода на новую письменность. Ошибочным было решение не обозначать на письме долгие и редуцированные гласные.

Неразбериха в орфографии калмыцкого литературного языка продолжалась вплоть до 1934 года. Если на начальном этапе перехода Калмыкии на новую письменность можно было в какой-то мере мириться с орфографической неразберихой в связи с неоднократными изменениями и уточнениями алфавита, а также ввиду нерешенности вопроса о диалектной базе литературного языка, вследствие чего допускалось смещение диалекта и литературного языка, то в конце 20-х годов на повестку дня стала проблема о срочном упорядочении новой калмыцкой письменности. Это требование диктовалось начавшимся резким расширением общественной функции калмыцкого литературного языка во всех сферах жизни калмыцкого народа.

Важнейшие требования об упорядочении письма стали осуществляться с восстановлением закона о гармонии гласных.

Сингармонизм гласных — это определенная закономерность в распределении гласных звуков по двум основным сингармоническим рядам, когда гласные одного ряда (переднего) не могут употребляться в одном слове с гласными другого ряда (заднего). Эта закономерность гласных сохраняется в монгольских языках с древних времен и пронизывает всю систему языка.

Деление вокализма калмыцкого языка на два сингармонических ряда основано также на качестве гласных и на их артикуляционно-акустических свойствах. В этом заключаются наиболее общие закономерности сингармонизма гласных. Конкретное же проявление закона гармонии гласных выражается в том, что в последовательной цепи взаимосвязанных слогов в слове каждый гласный последующего слога зависит от гласного предыдущего слога (см. таблицу):

Гласные первого слога	:	Гласные последующих слогов
а, о, у	:	а, у
э, ө, ү	:	э, ү
э, и	:	э, ү

Данная строго последовательная система употребления гла-

сных в слове распространяется на все морфемы слова и имеет одинаковую силу действия во всех говорах и подговорах калмыцкого языка, за исключением дербетского говора, в котором после а может встретиться э, напр.: махлэ "шапка", танэнэр "по вашему", сурчэнэ "учится".

Вместе с тем указанная выше таблица свидетельствует о том, что в калмыцком языке, в отличие от монгольского и бурятского, произошла полная лабиальная дисгармония гласных, т.е. отмечается нарушение закона губной гармонии. Перестали употребляться в живом языке гласные о, э в первых слогах слова, а также гласный э. В старокалмыцком письменном языке после гласных о, э, комплексов оі, еі, оий первого слога обязательно употреблялись такие же гласные в последующих слогах слова. Не случайно по традиции в послереволюционный период при переходе на новую письменность в некоторых случаях продолжали писать: өке "дать", өгве "дал", чоно "волк", өбелзэн "зимовка", доро "внизу".

Что касается заимствованных слов, то их правописание постепенно было отрегулировано (см. более подробно)^{1,2}. Заимствуемые слова в известной мере также подчиняются закону сингармонизма гласных, т.е. гласных любых аффиксов под влиянием гласного предшествующего слога основы слова меняют свои свойства: в этих аффиксах употребляются гласные такого же сингармонического ряда, каким является гласный последнего слога основы слова, напр.: машин "машина", -машиһэр "машиной", орден - ордентэ "орденоносный", механизаци "механизация" - механизацилур "механизировать", самолётур "к самолету", -школ "школа" - школас "из школы", школур "в школу".

Теперь мы можем с полным основанием констатировать, что современная калмыцкая орфография, построенная на фонетико-морфологическом принципе, является массовой, общедоступной орфографией, прошедшей испытание временем, начиная от школ ликбеза до университетской кафедры.

---

1. Данная статья печатается в значительном сокращении. Первоначально она опубликовалась под названием: "Б.Б. Бадмаев и разработка современной калмыцкой письменности".

2. В 1934 году Нижне-Волжский край был разделен на Саратовский и Сталинградский. Калмыцкая автономная область вошла в Сталинградский край. В октябре 1935 года Калмыцкая автономная

область преобразована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

3. КОПА, Ф. I, Д. I, С. I47.

4. ЦГА КАССР, Р. 90, ОП. I, Д. I44, Л. I10.

5. ЦГА КАССР, Р. 90, ОП. I, Д. I44, Л. I09.

6. Вопросы грамматики и лексикографии современного калмыцкого языка. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. I22-I47.

7. Бадмин Б. Хальмг Таңч латив үзг югад авсмб. Шарту, 1931. С. I2.

8. ЦГА КАССР, Р. II2, ОП. I, Д. 38, Л. 27.

9. Газета "Улав хальмг", различные брошюры, листовки, буквари на калмыцком языке, издававшиеся в 1920-1933 годах.

10. Косин Хонин. Нарна толь (букварь). М., 1928.

11. Паала Д. Баһ сурһуль меддг улсин школд заах чикэр бичлһнэ заавр боли дамшлһн. Шарту, 1932

12. Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. XI. С. I77-I83.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ПИШЕМ

(Сб. КНИИИЭ. Вопросы грамматической системы монгольских народов. Элиста, 1980)

Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР 19 ноября 1959 года принял постановление "Об уточнении алфавита в орфографии калмыцкого литературного языка". Спустя 6 лет, 24 сентября 1965 года, Советом министров Калмыцкой АССР было принято постановление "О некоторых вопросах орфографии калмыцкого языка".

Эти постановления сыграли огромную роль в деле уточнения калмыцкого алфавита и графики, дальнейшего усовершенствования орфографии калмыцкого литературного языка. Данные постановления остаются и сейчас еще важным руководящим документом для успешного решения спорных вопросов, связанных с нормированием калмыцкого литературного языка.

Прежде чем приступить к освещению интересующих нас вопросов в области графики и орфографии калмыцкого литературного языка, отмеченных в указанных постановлениях, следует остановиться вкратце на их предыстории.

Переход Калмыкии на латинизированную письменность на первом этапе ее применения по сравнению со старокалмыцкой имел большое положительное значение. Однако эта письменность не способствовала изучению калмыцкими детьми русского языка, ставше-

го для них вторым родным языком.

Идя навстречу пожеланиям общественности Калмыкии и в связи с переходом на русскую графическую систему в других национальных областях и республиках, бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) 30.XII.1937г. (протокол № 47) по докладу А.Х.Хочинова вынесло постановление: 1) Считать необходимым переход калмыцкой письменности на русский алфавит. 2) Предложить наркому просвещения тов. Педерову и зав. школьным отделом обкома тов. Хочиннову созвать совещание в начале января 1938 года при Наркомпросе для уточнения алфавита калмыцкой письменности.¹

Постановление бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) о переходе на русскую графическую систему было одобрено и утверждено оргбюро ЦК ВКП(б) 23.II.1938г. (протокол № 32(55)).²

В соответствии с указанным выше постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б), Наркомпрос Калм. АССР начал разрабатывать конкретный план мероприятий по осуществлению перевода калмыцкой письменности на русскую графическую систему. По поручению тт. Д.П. Педерова и А.Х. Хочинова нами был составлен проект алфавита калмыцкого языка на основе кириллицы. Этот проект рассматривался на бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) 10 марта 1938 года (протокол № 65), получил одобрение и было решено организовать его обсуждение с привлечением широкой общественности.³

Трудность составления проекта нового алфавита заключалась в том, что была поставлена задача уложиться в пределах графической системы русского языка. В этом проекте гласные э, е, у передавались соответственно буквами я, е, ю, согласные г, н — одним знаком г, согласные ң, ж соответственно буквами нг, дж. Сличая теперь данный проект с калмыцким алфавитом 1928 года, мы находим, что он по существу не отличался от системы обозначения специфических фонем калмыцкого языка, действовавшей в алфавите 1928 года. Новым здесь было предложение обозначить гласный э буквой е.

Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) вновь вернулось к рассмотрению этого вопроса и своим постановлением от 31 марта — 1 апреля 1938 года (протокол № 69)⁴ одобрило калмыцкий алфавит, составленный по проекту, рассматривавшемуся 10.III.1938г. Было решено фонему э передавать буквой е, буквы я и ю соответственно сочетанием яа и юу.

В плане унификации алфавитов национальных областей и республик, переходивших на русскую графическую основу, проект нового калмыцкого алфавита рассматривался в Институте языка и письменности АН СССР в марте 1938г. и был одобрен с предложением передавать гласные э, е, у буквами ä, ö, ü, согласные п, ж, ч — сочетанием гь, дж, нь. Затем данный проект был утверждён в Наркомате просвещения РСФСР.

Преимущество нового калмыцкого алфавита заключалось в том что буквы русского алфавита принимались в прямом их значении, специфические же фонемы калмыцкого языка обозначались особыми буквами. Это наилучшим образом отвечало задачам облегчения изучения калмыцкими детьми как родного, так и русского языков.

Калмыцкий алфавит на русской графической основе подвергся дальнейшему усовершенствованию в начале 1941 года.⁵ Совет Министров Калмыцкой АССР своим постановлением от 15.1.1941г. решил заменить буквы с точками сверху ä, ö, ü соответственно буквами э, е, у, сочетание букв гь, дж, нь соответственно буквами п, ж, ч. Данное изменение было утверждено Наркоматом просвещения РСФСР 19.11.1942г. по приказу № 211.⁶ На этом измененном алфавите стали выходить в Москве в 1941г. калмыцкие учебники, в частности, букварь, а несколько позже в Элисте — калмыцкие газеты.

Мы остановились на этом вопросе в связи с тем, что в 1957 году, после восстановления автономии калмыцкого народа, в Элисте начали издавать газеты и другую печатную продукцию на алфавите, принятом в 1938 году, т.е. шрифтами ä, ö, ü с точками и сочетанием букв гь, дж, нь, а в Москве в это время учебники выходили на измененном алфавите. Такое положение продолжалось из-за отсутствия соответствующих шрифтов до 1960 года.

Кроме того, допускался некоторый разнобой в правописании, вызванный тем, что отдельные положения действовавшей орфографии не были в свое время узаконены в установленном порядке. В связи с этим был подготовлен нами проект "Об уточнении алфавита и орфографии калмыцкого литературного языка", который был утвержден, как указано выше, постановлением президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 19 ноября 1959г.

Данным постановлением были внесены необходимые изменения и уточнения. По вопросам алфавита было решено:

1. Принять буквы э, е, у, п, ж, ч для обозначения специфичес-

ких звуков калмыцкого языка вместо ä, ö, ü, гь, дж, нь.

Замена указанных шести букв однозначными знаками без каких-либо диакритических знаков была вызвана необходимостью устранить точки над буквами и двухбуквенные обозначения звуков. Это позволило избежать технических трудностей, связанных с печатным производством и добиться унификации калмыцкого алфавита с алфавитами других народов нашей страны.

Благодаря указанным уточнениям новый калмыцкий алфавит на русской графической основе стал более совершенным, гибким, способным точно передавать все основные звуковые особенности языка.

Дополнительные знаки, принятые для обозначения специфических фонем калмыцкого языка, было решено располагать в алфавите после соответствующих русских букв, а именно: э — после а, е — после о, у — после у, һ — после г, ж — после х, ц — после н.

Такое расположение букв наилучшим образом отвечало задачам облегчения изучения нового алфавита калмыцкими детьми и пользования словарями.

2. Увулярный һ решено было обозначать как в середине, так и в начале слова одним знаком һ.

При переходе в 1938 году на русскую графическую систему было решено увулярную фонему һ передавать в начале слова буквой г, а в середине — через гь, т.к. в начале слова она является смычной, а в середине — щелевой. Необходимость обозначения в начале слова через һ вызывалось тем, что калмыцкие дети под влиянием текста стали произносить данный звук неправильно: не как увулярный смычный, а как заднеязычный смычный г, напр.: гар "рука", вместо һар. В слове һар һ не различали от г в слове гер "дом".

В соответствии с указанным постановлением Президиума Верховного Совета Калм. АССР газеты и другая периодическая печать стали выходить на уточненном алфавите. Газета "Хальмг үнн" начала печататься на уточненном алфавите с 28 августа 1960 года.

Было решено сохранить действующую тогда орфографию в от-
ношении:

1. Самостоятельного написания согласного й в словах родного языка с переднерядными гласными и с гласным о, например: эгйэ "заем", бийэн "себя", бийурн "к себе", йерал "благодарение", йорал "дно", йосн "власть".

Такое написание вызвано тем, что в русском алфавите нет особых букв для передачи йотированных гласных переднего ряда. Что касается написания йо, в отличие от ё, то оно диктовалось тем, что слов с сочетанием йо в калмыцком языке — считанное количество; обозначение же точек над ё всегда вызвало технические затруднения, а при необозначении точек — изменялся смысл слова.

Йотированные гласные а и у, т.е. сочетания йа, йу, как и раньше, передавались буквами я, у, так же, как они употребляются в русском языке.

2. Глаголы типа ав, тэв, йов, шив, орфографируемые с конечным в, но восходящие к аб "возьми", таби "положи", йабу "иди", шиби "бросай", было решено писать в первом лице единственного и множественного чисел недавнопрошедшего времени в виде: би авув "я взял", биди авувиди "мы взяли", би йовув "я пошел", биди йовувиди "мы пошли", би тэвув "я положил", биди тэвувиди "мы положили" и т.д. Такое орфографирование больше отвечало живому произношению и позволяло избежать стечения подряд трех согласных,⁶ напр. в слове авув: первый в — конечный в основе слова, у или ү — аффикс недавнопрошедшего времени, восходящий к -в (← ба~ бэ), третий -в — лично-предикативная частица первого лица единственного числа, восходящая к би "я"; — види — лично-предикативная частица первого лица множественного числа, восходящая к лично-местоимению биди "мы".

Как видно из приведенных примеров, аффикс недавнопрошедшего времени -в (← ба~ бэ), будучи между согласными, перешел в губной у или ү. Переход согласного б в интервокальном положении в губно-губной шелевой в, а последнего в в у или ү в некоторых позициях слов — закономерный процесс калмыцкого языка.

3. Долгие гласные, как и раньше, было решено обозначать в первом слоге слова удвоенным написанием одной и той же буквы: цааси "бумага", уул "гора", ээж "бабушка", хээси "котел". Изменению подвергалась передача йотированных долгих гласных. Раньше писали юнд "чему", яярм "ярмарка". По новому постановлению было решено писать яарм "ярмарка", яяхв "что делать", вунд "чему", вунар "чем". Этим подчеркивалось, что долгими являются гласные я, у, а не согласный й.

Некоторые изменения были внесены в орфографирование заимствованных слов. В целом правила орфографирования заимствованных слов, принятые на У языковедческой конференции, сохранились,

изменения касались отдельных вопросов, в частности:

а) слова с безударными окончаниями на ия, -ие, -ое, ея решено было писать без этих окончаний: революц, географ, предпрятъ, партъ эскадриль, но химий, серий. Раньше слова этого типа в соответствии с постановлением У-й языковедческой конференции писались с заменой конечного я и е на й: революций, географий, предприятий, партий, эскадрилий, идей, статуй, аллей, химий и т.д.

б) заимствованные слова, обозначающие деятеля, передавать при помощи аффикса -ч: биолог — биологч, географ — географч,

в) подтверждено было ранее действующее правописание заимствованных собственных имен, принятое на У языковедческой конференции.

Президиум Верховного Совета Калм. АССР в указанном своем постановлении предоставил право Калмыцкому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории оперативно решить все спорные вопросы по орфографии и грамматике калмыцкого языка.

В соответствии с этим постановлением сектор языкознания КНИИЯЛИ и кафедра калмыцкого языка и литературы Калмгосуниверситета систематически занимаются разработкой актуальных проблем калмыцкого языка и дальнейшего усовершенствования его орфографии. Большое значение в этом плане имеют издание отдельных монографических исследований, публикуемых в ученых записках КНИИЯЛИ и в отдельных тематических сборниках статьи по вопросам калмыцкого языкознания.

Немалая предварительная работа была проведена по подготовке постановления Совета Министров Калм. АССР "О некоторых вопросах орфографии калмыцкого языка", принятого 24 октября 1965 года (протокол № 421).

Проект данного постановления был подготовлен нами с участием И.К. Илешкина, Б.Д. Муньева и проф. Г.Д. Санжаева. По докладу Б.Д. Муньева, зав. сектором языкознания КНИИЯЛИ, проект постановления был утвержден единогласно без всяких изменений.

Данным постановлением были решены серьезные вопросы, связанные не только с усовершенствованием действующей орфографии, но и с урегулированием ряда спорных вопросов, относящихся к диалектным различиям двух основных говоров калмыцкого языка.

Вкратце остановимся на некоторых из них:

1. После неоднократного обсуждения было узаконено право-

писание гласного ы. В калмыцком языке имеются две самостоятельные фонемы и и и ы. Они передавались одной буквой и. Фонема ы по месту своего образования является среднерядной, а по сингармонической позиции – заднерядной. Фонема и по месту своего образования является переднерядной, а по сингармонической оппозиции тоже – переднерядной. Противопоставление и и ы образует фонологическую пару: буулий "похвалим", – буулий "пробьем", партин "партии", – партын "парты" (род. п).

Неразличение на письме гласных и и ы служило помехой при изучении калмыцкими детьми родного и русского языков. Вопреки установившейся традиции, жизнь диктовала необходимость обозначения каждой из этих фонем отдельными буквами, как и в русском языке.

Теперь, независимо от того, заимствованное это слово или из родного языка в аналогичных случаях ы обозначается на письме. Обозначение на письме буквой ы соответствующей фонемы калмыцкого языка, подобно тому как обозначаются гласные я, э, е, э, принятые при переходе на русскую графику, еще больше сближает графику и орфографию русского и калмыцкого языков.

Гласная фонема ы бывает краткой и долгой. Принято писать гласные ы и ы: в словах с гласными заднего ряда после твердых согласных л, д, н, т. Гласные ы и ы: имеются как в коренных, так и в производных словах: Таудын, Луглы, Буштын (имена), худых "согнуть-ся", кулых "коситься" – произносятся кулы:хь, худы:хь, холын "реки", мартын "марта", занын "слона", ордын "стран", хады:гь "скалу", хоты:гь "пищу" и т.д.

В словах с гласными переднего ряда после мягких и смягченных согласных л, н, д, т пишется и, например: мини "мой", маниг "нас", таниг "вас", Олиг "Олю", но олыг "общества", холий?" "далеко ли"; холий "смешаем", Германиг "Германию", но Германыг "Германия".

На очередь дня стала необходимость распространить это написание ы в указанных выше позициях и после согласных ц, с, з, например: Манцын "фамилия", хуцын "барана", багцыг "огорода", касын "касы", колхозын "колхоза", классын "класса" и т.д. Это будет иметь большое практическое значение в школьном преподавании русского и калмыцкого языков.

Лично-предикативная частица –вдн местоимения первого лица множественного числа на письме передавалась в виде –вдн.

После данного постановления эта частица стала передаваться как -видн, что в определенной мере способствует разрядке согласных на письме: бидн одувидн "мы ездили, ходили", бидн келхвидн "мы скажем", бидн келлэвидн "мы сказали", бидн умшлавидн "мы читали", бидн йовлавидн "мы ходили", уһалавидн "стирали" и т.д.

3. Указанным постановлением было узаконено написание аффикса недавнопрошедшего времени -в как -у, -ү не только в глаголах типа ав "возьми", йов "иди", тэв "положи", но и в первом и втором лицах обоих чисел в глаголах с любым конечным согласным, а также с конечным редуцированным гласным: би келув "я сказал", чи келуч "ты сказал", бидн келүвидн "мы сказали", та келут "вы сказали", би унтув "я заснул", чи унтуч "ты заснул", та унтут "вы заснули".

Такая система передачи аффикса недавнопрошедшего времени -в посредством -у, -ү в указанных позициях отражает орфографическую последовательность и соответствует происходящему в живом языке процессу. Этот процесс в одних случаях уже завершен, в других — находится на пути окончательного становления. Поэтому вполне правомерным является описанный нами способ орфографирования аффикса недавнопрошедшего времени -в через -у, -ү в указанной выше позиции. Данный процесс вокализации согласного в в окружении согласных в известной мере отвечает задаче разрядки стечения согласных на письме. Теперь -у, -ү могут рассматриваться как варианты морфемы недавнопрошедшего времени наряду с -в.

Вместе с тем подобное написание позволяет отличать недавнопрошедшее время изъявительного наклонения от вопросительного предложения, передающегося через аффикс -в, напр.: чи келув? "ты сказал", чи йовувч? "ты пошел?", та келвт? "вы сказали?", та йоввт? "вы ходили?".

Постановление Совета Министров Калм. АССР касается и некоторых вопросов нормирования калмыцкого литературного языка при диалектных различиях. Эти вопросы были поставлены в связи с тем, что из-за утери материалов У языковедческой конференции во время войны, ее решения не были в свое время узаконены в установленном порядке.

Уточнения касались следующих вопросов:

1. Из двух одинаковых, но различно произносимых по говорам слов, за норму литературного языка принимается то слово, в кото-

дом сохраняется полногласие: нуужмул "цыпленок", шуугул "невод", жапамул "зеленый лук", хамтхаса "зеленый лист", торһуд (этноним), в отличие от нуужмл, шуугл, жаһамл, хамтхсн, торһд, и так далее.

2. Отдельные авторы, исходя из собственного говора, стали писать гигэд "сказав", мисин "кошки" (род. п.), маңгрсн "лук", маалх "блеять", "мяукать", внося путаницу в ранее установленную орфографию. Правомерно писать не гигэд, а гиһэд. Соединительным согласным в современном языке является шелевой вуллярный h, а не заднеязычный смычный g: сууһэд "сөв", кеһэд "сделав", откуда гиһэд. Здесь корень слова -ги "говори". Причем противники написания h в некоторых случаях допускали возможность оформления гиһит, гиһич от того же корня ги "скажи".

3. Односложные слова типа кун "человек", нур "озеро", хөн "овца" при их изменении могут стать двух и более сложными. В таких случаях коренные гласные этих односложных слов становятся долгими, т.е. происходит чередование кратких и долгих гласных. Исторически слова этого типа имели долгие гласные, которые со временем в отмеченной позиции развились в обычные краткие гласные. В некоторых местах встречаются в настоящее время отдельные слова, напр.: мис "кошка", в которых гласный i при словоизменении не становится долгим, т.е. не чередуется краткий гласный с долгим. Это свидетельствует о неравномерном процессе перехода долгих гласных в краткие.

Исходя из указанного выше закономерного процесса, слово мис в косвенных падежах принято писать через долгий i: миисин, мисур и т.д. Этим самым устраняется орфографический разнобой, связанный с местным говором, и отдельные частные случаи подчиняются общему закономерному процессу.

4. Носители бузавинского подговора говорят маалх "блеять, мяукать", таалх "отмыкать, открывать", хаалх "таять". Среди эркетенцев встречаются отдельные лица, которые тоже говорят маалх но норма литературного языка основана не на подговорах, а на основных двух говорах. Исходя из этого принято написание мээлх, тээлх, хээлх, что соответствует выговору большинства населения. Такое написание оправдывается историческим развитием дифтонгов и двослогов в монофтонги. Как известно, комплексы aɪ, айи развились в долгий э: майилаху - мэ:лхь, тайилаху - тэ:лхь, хайилаху - хээлхь, naɪ → нэ: "надежда", haɪ → һэ: "плохой". Этот процесс в основных говорах охватывает не узкий круг, а множес-

тво слов, в которых имеются указанные комплексы.

5. Принято писать маңгрсн "лук", а не маңгрсн, ввиду того, что большинство калмыков говорят именно так. Слово мангирсун дало двойное развитие: маңгърсьн и маңгърсьн. Предпочтение форме маңгрсн дано, исходя из того, что развитие заднерядного а первого слога слова в переднерядный э под влиянием гласного и следующего слога занимает в калмыцком языке преобладающее место. Отсюда таэи "пятьдесят" ← табин, эити "люди" ← амитан, эдл "одинаковы" ← адали. Принятие написания маңгрсн отвечает задаче нормирования написаний отдельных слов, исходя из общих закономерных процессов, происходящих в языке.

6. В старописьменном калмыцком языке эйимэ "такой", тэйимэ "этаким" развились соответственно в и:мь, ти:мь. Отсюда образовались иягэд, иягж, тиягэд, тиягж. Но в некоторых местных говорах встречаются им, тим, игэд, тигэд, игж, тигж. Эти написания иногда проникают и в литературный язык.

В целях унификации написания слов, в которых долгие гласные восходят к комплексу эйи, решено указанные типы производных слов образовывать от первичной основы слов с долгим и: (иим, тиим), подчинив единичные явления общему языковому процессу.

7. На У языковедческой конференции также было решено при диалектных различиях на у/и, эк / ак, а/э давать предпочтение написанию у, эк, а в первых слогах слова: бучр, "веточка", дэкад "еще", сальки "ветер", мана "нам". Но это решение, как уже было сказано, не было в свое время утверждено в законодательном порядке. Некоторые товарищи оспаривали правомерность такого написания.

Совет Министров Калм. АССР указанным выше постановлением внес ясность в этот вопрос, решив:

1. При диалектных различиях на у/и давать предпочтение написанию у: бучр "веточка", бучкүр "свисток", бучмүд "платье", а не бичр, бичкүр, бичмүд.

Оформление написания через у исторически оправдывается тем, что гласный и первого слога под влиянием гласного у или у следующего слога ассимилировался в у или у, напр.: шидүн → шүдн "зубы", нидун → нүдн "глаза", нилбусун → нульмси "слеза". Этому общему закономерному процессу подчинено написание отдельных слов, когда в одном из ведущих говоров произошел аналогичный процесс, напр.: бүүдүн "толстый", күмсг "брови", а не бедүн, күмсг и т.д.

2. При диалектных различиях на ак/эк принято в норму литературного языка написание на эк: дакэд "еще", макр "кривой", бакрсн "вид котла", тэмк "коленный сгиб", сэкл "обет", а не дакад, макр, бакрсн, такм, сакл и т.д.

Такое решение оправдывается не только живым произношением большинства носителей языка, но и историческим развитием фонетической системы калмыцкого языка. Развитие заднерядного гласного а первого слога в переднерядный э под влиянием гласного и следующего слога – закономерный процесс во всех говорах калмыцкого языка. Этому общему процессу подчинены отдельные аналогичные фонетические явления.

Остальные орфографические вопросы, обсужденные на У языковедческой конференции, не выносились на рассмотрение заседания Совета Министров Калм. АССР, так как по ним не было противоречий. К ним относятся:

а) решение из парных соответствий по диалектам а/э нормой литературного языка считать соответствие на а, напр.: мана "наш", наха "свинья", таава "сковородка", матьхр "кривой", альхи "ладонь", таньх "узнать", салькн "ветер", а не манэ, нахэ, тээвэ, мэтхр, элхн, тэнх, сэлкн и т.д.

Такое орфографирование вызвано, во-первых, необходимостью соблюдения закона сингармонизма гласных, во-вторых, появлением палатализованных согласных: л', н', д', т' как особых фонем. Появление мягких согласных как самостоятельных фонем – явление прогрессивное, обогащающее фонетическую систему калмыцкого языка.

б) использование диалектных различий для обогащения лексики калмыцкого языка: хэв "счастье", "судьба", хув "часть", үмсх "целовать", өмсх "одеваться", сөк "открывай", сөк "посвятить", оберегай, охраняй, дождись", гүлмн "паутина", гөлм "невод", таг "палочка", тэвц "подставка", тегэх "раздавать", түгэх "распространять".

в) написание гласных я, ю, а не э, у после палатализованных согласных в словах с гласными заднего ряда: маля "плетка", малята, маляһар; тетрадь – тетрадяр; тетрадюр; суль "овес", сулюр, суляс, сульта; ханядн "кашель", хурнясн "морщинка"; соль "меняй", соляд, солполх; тань "узнай" – таянд, танкх; медаль – медалюр, медаляр, медальта, но артель – артелэр, артелүр, артельтэ и т.д.

Такое орфографирование диктовалось необходимостью использовать общие языковые явления, способствующие лучшему усвоению калмыцкими детьми калмыцкого и русского языков.

Таким образом, со времени нового перехода калмыцкой письменности в 1938 году на русскую графическую систему принимались необходимые меры по упорядочению графики и орфографии калмыцкого литературного языка и преодолению диалектных различий. Указанный отрезок времени составляет определенный этап в развитии и усовершенствовании калмыцкого литературного языка и его общественных функций.

1. КОПА, Ф. I, ОП. I 5, С. 46 I.

2. КОПА, Ф. I, ОП. I 6, Д. 5, С. I 76—I 77.

3. КОПА, Ф. I, ОП. I 6, Д. 5, С. I 90.

4. КОПА, Ф. I, ОП. I 6, Д. 6, С. I 8.

5. ЦГА КАССР, Р-131, ОП. I, Д. 910, Л. I 2.

6. ЦГА РСФСР, Ф. 259, Д. I 56, Л. 7 I.

7. Слово мис, видимо, восходит к мисгэй как в бурятском языке, в монгольском — муура, мигуй, мий.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЙМСТВОВАННЫХ СЛОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

(Ученые записки КНИМЯЛИ, № XI, 1973. Тезисы доклада, прочитанного на У языковедческой конференции, состоявшейся в Элисте в 1939 году).

Займствование слов является важнейшим путем обогащения лексики любых языков. В современном калмыцком литературном языке неопенимо большое значение имело и имеет займствование иноязычных слов, особенно из русского и через русский язык.

В области грамматического оформления займствованных слов в калмыцком языке все еще царит много путаницы, создающейся неразработанностью вопроса, а также непоследовательным проведением в жизнь принятых ранее решений.

В целях урегулирования правил оформления займствуемых слов и приведения их в нужную систему, предлагаем вниманию конференции следующее:

Об основах займствуемых слов

I. Все займствуемые слова передавать применительно к их русской орфографии, не внося никаких звуковых изменений в основы слов, напр.: не кружк, а кружк, не маджар, а можар, не лидж, а лыж, не кохт, а кофт, не ашкап, а шкаф, не эрвалц, а револуц, не газэд, а

газет, не галстг, а галстук.

Слова, давно вошедшие в калмыцкий язык, писать так, как они освоены, напр.: базр, яршг, шотк, бас, хамуд, хаш, харуд, аһуриг, ярм, коп, парвлэн, мишг, а не базар, яшик, щетка, база, хомут, каша, огород, огурец, ярмо, кофе, правление, мешок.

2. В заимствуемых словах ударные гласные не обозначать долгой гласных, напр.: кадр, норм, мастер, а не каадр, ноорм, маастър, и др.

Исключение составляют слова, давно вошедшие в калмыцкий язык, напр.: мээчг "мячик", ярм "ярмарка", пив "пиво" и др.

3. Основа заимствованных слов не подчиняется закону гармонии гласных. Но, изменяясь, заимствованные слова подчиняются правилам калмыцкого словоизменения: совет – советин, мастера – мастермуд, клубур и др. Причем наращиваемый к основе слова аффикс должен иметь гласную такого же ряда, какую имеет последний слог основы: орден – орденэр, капитан – капитана и т.д.

Наращиваемый словообразующий и словоизменяющий аффиксы получают огласовку по гласному последнего слога основы слова:

самолётом – самолётар	из Киева – Киевас
по шлюзам – шлюзар,	от съезда – съездэс,
по объему – объёмар,	к подъезду – подъездүр,
парашютом – ларашютар.	из разъезда – разъездэс.

4. В заимствуемых словах двойные согласные сохраняются, напр, класс, комиссий, коммун и др.

Имена существительные

1. Основу заимствуемых имен существительных не изменять, сохранив полностью приставки и суффиксы, напр.: клуб, завод, колхозник, участок, стахановец, калий, директор, промышленность, герой, музей, край.

2. Заимствуемые слова, оканчивающиеся на а, о, е должны оформляться путем отсечения родовых окончаний, сохраняя основу без изменения, напр.: кандидатура – кандидатур, граница – границ, математика – математик, библиотека – библиотек, культура – культур, училище – училищ, машинка – машинк, электричество – электричеств и др.

Исключение составляют слова, окончания которых являются ударными, и так называемые несклоняемые существительные русского языка, напр.: Москва, плита, метро, депо, бюро, пальто, купе, клеше, кино, радио, фойе, звено, руда, духи и т.д.

При словообразовании и словоизменении эти окончания сохраняются, напр.: Москванаs, плитканаs, кинонур, пальтота и др.

3. Слова, оканчивающиеся на ие, ия, уя, ея, теряя я или е, получают й, напр.:

а) периферия – периферий, стихия – стихий, санитария – санитарий, империя – империй, кавалерия – кавалерий, пионерия – пионерий, революция – революций, химия – химий и др.

б) соревнование – соревнований, пособие – пособий, совещание – совещаний, предприятие – предприятий и др.

в) идея – идей, шлея – шлей, кисея – кисей, бакалея – бакалей, батарея – батарей, лотерея – лотерей, траншея – траншей, трахея – трахей, эпопея – эпопей, бумагея – бумазей, аллея – аллей и др.

г) статуя – статуй и др.

4. Слова, оканчивающиеся на ая, оя, оформляются через ой, напр.: столовая – столовой, мастерская – мастерской.

5. Слова с конечным гласным я заимствуются путем отсечения этого окончания с обозначением мягкости предшествующего согласного, напр.: баня – бань, пекарня – пекарнь, спальня – спальнь и др.

6. Слова с конечным ья, ье нужно писать без я, е, напр.: эскадрилья – эскадриль, флотилия – флотиль, воскресенье – воскресень и др.

Исключение составляют те слова, в которых ударение падает на окончание, напр.: статья, бадня, ладя, рамбулье и т.д.

7. Заимствуемые существительные, имеющие только множественное число, получают в калмыцком языке оба числа. Единственное число образуется путем отсечения окончания множественности, напр.: часы – час, каникулы – каникул, брюки – брюк и др. множественное число от существительных данного типа образуется на общих основаниях, напр.: час – часмуд, каникул – каникулмуд и др.

8. Собирательные существительные, оканчивающиеся на ие, оформляются через ис, например: граждане – гражданс, крестьяне – крестьянс, англичане – англичанс, мещане – мещанс и др.

9. Собирательные существительные с конечным о оформляются как все существительные, оканчивающиеся на о, путем отсечения окончания, напр.: крестьянство – крестьянств, студенчество – студенчеств, дежурство – дежурств, общество – обществ, директорство – директорств и др.

Исключение составляют слова с ударным окончанием: мастер-

ство, вещество, звено.

10. Слова, оканчивающиеся на гласную и, теряют ее, но обозначается мягкость предшествующего согласного: «сли — ясли и др.

Суффиксы заимствованных слов, показывающие их принадлежность к женскому роду, пишутся без изменения, а окончания отсекаются:

а) —к — пионерка — пионерк, комсомолка — комсомолк, коммунистка — коммунистк, стахановка — стахановк, трактористка — трактористк, парашютистка — парашютистк и др.

б) —ниц — ударница — ударниц, колхозница — колхозниц, мастерица — мастериц, летчица — летчиц, фельдшерица — фельдшериц, общественница — общественниц и др.

в) —их — ткачиха — ткачих, портниха — портних;

г) —чк — техничка — техничк, медичка — медичк, историчка — историчк и др.

д) —ш — кассирша — кассирш, корректорша — корректорш и др.

12. Заимствуемые слова с показателями "ность", "тель", входят в калмыцкий язык без изменения, напр.: промышленность, революционность, истребитель, выключатель и т.д.

13. Допускается скрепление заимствуемых слов со словами калмыцкого языка, напр.: аэросани → аэропан, гостевые → госмельница, цугсоюзин "всесоюзный", аэродең "аэропомощь" и др.

14. Заимствованные слова, оканчивающиеся на ве и де, оформляются через ий, ый, напр.: подлежащее — подлежащий, сказуемое — сказуемый и др.

Имена прилагательные

1. Заимствуемые имена прилагательные употребляются как со словами заимствуемыми, так и со словами калмыцкого языка, напр.: социалистическ дөрлдөн, областной комитет, партийин хардвр, советин йосн, советск государств и т.д.

2. Все заимствуемые имена прилагательные входят в употребление, теряя родовые окончания, но сохраняя: полностью словообразующие аффиксы в основах: —ск — философск дегтр, типографск темдг, кавалерийск школ;

—ческ — социалистическ, героическ эмтн;

—н — диплоmn кедлмш, централън библиотек, ударн бригад;

—ов — классов ноолдан, гербов марк, финансов политик;

—ейн ~ йин — партийн, линейн орудий.

—онн ~ енн — революционн йосн, общественн тосхц, производс-

твенн дилвр и т.д.

3. Имена прилагательные с конечным ударным ой принимаются без изменения: краевой комитет, звеньевой сбор, заводской хург и т.д.

4. Сложные имена прилагательные сохраняют соединительную гласную: машинно-тракторн станций, бахче-огородн культур, рабоче-крестьянск цэрг, военно-морской флот и т.д.

Собственные имена

1. В именительном падеже передаются без изменения имена и фамилии людей, географические термины – названия частей света, стран, городов, рек, озер, гор и т.д. Примеры: Энгельс, Крупская, Горький, Папанин, Виктор, Антонина, Азия, Европа, Амазонка, острова – Котельный, Русский, Столбовой, Колгуев; озеро – Выгозеро; Закавказье и др.

Примечание: Традиционные калмыцкие географические названия сохраняются: Әедрхн – Астрахань, Хар теңгс – Черное море, Көк теңгс – Каспийское море, Китд и др.

2. Отыменные прилагательные в составе наименования географических объектов передаются путем отсечения родовых окончаний: Балтийское море – Балтийск теңгс, Финск залив, Западно-сибирск дора назр, Северн-Ледовит дала, Северн земля, Чешск губа, Северн Двина, Подкамени тунгуск гол, Монгольск Олн-эмитнэ Республик и т.д.

Исключение составляют названия, в которых нельзя отсекать окончания, напр.: не Бел теңгс, а Белое теңгс, Новая земля, Кривой рог, Бия гол, Великий или Тихий дала.

3. При переводе русского родительного падежа, соединенного с номенклатурой объекта, допускается обращение его в форму калмыцкого родительного падежа:

Земля Франца Иосифа	–Франц Иосифин назр
о.Врангеля	–Врангелин арл
о.Уединения	–Уединенэ арл
о.Октябрьской революции	–Октябрьск революции арл.

Множественное число

1. Слова с конечными устойчивыми (ударными) гласными, а также согласными: б, в, г, к, м, н, ф, х, ц, ч, щ получают аффикс множественности –р: бомбс, бритвс, заливс, лозунгс, лавкс, кружокс, республикс, обкомс, нормс, лампс, этапс, тарифс, цехс, границс, рошс, училищс, плитас, звенос, статьяс, наречс и т.д.

2. Слова с конечными согласными д, ж, з, с, л, р, ш получают во

множественном числе аффикс -муд, -муд, напр.: каналмуд, заводмуд, бригадмуд, гаражмуд, базмуд, материалмуд, тезисмуд, адресмуд, терри-
тормуд и др.

3. Слова с конечным н получают аффикс множественности -д или -с:

а) слова с конечным н получают аффикс множественности -д, которой заменяется конечный н слова: чабан - чабад, вагод, эскад-
род, патрон - патрод, наган - нагад, машин - машид и т.д.

б) слова, оформленные через н и осваемые как имеющие конеч-
ную неясную гласную, получают аффикс множественности -с, напр.:
термин - терминс, плотин - плотинс, шина - шинс и т.д.

4. Все существительные, оформленные в калмыцком языке через -ой, -ий, -уй, -ей, за исключением -рий, получают аффикс множе-
ственности -с: идея - идеяс, герой - геройс, статуя - статуяс, музей -
музейс, типографий - типографс, премий - премс, академий - ака-
демс и т.д.

5. Слова с конечным к, обозначающие лицо, деятеля, профессию
и др. получают аффикс множественности -уд, -уд: колхозник - кол-
хозникуд, летчик - летчикуд, политик - политикуд, механик - меха-
никуд, маховик - маховикуд, математик - математикуд и т.д.

6. Слова с аффиксом к, обозначающие лиц женского пола, во
множественном числе получают -с: пионерк - пионеркс, комсомолк -
комсомолкс, стахановк - стахановкс и др.

7. Слова с конечным т, ч, ц, обозначающие профессии, принад-
лежность и др., получают аффикс множественности -нр: комсомолец
- комсомолецнр, делегат - делегатнр, депутат - депутатнр, избач-
- избачнр, республиканецнр и т.д.

8. Заимствуемые слова с конечным ль получают аффикс множе-
ственности -муд, -муд, напр.: тетрадьмуд, двигательмуд, табельмуд,
панельмуд, эскадрильмуд, флотильмуд и т.д.

Исключение составляют слова типа бань - баньс, коншнь -
конешньс, спальнь - спальнс и т.д.

Изменение слов

Все заимствуемые слова, а также собственные имена, подчи-
няются законам калмыцкого словообразования и словоизменения,
напр.: Америка - Америкин, Крупская - Крупскин, Крупскд, Шевченко
- Шевченкин, Шевченклэ, Шевченкд, кашне - кашнед, кашнен, кашнетэ,
предприятие - предприятин, предприятяд, правление - паралэнэ,

правленъд и т.д.

2. Многосложные слова и собственные имена с конечными -н, -ина, в родительном падеже калмыцкого языка оформляются через -инэ, а двусложные слова с конечным гласным — через н, напр.: Ан-тонина — Антонинэ, Украина — Украинэ, Зина — Зинан, Иина — Иинан, Катя — Катян, в дательном падеже — Антонинд, Зинад, Иинад, Катяд и др.

3. Слова, оформленные с конечным -ний, в родительном падеже получают аффикс -а или э, напр.: учрежденный — учрежденэ, произведений — произведенэ, а слова, оформленные через ий, получают -дн, напр.: биологий — биологин, лабораторий — лабораторин, комиссин и т.д.

4. Слова, оформленные через ударный -ий, а также -ой, уй, ей, сохраняют их во всех падежах: герой — геройин, идей — идейин, статуин — статуила, Марийин — Марийла и т.д.

5. Заимствуемые слова, оформленные через -ий, при предшествовании согласных л, н, д, т, с, в, подчиняются законам калмыцкого словоизменения, и эти согласные подвергаются в дательном, соединительном, совместном и во всех падежах множественного числа смягчению, напр.: совещанъд, совещанъла, предприятия, Азыд, Азыла, кълъд, сессът, предприятияс, комедъс и т.д.

6. Несклоняемые существительные русского языка в калмыцком языке подчиняются закону его словоизменения, напр.: пальто — пальтон, пальтота, пальтос, кашне — кашнен, кашнес и т.д.

Остальные части речи

1. От заимствованных существительных образуются глаголы, причастия, деепричастия, наречия при помощи соответствующих суффиксов калмыцкого языка.

2. Глаголы образуются при помощи суффиксов -л, -р, -рул -рул и др.

-л — команда — командл, командлх, командлулх, электрофицирулх, электрофикалх, революцрул, демократизирулх.

-д — машин — машинд, машиндх, машиндх, силослх и т.д.

3. Причастия — при помощи суффиксов:

а) настоящего времени: -гч, -дг, -а (-э)

командующий — командлгч, командлдг, командла, электрофицирующий — электрофициулгч — электрофицирулдг, электрофицирула и т.д.

б) прошедшего времени: -сн

командовавший – командлсн, революционизировавший – революционизирулсн, электрофицировавший – электрофицирулсн.

в) страдательного залога: – гд командированный – командирулгдсн, механизированный – механизирулгдсн и т.д.

4. Образование деепричастий:

а) разделительные: –ад, –эд: коллективизируя – коллективизирулэд, революцирулад, машидэд.

б) слитное –н: – революционизируя – революционизирулн, электрофицирулн, машидн и др.,

в) соединительное: –ж, –ч: механизирова – механизирулж, революцирулж, командлж;

г) предела: –тл – командлтл, электрофикацлтл, машидтл и т.д.

5. Образование наречий. Наречия по-большинству, по-революционному и т.д. передаются при помощи суффиксов –ар, –эр, инэр, –анар, и др. (род. + тв. пад.), напр.: ленинскэр, Москванар, революционнар, большевистскэр, героическэр, экономическэр и т.д.

6. От имен существительных возможны образование других частей речи, а от глаголов только отлагательных существительных типа: машидлн (машинизация), радиофикацлн (радиофикация).

Х Х Х

Вносятся предложение решить здесь некоторые вопросы по уточнению орфографии и нормирования калмыцкого литературного языка:

В тех случаях, когда вызывается сомнение в написании у или и в первом слоге слова, давать предпочтение написанию у: бучр, бущкур, бущмуд, шудн, а не бичр, бишкур, бишмуд, шидн.

2. При наличии сомнений в написании а или э, давать предпочтение написанию а: мана, така, таава, наха, анх, матхр, альхн, хальтрх, альдас, а не манэ, такэ, таавэ, нэхэ; энх, мэтхр, элхн, Хэлтрх элдэс.

3. Принять написания типа дэкэд, дэкн, мэкр, тэкм, бэкрсн, а не дакад, дакн, макр, бакрсн, такм и др.

4. После палатализованных согласных в словах с гласными заднего ряда писать не э и у, а я и ю как в русском языке: ханядн, маля, малята, сурхулян, тетрадяр, суль – суляр, соль – солил, соляд, тань – таяд, медаль – медаляр, медаляр, но артель – артелэс и др.

5. Диалектные различия использовать в целях обогащения лексики: хев "счастье", хув "часть", сев "открывать", сев "посвятить", гудми "паутина", гелми "сеть", "невод" и др.

6. Вносится предложение вступить с ходатайством перед Институтом языка и письменности АН СССР об оказании содействия в научном изучении природы неясных гласных в калмыцком языке с целью установления их обозначения.

Примечания:

1. Все положения, предложенные в указанных тезисах, были единогласно приняты на конференции. Руководствуемся ими и в настоящее время.

2. Изменению подверглись в основном пункты а, б раздела III "Имя существительное" и некоторые положения по образованию множественного числа. Более подробно об этом в статье "Почему мы так пишем".

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ФОНЕТИКИ КАЛМЫЦКОГО
ЯЗЫКА ПО "ТОДО БИЧИГ"

(Ученые записки КНИИЯЛИ, вып. 7, Элиста, 1969)

Знаки "Тодо бичиг", выработанные Зая-Цандитой для своей письменности на основе фонетической системы родного языка, показывают, что отношения между буквами и звуками живой речи калмыков и тогда были очень близки. По графике и системе орфографии "Тодо бичиг" нами был определен фонемный состав калмыцкого языка.²

В составе двадцати семи букв, передававших звуковой состав ойрат-калмыцкого языка, имелся один галик для обозначения фонемы п. Что касается увулярного проточного согласного г, обозначаемого теперь знаком h, то этот звук в период создания "Тодо бичиг" обрел самостоятельное фонемное значение. Попутно заметим, что в современном монгольском языке указанный звук не обозначается особой буквой и продолжает рассматриваться как один из оттенков заднеязычного смычного г. На наш взгляд, этот звук в современном монгольском языке находится в стадии становления в самостоятельную фонему. Это видно не только из его орфоэпических, но смысло-различительных признаков пока на уровне морфофонемы. Например: пишутся одинаково бага "группа", бага "молодой", хотя в последнем наличествует проточный h, в орудном падеже оба слова пишутся одинаково — багаар, тогда как при произношении их ясно слышно багаар "группой", но баһаар "молодым". Слова "шесть" и "свою карточку" пишут одинаково — зургаан, а слышатся зургаан "свою карточку", но зурһаан "шесть". Здесь налицо смысловозначительная роль согласного h. Проведенная нами весной этого года оциллографическая запись показала, что монгольский h действительно является проточным увулярным звонким согласным звуком.

Изучение вопроса о развитии фонетической системы калмыцкого языка в период создания "Тодо бичиг" показывает очень интересные фонетические процессы, происшедшие в калмыцком языке. "Тодо бичиг" позволяет раскрыть и объяснить много фонетических явлений, происшедших не только в калмыцком, но и в других монгольских языках. В этом отношении "Тодо бичиг" имеет большое научное значение в общей монголистике и оказывает большую ус-

дугу в объяснении многих неясных вопросов.

До последнего времени монголисты подходили к изучению фонетических явлений, происшедших в калмыцком языке, исходя из старописьменного монгольского языка, минуя большей частью "Тодо бичиг". Между тем "Тодо бичиг" дает прямой ключ к объяснению целого ряда непонятных явлений, так как эта письменность отражала последнюю фазу, последний этап среднего периода в истории развития монгольских языков и диалектов. На наш взгляд, известные нам монгольские языки, в частности халха-монгольский, бурятский, прошли в свое время указанный этап в своем развитии.

Раскрытию ряда интересных фонетических явлений, происшедших в калмыцком языке, способствуют два рукописных словаря,² хранящихся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щадрина в Ленинграде.

Материалы этих двух словарей, богатые источники по диалектам калмыцкого языка, а также переводы Зая-Цандиты дают основание установить, что ойраты имели относительно единый язык, что если и были различия в языке хошутов, торгутов, дербетов, хойтов, элетов в период создания "Тодо бичиг", то они были настолько незначительны, что Зая-Цандита сумел безболезненно создать общеойратскую письменность и избежать полифонии знаков.

Ниже мы намерены кратко остановиться на отдельных вопросах развития фонетики калмыцкого языка по некоторым письменным памятникам на "Тодо бичиг".

Губная ассимиляция

"Тодо бичиг" свидетельствует о губной ассимиляции, происшедшей в языке ойратов. Письменные памятники на "Тодо бичиг", в частности Алтан гэрэл, Дорджи жодба, Биография Зая-Цандиты, показывают губную ассимиляцию гласных непервых слогов подобно ударным гласным *о* и *е* первого слога, что имеет прямое соответствие с восточно-монгольскими наречиями типа халхаского.

Монголисты склонны были считать, что губная ассимиляция, отраженная в "Тодо бичиг" — явление, относящееся к хошутскому говору, на котором был составлен "Тодо бичиг".

Остаточные явления с губной ассимиляцией в языке донских, а также оренбургских³ и уральских⁴ калмыков, вызывали у нас сомнения в правомерности указанного предположения.

Словарный материал указанных выше рукописных словарей, топонимические названия: Олов худук, Чолон худук, Бор нур, Нойон

шире и др.,⁵ наличие о, э в первых слогах слов дербетского говора $MH\Phi^6$ и в языке торгутов Синьцзяна⁷ окончательно убедили нас в том, что губная ассимиляция, отраженная в "Тодо бичиг" — это общеоиратское явление, относящееся ко всем говорам оиратского, а отсюда и калмыцкого языка.

Губная ассимиляция гласных первых слогов произошла в следующих позициях:

1. Негубные гласные а, э и дифтонги аі, эі первых слогов подверглись последовательно губной ассимиляции под влиянием гласных о и э первого ударного слога в словах: олзо "польза", онцо "особый", бодо "скот", холо "далеко", хото "город", цогцо "тело", эргэн "широкий", дербен "четыре", торһон "шелк", зоболоң "страдания", бөкөн "горб", хойор "два", ноһон "князь", моһоі "эмея", ноһоі "собака", хормоі "подол", соответственно восходивших к старописьменному монгольскому: олза, онца, бода, хола, цогца, эргэн, хота, дербен, торһан, зобалаң, бөкән, хойар, ноһан, моһаі, ноһаі, хормаі и т.д.

2. Узкие губные гласные у и ү первых слогов слова подверглись прогрессивной ассимиляции о и э первого ударного слога слова, за исключением закрытого слога с конечным н, напр.: солонһо "радуга", сохор "слепой", хоһоң "ночлег", тоһос "павлин", терөл "родня", доһолоң "хромой", ногто "недоуздок", бодоң "кабан", беднэ "перепелка", олоң "подпруга", онһоцо "лодка", чоһо "волк", тоһоһоі "голова", терөл, восходивших соответственно к старописьменному монгольскому: солуңһа, сохур, хоңуг, тоһус, терүл, доһулаң, ногту, бодуң, беднэ, олуң, онһуца, чһуа, толуһаі, терүл.

3. Губные гласные у и ү первых слогов, будучи в закрытых слогах с конечным н, большей частью не подверглись прогрессивной ассимиляции о и э первых ударных слогов слова: модун "дерево", бедун "толстый", шобун "птица", меңгүн "деньги", тосун "масло", месун "лед", кеесун "пена", тоосун "пыль", хоосун "пустой", ноосун "шерсть", һосун "сапоги".

Встречается в письменных памятниках немало слов, в которых гласные у и ү первых слогов не подверглись прогрессивной ассимиляции о и э, будучи в первых слогах в сочетании и с другими согласными: мергүл "моление", эндүр "высокий", көкүл "грудной", төгүриг "круглый", болугсан "ставший", бөгөсү "задняя часть тела", оһо: ту "совершенно, всецело". В словаре А. Цоздиева, изданном в 1911 году, отмечается: мергөл "моление, поклон", төгөриг "круглый", бөгөсө "задняя часть тела", оһо: то "всецело".

Такой разноречивой вызывался неравномерным процессом ассимиляции гласных у и ү непервых слогов, более устойчивым характером гласных у и ү в закрытых непервых слогах.

На наш взгляд, более справедливым будет указание Б.Я. Владимирцова о том, что "Зая-Цандитская орфография ойратской письменности педантично проводит лабиализацию гласных: в ойратской письменности после о и е первого слога во втором, а иногда в последующих слогах из гласных кроме о и е может стоять только и".⁸

Мне представляется, что указанная последовательность в орфографировании лабиализованных гласных действительно соответствовало живой речи ойратов. Именно в коренных словах губной ассимиляции подверглись в основном гласные о, е непервых слогов слова. Что касается губной ассимиляции гласных в присоединяемых аффиксах, то это является не основным, а частичным явлением, вызванным неодновременным процессом ассимиляции, а отчасти, возможно, орфографическим приемом более позднего периода. Об этом говорят разноречивые, допускаемые в письменных памятниках и в калмыцких словарях более позднего периода.

Следует здесь отметить, что в письменных памятниках после гласного и, следующего за о и е первого слога, обычно следуют аффиксы тоже с гласными о и е, напр.: ергэжигсен "развивавшийся", орошигсен "обетованный", зокисто "приличный", тонилхон "избавление".

Интересно отметить, что А. Соколов в своем словаре дает орчлоң "вселенная" так же, как в "Алтан гэрэл", что перекликается с современным живым разговорным халха-монгольским орчлоң. В словаре А. Позднеева читаем, что, безусловно, не соответствовало живому говору калмыков ни в период создания "Тодо бичиг", ни тем более к началу XX века, когда краткие гласные непервых слогов стали уже крайне неопределенными.

4. Конечные дифтонги у и ү многосложных слов в текстах даются обычно без изменения, напр.: оноторхой "небосвод" и ерше:нгуи "милостивый", но в анонимном словаре читаем окторгой, в словаре А. Соколова - окторгуи. А. Позднеев дает оноторхой "небосвод" и ерше:нгуи "милостивый". Из этих написаний более реальным будут написания типа онторхуй и ерше:нгуи. Это соответствует оригиналу Зая-Цандиты, подтверждается А. Соколовым и перекликается с халха-монгольским огторгуи и ершеенгуи.

Примечательно, что слова типа олон "много", одон "звезда",

элэс "проголодайся", восходящие к старо-письменному монгольскому олав, одун, елус, как видно, подверглись губной ассимиляции по ударному о и е первого слога слова. Но от слов типа олху "найти", одху "пойти", елуску "проголодаться", корень которых в своем конце имеет согласный, слитное деепричастие дано как блун "найдя",

одун "сходив", елесун "проголодавшись". Карэл ха:н тэндэ одун күрэ:д. ⁹"Карэл ха:н прибыв, достиг... "или ¹⁰Лэке амитани эсэ олун маши насалун энэлжи. ¹⁰"Много людей, в найдя, очень страдали". При дальнейшем изменении слова гласный у в указанной позиции сохраняется: одугсан ¹¹"съездивший", "сходивший", олугсан ¹²"найденный".

Нам представляется, что Зая-Цандита семантически разграничивал написания олун "найдя", одун "сходив", от олон "много", одон "звезда".

В остальных позициях большей частью последовательно проводилась лабиализация гласных, а именно в:

а) слитных деепричастиях: соносон "услышав", целдан "прожаждав";

б) разделительных деепричастиях: одо:д "сходив", соносо:д "услышав";

в) причастиях прошедшего времени: орогсон "вошедший", целдегсен "жаждавший", кекерсен "посиневший". Здесь следует отметить, что наряду с суффиксом -сон, -сен допускается -сун, -сүн, т.е. также разнотой. Это, видимо, объясняется не только одновременным процессом лабиализации, но и более устойчивым характером гласных у и ү в закрытых слогах типа -сун, -сүн;

г) некоторых суффиксах словообразования: тонолгон "ограбление", соносолгон "повиновение", номлоху "предсказывать";

д) аффиксах совместного падежа: номто "с учением", энгете "с цветом";

е) дифтонги в аффиксах изъявительного наклонения -ба, -бэ обычно ассимилируются в -бо, -бе; болбо "стал", болнобо "сделал", егбе "дал", төребе "родился".

Что касается гласных у и ү в причастиях будущего времени -ху, -кү, то они при любых модификациях не подверглись прогрессивной ассимиляции в о и е так же, как гласные у и ү суффиксов прилагательных -ту, -тү, -ду, -дү, побудительных глаголов -ул, -үл, аффиксов дательного падежа, напр.: номту "ученый", монойиту "змеиный", төралту "родственный", еберту "рогатый", доро:ду "низший", өгү:лэку "послать", олу:лху "заставить найти", хотонду "поселку".

көлдү "ноге", и др.

Отмечая губную ассимиляцию гласных при словоизменении и словообразовании, мы только лишь коснулись некоторых аспектов. Впереди еще много неизученных вопросов и деталей.

5. Губная ассимиляция гласных произошла главным образом под влиянием ударных о и е первого слога слова и вследствие начавшегося ослабления позиции кратких гласных непервых слогов. В словах типа тона → то.а → то.о → то: "число", берэгэ → бе.эре → бе:эре → бе:ре → бе:ре ясно видно прогрессивная ассимиляция гласных а, э под влиянием губных гласных первого слога о и е. На эти гласные, видимо, тогда приходилось ударение. Ударным характером этих гласных первого слога следует объяснить указанную прогрессивную ассимиляцию.

Если бы ударение падало на второй компонент слов типа то.а или любой другой компонент непервых слогов слова, подобной прогрессивной губной ассимиляции, очевидно, не могло произойти. Следует здесь оговориться, что последний слог основы многосложных слов, в которых произошло стяжение гласных, видимо, имел побочное ударение. Поэтому в ассимиляции гласных этих слов важную роль сыграли не только разнорядность гласных, получившихся в результате выпадения интервокального согласного, но и побочное ударение второго компонента, напр.: хуриѣаху → хуриаху → хура.аху → хура:ху "собирать", утаһан → ута.ан → ута:н "дым", ширэгэ → ширэ.э → ширэ: "престол" и др.

Приведенные выше данные позволяют заключить, что указанный выше процесс губной ассимиляции завершился в основном до периода создания "Тодо бичиг" и связан с общим процессом губной ассимиляции, происходившим в монгольских языках. Об этом свидетельствуют тексты перевода Зая-Цандиты, словарь А.Соколова и анонимный словарь, а также утверждения А.Попова и А.Бобровникова. "Слоги ия и ие сокращаются еще, — пишет А.Бобровников,¹³ в разг. монгольском в йо и йе, а в калмыцком большей частью в о: и е:. Это бывает тогда, когда этим сокращаемым слогам предшествуют гласные о и е". А.Попов отмечает, что "Калмыцкие буквы д и з для благозвучия письма часто заменяются, первая буквами р и у, а вторая е и ү в тех словах, в которых эти буквы составляют первые слоги."¹⁴ Следует здесь внести ясность. Дело не в "благозвучии" или частоте употребления, а в закономерностях, происшедших в живом языке. Губная ассимиляция в живом языке калмыков, как видно,

уже начала нарушаться значительно раньше середины XIX века, Краткие гласные о и е первых слогов становились неопределенными, а долгие гласные о: и е: стали подвергаться так называемому явлению раскрытия и по аналогии со словами, имеющими ударение на слоги - а:н, ассимилировались из о:н в а:н: доло:н → дола:н наподобие уда:н "долгий", дула:н "теплый". Указанный процесс как и переход э в э в первых слогах, видимо, завершился к концу XIX века.

Интересно отметить, что в Оренбургской области есть населенный пункт Долодокчи. Все русское население и оренбургские калмыки произносят это название долодокчи. Долодокчи означает "Седьмов", Слово же "семь" эти калмыки произносят "долан", а шулун "быстрый" произносят шлун. Здесь произошла редукция гласного первого слога под влиянием ударного гласного второго слога подобно общекалмыцким блэ ← билэ "был", или Глацкь ← Гилацкь Гилацкь (имя).

Д о л г и е г л а с н ы е

Общий процесс образования долгих гласных в монгольских языках подробно исследован Б.Я.Владимирцовым, Г.Д.Санжеевым и другими учеными-монголистами. Мы же задались целью выяснить этот процесс в кадымском языке по данным письменных памятников на "Тодо бичиг"(ТБ).

Как известно, в старописьменном монгольском языке (СПМЯ) имеются долготные комплексы ГСГ(Г - гласный, С - согласный). В ойратском письменном языке (ОПЯ) имеются сочетания двух гласных, восходящих к долготным комплексам СПМЯ. Кроме того, имеются долготные комплексы типа г + й + и, а также дифтонги (г + і).

Ойратский или старописьменный калмыцкий язык свидетельствует, с одной стороны, об образовании долгих гласных путем стяжения рядом стоящих двух гласных, восходящих к долготным комплексам СПМЯ типа ГСГ(кроме і), с другой стороны, о сохранении сочетаний двух гласных без интервокальных согласных, еще не перешедших в долгие гласные. Сочетание двух гласных без интервокальных согласных, как известно, отражает среднемонгольское состояние фонетической системы монгольских диалектов XIII-XIV вв.

Образование долгих гласных в языке ойратов в период создания "Тодо бичиг" не был одновременным процессом. Поэтому "Тодо бичиг" справедливо зафиксировал начало образования дол-

гих гласных наряду с сочетанием рядом стоящих двух гласных, еще не перешедших в долгие гласные. В старописьменном монгольском языке наличествуют сочетания рядом стоящих двух гласных, свидетельствующие о том, что выпадение интервокальных согласных в монгольских диалектах началось до создания старомонгольской письменности "Худма бичиг", напр.: таула? "заяц", тэүкэ "повесть".

В данной статье, впервые опубликованной в 1969 году,¹⁵ рассматривается развитие долгих гласных в калмыцком языке, восходящих к долготным комплексам СПМЯ типа ГСГ (кроме *i*), а о развитии дифтонгов (*г + i*), двослогов типа *г + й + и* в долгие гласные сказано в другой нашей статье, опубликованной в 1974 году.¹⁶

Сравнительное изучение долготных комплексов СПМЯ, ОПЯ и в живой речи калмыков показывает интересную эволюцию в образовании долгих гласных в монгольских, в частности, в калмыцком языке.

Как было сказано, в период создания "Тодо бичиг" начался процесс образования долгих гласных. Стяжение двух слогов, некогда имевших интервокальный согласный, в один и образование долгих гласных в калмыцком языке к середине XVIII века произошло не во всех случаях, а только в сочетаниях рядом стоящих двух гласных, восходящих к долготным комплексам СПМЯ типа *г + с + г* (кроме *i*).

Известно, что сочетание двух гласных без интервокального *h*, *г*, *й*, изредка *б* → *в*, *м* в монгольских диалектах было характерно для средне-монгольского состояния фонетической системы, что отражено в квадратном письме. Вместо выпавших интервокальных согласных между сочетающимися двумя гласными, как известно, образовывалось зияние (хиатус), которое на письме обычно отмечалось точкой.

Ниже рассматриваются долгие гласные, отраженные в "Тодо бичиг". Они даются в 2.5 столбцах.

Современ- ный кал- мыцкий	Старопись- менный кал- мыцкий	Значе- ние	Современ- ный кал- мыцкий	Старопись- менный кал- мыцкий	Значе- ние
	(ТБ)		язык	язык	(ТБ)
1	2	3	4	5	6

I. Долгий а, восходящий к

а) а.а ← аһа

о) и.а - иһа

ухан

уха:я

ум

така

така:17

кури-
ца

1	2	3	4	5	6
на:дн	на:дун	игра	таша	таша:	тазовая кость
ца:сын	ца:сун	бумага	хура:хь	хура:ху	собирать
ээрмдэн	заримда:н	иногда	ура	ура:	боевой клич
магтал	магта:л	хвала	уһа:хь	уһа:ху	мыть

Кроме того, встречаются слова с долгим а: в первых слогах слова, восходящим к сочетаниям и.а ← иһа, у.а ← уһа, напр.: хама "где" ← хама ← хамаһа, в современном монгольском языке хаа; зурһан "шесть" ← зурһа:н ← хирһуһан. В СЛМЯ наличествуют утуһа "дым", унуһа "верховой", урһуһа "растущий". В современном монгольском языке соответственно: утаа, унаа, ургаа, в калмыцком – утан (ТБ ута:н) "дым", уна (ТБ унулда морин) "верховая лошадь", урһа! (ТБ урһа!) "растущий".

Как видно из указанных выше примеров, в долготных комплексах СЛМЯ аһа, иһа, уһа, иһа сначала выпали интервокальные һ, й. В результате этого образовались сочетания двух гласных. Затем эти рядом стоящие два гласных стянулись в один долгий гласный а: в период создания "Тодо бичиг".

1	2	3	4	5	6
2. Долгий э:, восходящий к					
а) э.э ← эгэ			б) и.э ← ийи		
кэр	кэ:р	гнедой	кэра	кэра:	ворона
э:хь	э:хи	бабушка	булан	була:н	теплый
эмэл	эмэ:л	седло	кулэ:хь	кулэ:ку	ожидать
ширэ	ширэ:	стол	инэ:дн	инэ:дун	смех
тэмэн	тэмэ:н	верблюд	үлэ:хь	үлэ:ку	дуть

Встречаются слова с долгим э: в первых слогах, восходящим к сочетанию у.э ← угэ, например: в СЛМЯ шутугэн, бутугэку, в "Тодо бичиг" соответственно шутэ:н, бутэ:ку, в калмыцком – шүтэн "образ", бутэ:хь "выполнить", "совершить". В долготных комплексах ийиэ, угэ после выпадения интервокальных й, г сочетания иэ, уэ развились в долгий э:. Здесь гласные элементы и, у высокого подъема в указанных сочетаниях подверглись регрессивной ассимиляции под влиянием рядом стоящего ударного э среднего подъема, что привело к образованию долгого э:.

I : 2 : 3 : 4 : 5 : 6

3. Долгий о: , восходящий к

а/ <u>о</u> .о ← она		о/ <u>у</u> .а ← уна			
то: дьг	то: дог	дрофа	долан	доло: н	семь
хо: сьн	хо: сун	пустой	хора	хоро:	комната
то: сьн	то: сун	пыль	холва	холбо:	связка
бо: хь	бо: ху	завязать	боран	боро: н	дождь
цо: рха	цо: рхо	прорубь	жора	жоро:	иноходец

в/ о.а ← она

г/ и.а ← ина

то	то:	число, счет	дока	доко:	сигнал
бол	бо: л (бохол)	раб	зокал	зоко: л	сочинение, правило

Наличие гласного о в первом слоге слова, произно-

симого с сильной фонецией, позволило рядом стоящему гласному а низкого подъема языка ассимилироваться в о, что повлекло за собой образование долгого о: в первом слоге слова: то: ← тоа ← то-на "число". В непрерывных слогах, при наличии в первом слоге слова гласных о, е, гласные у, и высокого подъема языка в сочетаниях типа уа (← уна), иа (← ина) под влиянием рядом стоящего широко-го ударного а по закону раскрытия сначала подверглись регрессивной ассимиляции в гласной о среднего подъема языка (уа → оа, иа → оа), а затем под влиянием этого гласного о, а также гласного о первого слога гласный а в сочетаниях оа подвергся прогрессивной ассимиляции, что образовало долгий о: в непрерывном слоге. Это схематически выглядит так: долуан → долуан → долоан → доло: н "семь", одуа → одо.а → одо.о → одо: "теперь". Такой же процесс произошел в словах с подобными переднерядными гласными: деру.э → дере.э → дере.е → дере: "стремя". Здесь произошла не только губная гармония, но и гармония гласных по степени подъема языка: в одном слоге рядом не могут находиться гласные разных степеней подъема языка.

I : 2 : 3 : 4 : 5 : 6

Долгий е: , восходящий к

а/ <u>е</u> .э ← егэ		б/ <u>у</u> .э ← угэ			
бе: рь	бе: ре	почка	ерэ	ере:	комната
ке: сьн	ке: сун	пена	ергэ	ерге:	дворец
ке: рьг	ке: рег	кузнечный мех	ерэ: ль	ере: ли	половина
бе	бе:	шаман	дерэ	дере:	стремя

1	2	3	4	5	6
тө	тө:	расстояние между большим и средним пальцами	гөрэ:сын	гөрө:сун	сайгак
	в/е.у ← өгү		г/и.э ← ийи		
сө:кэ	сө:кэ:	сандали	өршэ:хь	өршэ:кү	миловать
сөм	сө:м	расстояние между большим и указательным пальцами.	өшэн	өшө:н	мечь

Долгий е: образовался по такой же закономерности, что и долгий о:. "Тодо бичиг" зафиксировал в первом слоге слова долгий е:, восходящий к сочетанию өэ, өү (тө: ← төэ ← төгэ; сө:м ← сөү ← сөгү). В непервых слогах слова гласные у, и высокого подъема также ассимилировались в долгий е: средней степени подъема языка. Этому способствовало наличие гласного ө в первом слоге слова. Здесь произошла полная губная гармония: өрөх ← өрөэ ← өрүз ← өрүгэ "комната", өшө:н ← өшөөн ← өшиэн ← өшйиэн "мечь".

ц

1	2	3	4	5	6
5. Долгий и:, восходящий к					
	в/и.э ← игэ ~ ийи		б/и.э ← ийэ		
ши:рҮь	ши:рэ	ножки овцы	кэмжэ	кэмжи:	мера
тажэл	тэжи:л	пища	илэ:сын	или:сун	мошкара
ичэ:хь	ичи:кү	стыдить	күчэр	күчи:р	наильно
		в/и.а ← ийа, и.а ← ийа и др.			
тачал	тачи:л	пристрастие	бэрэд	бари:д	поймав
мал`а	мали:	плетка	хэрэд	хари:д	возвращаясь
хан`а:дн	хани:дун	кашель	ачад	ачи:д	навьючив
хурн`а:сын	хурни:сун	морщинка	нэрэр	нари:р	тоньше

Долгий гласный и: в приведенных примерах по своему образованию имеет свои особенности. Здесь напрашиваются следующие выводы.

Во-первых, в период создания "Тодо бичиг" только началось образование долгого и:. Крайне ограниченное количество слов передано через и:. Современное калмыцкое ши:рҮь "ножки овцы", чи:рҮь "выносливый", жи:хь "вытянуть ноги", чиг "роса", "сырость", ши:дхь "решать", передается в "Тодо бичиг" соответственно ши:рэ, чийириг, жийяку, чийиг, шийидку, а в старописьменном монгольском

-шигара, чигэрэг, жигакү, чигэг, шийадкү. Отсюда напрашивается вывод, что старописьменный монгольский долготный комплекс игэ, отчасти ий в языке ойратов соответствовал двослогу ийи. Этот комплекс ийи развился в языке калмыков в долгий и:

Более подробно об этом изложено в статье "Развитие дифтонгов в монофтонги".

Во-вторых, наблюдается определенный орфографический прием. Долгим и: передавался более устойчивый характер и непервого слога после шипящих ч, ж, ш при наличии после и гласных компонентов а или э, которые на письме не отражались: тажи:л "питание" — тажи.эл, ча:жи:р "грудь" — ча:жи.эр; хажи "коса", хажи:р "косой" — хажи.ар, бичи:чи "писарь", унши:д "читая". Такое орфографирование, видимо, диктовалось и семантическими причинами, а также принятой системой обозначения ч и ж. Если писались бы вторые компоненты из сочетающихся ие или иа, т.е. э и а, то согласные ч и ж читались бы как ц и з, т.е. тацэ:л вместо тажи:л, хаза:р, вместо хожи:р, бицэ:чи вместо бичи:чи — это противоречило бы живому произношению. Здесь в сочетаниях иа, ие ударение, видимо, падало на гласный и, а позиция следующего за ним гласного начала подвергаться редукции. Поэтому как с семантической, так и графической стороны более приемлемым могли быть указанные выше написания, т.е. как тажи:л, хажи:р. Здесь налицо появление долгого и:

В-третьих, начало палатализации согласных л, н, т, отчасти р под влиянием последующего им гласного и при наличии после и компонента а или э, напр.: хани:дун "кашель" ← хани.адун, хали:—ху "смотреть" ← хали.эху, хати:р "редкий" ← хати.ар, кули:сүн "кдавший" ← кули.эсүн, бари:д "поймав" ← бари.ад и т.д. Такое орфографирование более соответствовало живому говору, чем передача вторыми их компонентами, напр.: хана:дун вместо хани:дун, хата:р вместо хати:р, бара:д вместо бари:д, а произносили скорее бариад. Донские калмыки и теперь произносят хали:хь "смотреть", что восходит к хали:аху ← халийаху.

Изложенные данные показывают, что палатализация некоторых согласных под влиянием последующего д началась уже в период создания "Тодо бичиг". Так, например, в "Тодо бичиг" зафиксировано долгиан "волна", что восходит к старописьменному монгольскому долгийан. Здесь гласным и отмечается палатализация согласных

го д подобно современному сал'кын – салкин "ветер", дол'ган ← до-
лиган ← долгийан "волна".

В приведенных выше примерах хани:дун "кашель", хали:ху "смо-
треть", хати:р "редкий" буквой и: отмечается и палатализация
предшествующих ей согласных.

Следует подчеркнуть, что в анонимном словаре и в словаре А.
Соколова, относящихся к середине XVIII века, последовательно отме-
чается палатализация согласных л, н, т, напр.: альман "яблоко", уль-
тарак "стелька", ханьдан "кашель" и др. Отсюда напрашивается вы-
вод о том, что палатализация согласных л, н, т, начавшаяся в период
создания "Тодо бичиг", к концу XVIII в. уже стала приобретать фоне-
матическое значение.

Таким образом, к периоду создания "Тодо бичиг" в языке ойрат
– калмыков образовались долгие гласные а:, э:, о:, е:, восходящие к
долготным комплексам ГСГ. В этот период процесс образования дол-
гого и: только начался. При рассмотрении указанных выше примеров
образования долгих гласных кратко изложены основные причины их
возникновения. К сказанному следует добавить, что стяжение двух
слогов в один и образование долгих гласных происходило:

а) при наличии стоящих рядом одинаковых гласных. Стяжению их
в один долгий гласный способствовала одинаковая их артикуляция:
дара:н ← дара.ан "порядок", эмэ:л ← эмэ.эл "седло", хо:сун ← хо.-
осун "пустой", ке:сун ← ке.есун "пена".

б) в сочетаниях двух гласных, в которых один из них, имеет
высокий подъем языка, ассимилируется по степени подъема языка в
окружающие его гласные более низкого подъема языка: така: ← такая
"курица", кэзэ: ← кэзиз "когда". Этому способствовало ударение,
которое падало на последний слог.

в) при наличии в первом слоге гласных о или е сочетающиеся
с ними любые гласные, а также любые гласные непервых слогов упо-
доблялись стоящему впереди гласному первого слога о или е по
закону губной ассимиляции: то: "число" ← то.а, бе:ре "почки" ←
бе.эрэ, доло:ху "лизать" ← доли.аху;

г) когда гласный и переднего ряда, оказавшись в окружении
заднерядных гласных, ассимилировался в свой заднерядный ударный
компонент: хура:ху "собирать" ← хури.аху, тама: "тазовая кость" ←
таши.а;

д) когда любой предшествующий компонент сочетающихся глас-
ных ассимилировался своему последующему, восходящему к послед –

вему или предпоследнему ударному слогу: булэ:н "теплый" ← були.-
эн, зурһа:н "шесть" ← зурһу.ан, инэ:дун "смех" ← ини.эдун.

С образованием долгих гласных в калмыцком языке в двух и более сложных словах произошла передвижка ударения с первого слога на слог с долготой гласных (См. подробно¹³).

Сочетания гласных оу, оу, иу, иу не обозначают собой долгие гласные у: у:, как утверждают некоторые авторы. Так Зая-Пандита зарегистрировал не орфографический прием обозначения долгих гласных, а фонетический процесс, когда еще не произошло стяжения двух сочетающихся гласных в соответствующий долгий. Не было никакой надобности обозначать долгие гласные указанным способом: в письменности Зая-Пандиты была разработана последовательная система обозначения долгих гласных.

Что из себя представляют указанные сочетания гласных? Как они образовались? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к старописьменному монгольскому языку.

Сочетание оу восходит к аһу: аһула "гора", наһур "озеро", заһун "сто", которые, как известно, развились соответственно в аула, наур, заун и др. Затем указанные сочетания в этих и других словах с подобными сочетаниями гласных развились в живом языке ойратов в оу. Этот период как раз и зарегистрировал Зая-Пандита в своей письменности. Данная стадия, когда сочетание ау перешло в оу, представляет большой научный интерес в общей монголистике, так как показывает, что двоеслог ау не сразу перешел в долгий у, а прошел сначала стадию оу. И этот переход, если судить, по письменным памятникам Зая-Пандиты, завершился к середине XIV века.

Текст переводов Зая-Пандиты, а также биография Зая-Пандиты дают последовательное обозначение оу, исторически восходящего к ау ← аһу. Таковы, например, доун "песня", адоун "табун", хоучин "старый", боураху "провалиться", чилоун "камень", бароун "правый", халоун "горячий", боулһаху "свалить", мою "плохой", һалэоу "бешеный", соуху "сидеть", залоу "молодой", хоура і "сухой", доусба і "окончил" и т. д.

Переход сочетания ау в оу объясняется физиологическими причинами. При артикуляции произносительных органов, в частности, языка и губ, гласный а низкого подъема под воздействием последующего гласного у высокого подъема подвергается регрессивной губной ассимиляции, при которой путь следования нелабиализованного а в сторону у завершается не высоким, а средним подь-

емом языка при округленном состоянии губ, что дает лабиализованный о.

Последовательное обозначение оу, восходящего к ау, зарегистрировано не только в письменных памятниках Зая-Пандиты и его учеников, а также в русских источниках, в которых встречаем: Лоу-зан "имя", торгоуты, хошоуты — названия поколений ойратов и др. Интересное подтверждение этому находим в тувинском языке, который испытал большое влияние монгольского, особенно ойратского языка. В нем очень много заимствованных слов из ойратского и через ойратский язык. Эти слова, вошедшие в тувинский язык в устной форме, относятся к последнему этапу среднего периода развития монгольских языков, т.е. к тому этапу, который характерен для общеойратского языка, зафиксированного в "Тодо бичиг". В тувинско-русском словаре, изданном под редакцией Э.Р.Тенишева в 1968 году, находим слова: сөөлү "конец", сөөм "пядь", төөгү "история", хее "сажа", чөөн "восток", бүдүн "целый", буу "ружье", бүүле "десна", и др. Эти слова восходят к ойратскому, соответственно: сөүл "хвост", сөөм "пядь", төүкэ "история", "повесть", хее "сажа", зөүн "левый", "восток", бүтүн "целый", буу "ружье", бүүлэ "десна".

Слова сөөм "пядь", буу "ружье", бүүле "десна" вошли в тувинский язык безо всякого изменения, так как в данном языке в указанный период, как видно из словаря, были долгие гласные э: у: ү:.

Глухие согласные к и т ойратских слов төүкэ "история, повесть", ¹⁸ и бүтүн "целый", находящиеся в интервокальном положении освоены в тувинском языке с озвончением, т.е. заменены на звонкие г и д. Согласный з в слове зөүн заменен на ч, так как в тувинском языке нет начального з. Слово хее "сажа", видимо, заимствовано непосредственно из монгольского языка, так как в ойратском — кэ: . Сочетание өү ойратских слов сөүл, төүкэ, зөүн освоено в тувинском языке с прогрессивной ассимиляцией гласного ү по предшествующему э. Это значит, что в период заимствования данных слов в ойратском языке наличествовало сочетание өү, которое впоследствии развилось в үү. Если в период заимствования тувинцами в живом ойратском языке был бы долгий ү: , напр.: в слове сүүл, то это и подобные ему слова были бы заимствованы с этой долготой так же, как и другие слова с долготой ү: . С другой стороны, тувинцы не могли освоить указанные слова с сочетанием өү, так как это противоречило норме их живого произношения, не до-

дускавшего такое сочетание. Все это позволяет подчеркнуть, что сочетания оу и еу были живым явлением ойратского языка периода создания "Тодо бичиг".

Вместе с тем, заслуживают пристального внимания отдельные факты, когда вместо ожидаемого сочетания оу встречаем долгий уу. В "Алтан гэрэл"¹⁹ наряду с шобуун встречается шобуун "птица", в биографии Зая-Пандиты наряду с соуху имеется сууху "сидеть". Такое разночтение позволяет заключить, что уже во второй половине ХУП века начались отдельные случаи стяжения двух слогов типа оу в долгий уу, которое в дальнейшем приобрело последовательный характер.

Сочетание еу восходит к эгү. В слове, напр.: эгүдэн - эүдэн "дверь" комплекс эгү развился сначала в эу, а затем в ойратском языке в еу. Таковы: зэүч "левый", сөүл "хвост", көбөүч "сын", "мальчик", көүкэн "девочка, дочь", сөүдэр "тень", көшөүч "негибкий", "неповоротливый", өүндү "здесь", төүндү "там", өүлэч "облако" и др.

В образовании еу отмечается такой же процесс, что и при оу с той только разницей, что при оу происходит подъем задней части спинки языка к мягкому небу, а при еу - подъем передней части спинки языка к твердому небу. При этом нелабиализованный э среднего подъема под влиянием последующего у высокого подъема подвергается губной ассимиляции, оставаясь на своем среднем уровне языка.

Интересно отметить, что "Алтан гэрэл"²⁰ зафиксировал наряду с сочетанием еу еще эу, а также долгий үү, восходящий к еу, напр.: дэлгөү "сплошной" наряду с дэлгүү, кэрүүл "ссора" наряду с кэрүүл или үзэгдүүлүн "показывая" наряду с үзүүдбэi "показал", эндөүрүүлкүi "ошибиться", шүүсүн "сок". Эти примеры с предельной ясностью иллюстрируют неравномерный процесс образования долго үү, восходящего к еу ← эу ← эгү. Здесь мы наблюдаем, во-первых, основной процесс, характерный для последнего этапа среднего периода развития монгольских языков, выражающийся в образовании двух слогов в виде еу, во-вторых, остаточные явления среднего периода в виде эу, восходящего к эгү, и, в третьих, начавшийся процесс перехода двух слогов еу в долгий гласный үү.

Анонимный словарь и словарь А. Соколова во всех случаях отмечают долгий у: и ү:, восходящие соответственно к оу и еу. Слово ноур в обоих словарях дается в указанном написании, и лишь один раз в словаре А. Соколова встретился как нур. В анони-

многoм слoварe пoнятиe "включaю" дaетcя кaк oрoулжибaйнeби, a слoвo "пeнь" кaк хoжoулa. Стaлo бытЬ, oтдeльныe oстaтoчныe явлeния coчeтaний oу, иу eщe нaличeствoвaли в язькe кaлмыкoв вo втoрoй пoлoвинe XVIII вeкa.

Отнoсительнo oтмeчeнных coчeтaний oу, eу и дpyгих вoпpocoв oрфогрaфии прoф. К. Гoлстунский в свoих критичeских зaмeчaнияx нa oпублицoванный прoф. Мьлгa Сиддит-кыр в Лейпцигe в 1866 г. указывaет, чтo Г. Шмидт "... в свoих издaнияx упoтреблял тaкую oрфогрaфию слoв, кaкую oн нaхoдил в ee пeрвых прoизвeдeнияx кaлмыкoв".²¹ Дaлee oн oтмeчaeт, чтo "... в кaзaнских издaнияx явлeтcя oрфогрaфия пoзднeйших прoизвeдeний письмeннoсти и oбщeупoтребитeльнaя в частнoй пeрeпискe, бoлee cooтвeтствующaя зaкoнaм coглaсoвaния звукoв в язькe и тoчнoму примeнeнию их к выгoвoру", чтo в живoм язькe кaлмыкoв coчeтaния oу и eу выгoвaривaются кaк дoлгий у: и и:.²²

Зая-Пандитская письменность, как видно, окажет неоценимую помощь в выяснении многих явлений в развитии фонетической системы монгольских языков.

Сказанное выше иллюстрируется примерами из Алтан гэрэл.

Здесь даны слова: тэун (№ 1) ← тэун ← тэгун — основа указательного местоимения тэрэ "тот", еүни (№ 2) "этого", зоун, жэва (№ 3) где зоун "сто", жэва "10 миллионов", сүмэр оула (№ 4) сүмэр "гора", йоуни (№ 5) "чего", үзүүлүн "показав", өбөр "рог", өбөрийян "рога".

Сочетания иу и иү очень последовательно обозначаются в зая-пандитской письменности. Эти сочетания восходят к иһу и иһү, разившихся затем в иу и иү. Примеры: ариун "чистый", орчиулху "переводить", хариулху "отправить домой", бариулху "вручить", сэриун "прокладный", эргилху "вернуть, крутить" и др.

Зая-Пандитская письменность свидетельствует о том, что в период создания "Тодо бичиг" находились в живом языке ойратов указанные сочетания. Эти сочетания оказались очень устойчивыми.

Они развились соответственно в долгие у: и ү: несколько позже, чем сочетания ou и eu.

В монгольском языке сочетания iu наличествует и поныне, например: халиун "буланный", бариул "ручка", в которых нелабиализованный i в несколько редуцированном состоянии четко воспринимается слушателями. В современном калмыцком языке при произношении хал`у:н "буланный", сэру:н "прохладный" мы ощущаем наличие крайне редуцированного i после p и l перед долгими у: и ү:. Это свидетельствует о былом полнозвучии гласного i, подвергшегося затем губной ассимиляции u и ü.

Правильно отмечал Г.Д.Санжеев о том "что в некоторых или даже во многих ойратских диалектах еще в половине ХУП века полностью не был завершен процесс образования долгих гласных..."; что ойратские диалекты ХУП века переключаются, с одной стороны, со средневековой монгольской речью..., а с другой — с современным монгольским и дагурским языками".²³

Переход сочетаний ou и eu в долгие гласные у: и ү: был полностью завершен к концу ХУШ века. Об этом говорят указанные выше два калмыцких словаря и другие источники. Русские ориенталисты, занимавшиеся калмыцким языком, не отмечают в живой речи носителей языка XIX века сочетаний ou и eu, а констатируют наличие долгих у: и ү:. В русско-калмыцких словарях П.Смирнова (1857), Н.Бадмаева (1899 г.), А.Позднеева (1911 г.) уже не отмечается бытовавшее в письменности Зая-Пандиты сочетание ou, а сочетания eu и iu даются последовательно, хотя последние к указанному в словарях времени тоже развились в соответствующие долгие гласные. А.Бобровников писал "...и так как нет никакой нужды для изображения звуков у: и ү: употреблять двойные знаки, то мы считаем начертания ou и eu незаконными, и, если можно их допустить, то только в письме, — для целей каллиграфических".²⁴

Таким образом, сочетания ou, eu, iu, iü, восходящие к соответствующим долготным комплексам СПМЯ, в период создания "Тодо бичиг" выражали живое произношение. Эти сочетания стянулись в долгий у: или ү: постепенно и неодновременно. Что касается удвоенного обозначения uu и yy в "Тодо бичиг", то оно представляет орфографический способ передачи долгих у: и ү:. Такой способ обозначения долготы указанных гласных, на наш взгляд, объясняется рядом причин: I) стяжение рядом стоящих двух u или ü в период создания "Тодо бичиг" в соответствующий долгий гласный только

началось и не было одновременным процессом. Наряду с отдельными случаями стяжения двух у или ү в один долгий, видимо, еще продолжало существовать сочетание этих гласных, 2) наличие сочетания оу, өү, иу, иү оказывало свое влияние на сохранении удвоенного обозначения на письме как особого способа обозначения долготы, 3) графическая целесообразность — удобство удвоенного обозначения одним и тем же знаком этих гласных. При этом нельзя не учитывать сложившуюся традицию, переходящую из поколения в поколение, в отношении способа обозначения долгих у: и ү: удвоенным обозначением одной и той же буквой. В словаре А. Позднеева приводится такой пример: хуруубчи:н гэ:жи "потеряв свой наперсток". Здесь долгий у: образован в результате выпадения интервокального h и долгий ү: по традиции передан удвоенным обозначением у, возвратная частица -ан дана по традиции как и:н. В настоящее время произносится хуру:чан(у дербетов — хору:чан). Корень этого слова у торгутов и дербетов одинаков хурһън "палец". В халха-монгольском языке хуруу "палец", нуруу "спина". Как видно из этих примеров, интервокальный h в монгольском языке выпал до редукции кратких гласных у непервых слогов. Поэтому образовался долгий гласный ү:. В калмыцком языке вследствие редукции кратких гласных у непервых слогов интервокальный h сохранился и не образовался долгий ү: хурһън ← хуруһун "палец", нурһън ← нуруһун ← нуруһун "спина".

А с с и м и л я ц и я г л а с н о г о з п е р в о г о
с л о г а с л о в а в е и ү.

В текстах Зая-Пандиты, в частности в "Алтан гэрэл",²⁵ зарегистрировано үбүл "зима", өдүр "день", өбүсүн "сено", өбөдүг "колени", төмөр "железо", эберен "сам", эбэдчин "болезнь", өмүнэ "впереди".

Эти написания в старописьменном монгольском языке восходят соответственно к эбүл "зима", эдүр "день", эбэсүн "сено", эбүдүг "колени", тэмүр "железо", эбэрүн "сам", эбэдчин "болезнь", эмүнэ "впереди" и др.

Из этого сравнения видно, что в период создания "Тодо би-чиг" в калмыцком языке произошла регрессивная губная ассимиляция нелабиализованного э первого слога в лабиализованный ү и е. Характерно здесь то, что в период создания "Тодо бичиг" произошла в основном ассимиляция нелабиализованного гласного э первого

слога лабиализованному е, занимающему по своему уровню тоже средний подъем языка.

Ассимиляция гласного э в е полностью переключается с таким же явлением в монгольском языке.

Приведенные примеры дают основание заключить, что регрессивная губная ассимиляция э в е произошла при наличии в последующем слоге губно-губного б и гласного у высокого подъема.

Гласный е первого слога этих и подобных им слов не подвергся дальнейшей регрессивной ассимиляции до уровня у высокого подъема, так как в период создания "Тодо бичиг" уже началось ослабление, вернее, редукция кратких гласных непервых слогов слова, в том числе и гласного у, который уже не мог оказывать в дальнейшем ассимилирующего влияния на предшествующие э и е. Об этом говорит эволюция слова эбул "зима" → ебул → убул → уьъл. В этом слове полная регрессивная губная ассимиляция э в е, а затем в у произошла, видимо, под влиянием устойчивого у следующего слога значительно раньше создания "Тодо бичиг", так как в последнем последовательно фиксируется убул. Это позволяет заключить, что в жонгутском и торгутском говорах ассимиляция указанного типа произошла значительно раньше, чем в дербетском.

В монгольском языке, как в дербетском говоре, слово эбул "зима" подверглось губной ассимиляции значительно позже, это видно из евел в монгольском и еьъл — дербетском.

Затем в словах, в которых сначала произошла регрессивная губная ассимиляция гласного э первого слога в е, под влиянием этого ударного е первого слога происходит уже обратная прогрессивная ассимиляция гласного у непервых слогов слова в е, напр.: тамур → төмур → төмер "железо", эдур → едур → едер "день".

Указанным процессом, происходившим одновременно, следует объяснять кажущийся разнобой, встречающийся в письменных памятниках Зая-Пандиты в написании слов с губной ассимиляцией. Поэтому, наряду с ебусун, ебудуг, едур, кетулба, модун встречаются ебусун "сено", ебудуг "колени", едер "день", кетелба "водил", модон "дерево".

Слова типа эбэдчин "болезнь", эмүнэ "впереди", встречающиеся в рукописных текстах Зая-Пандиты, свидетельствуют о том, что гласные э этих слов подверглись губной ассимиляции значительно позже создания "Тодо бичиг". В слове эбэдчин нелабиализованный начальный э ассимилировался в е под влиянием губно-губного б

при эволюции последнего в губно- губной шелевой в при сильной редуция гласного э второго слога, который не мог уже оказывать никакого влияния на гласный э предшествующего начального слога. В слове эмунэ "впередн" начальный нелабиализованный э подвергся губной ассимиляции не только под влиянием гласного у второго слога, позиция которого еще не была полностью ослаблена, но и губного м. В современном калмыцком языке произносится евчи "болезнь", омнь "впередн". Как видно, эти слова изменились до неузнаваемости.

О переломе гласного и

Монголисты произвели обстоятельный анализ перелома гласного и в монгольских языках. В этом отношении значительный научный интерес представляют данные из текстов переводов Зая-Пандиты. Ввиду того, что данный вопрос как и развитие дифтонгов в долгие гласные в калмыцком языке представляет собой предмет специального изучения, мы здесь ограничимся примерами, которые свидетельствуют, что в период создания "Тодо бичиг" не произошло еще перелома и в калмыцком языке. Таковы например: чино "волк", чимаду "тебе", чихаду "мочь", чилоун "камень", чихула "важный", видун "глаза", шилтан "причина", нилбусун "слеза" и др. В "Алтан гэрэл" неоднократно встречались написания ниһууца "сокровенный", ниһуур "лицо".

Это означает, что во всех указанных и подобных им словах калмыцкого языка перелом гласного и произошел значительно позже. В современном калмыцком языке эти слова произносятся: чонь "волк", чамдъ "тебе", чадхъ "мочь", чолун "камень", чухъл "вожатый", нудн "глаза", шалтъг "причина", нуд мьсья "слеза", нууць "сокровенный", нур "лицо".

Гласный и без перелома также сохранился и в других словах, напр.: чинър "качество, значение", жид "штык, пика", жирьн "шестьдесят", жиргъл "жизнь, блаженство" и др., восходящие соответственно к чинар, жида, жирэн, жирнал. В монгольском языке в этих словах произошел перелом гласного и: чанар "качество", жад "штык, пика", жаран "шестьдесят", жаргал "блаженство" и др.

Автор этих строк имел возможность говорить со студентами-калмыками из Киргизии, представителями так называемых каракольских калмыков летом 1965, 1966 годов, а летом 1983 года побывал у каракольских калмыков. Из речи этих калмыков сравнительно легко воспринимается характер кратких гласных первых слогов, хотя

эти гласные подверглись редукции, но не в такой степени, как в калмыцком. В их языке не произошло перелома и в некоторых словах типа шидун "зубы". В этих и подобных им словах четко произносится гласный и, краткий гласный у непервых слогов также не утерял своих характерных признаков, хотя подвергся значительной редукции.

Интересное развитие имели слова будун "толстый", киру "иной" восходящие соответственно к бедеун, кируу ← кираһу. В торгутском говоре бедүүн, дербетском – будүүн, так же как в монгольском и бурятском языках. Слово кираһу изменилось по-разному: в дербетском – кирүү, торгутском – коруу, в икидербетовском – кируу, бурятском языке – х`уруу (хруу), монгольском – х`аруу (хяруу). Это слово прошло следующий путь развития: в дербетском – кираһу → кирау → кироу → кируу → кирүү, т.е. под влиянием переднерядного мягкого и долгий гласный уу второго слога подвергся ассимиляции только по мягкости: перелома и не произошло. В икидербетском подговоре это слово сохранилось на уровне кируу: долгий гласный уу еще не успел подвергнуться ассимиляции по мягкости. В торгутском говоре – кираһу → кирау → кироу → кируу → коруу (возможно кироу ← короу → коруу). Здесь гласный и первого слога подвергся перелому под влиянием лабиализованного долгого уу следующего слога. При этом гласный и подвергся по отношению к у высокого подъема неполной ассимиляции, т.е. на пути своего развития дошел до уровня о среднего подъема. В бурятском языке гласный и, подвергаясь перелому, одновременно смягчил стоящий впереди согласный х. В монгольском языке гласный и ассимилировался в а под влиянием увулярного х, одновременно палатализовав его.

Изложенное выше свидетельствует о неравномерном развитии процесса перелома гласного и, что этот перелом и в калмыцком языке произошел позже, чем в монгольском языке.

1. Павлов Д.А. К вопросу о создании "Тодо бичиг"/Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1963. С. 114.
2. Калмыцкий словарь, составленный Андрианом Соколовым в 1769–1771 годах, на 75 листах. В этом словаре сначала даются латинские слова, затем русские, а потом калмыцкие. Калмыцкие слова даны в транскрипции русскими буквами с применением некоторых дополнительных знаков. Кроме того, эти слова даются в транскрипции латинскими буквами с I по I5 лист включительно.

Второй словарь анонимный. Он называется: "Словарь языка калмыцкого. Русско-калмыцкий словарь". Его составление относится к концу ХУШ в. Русский текст приводится полууставом; тексты расположены тремя столбцами - русские слова, калмыцкие переводы русскими буквами и в транскрипции калмыцкими буквами. Переплет картонный, в красной коже, с золотыми тиснениями на корешке, листы с золотым обрезом. Всего 103 л.

Данные рукописные словари попали в Государственную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина из Эрмитажа.

3. Кичиков А. Ш. Об оренбургском говоре калмыцкого языка // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, 1962. Вып. 2. С. 208-210.

4. Павлов Д. А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, 1964. Вып. 3. С. 49-69.

5. Калмыцкая степь Астраханской губернии. Кумо-Манычская экспедиция 1860 - 1861 гг. СПб.: М-во гос. имущества, 1868.

6. Э. Вандуй. Дербен аман аялгуу. / лаанбаатор, 1965. С. 57, 66, 69.

7. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960. С. 23-53.

8. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 315.

9. Алтай гэрэл, лист 53б.

10. Там же, лист 62б.

11. Доржи жодба, лист 12б.

12. Там же, лист 8б.

13. Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 22.

14. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. С. 6.

15. Павлов Д. А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо бичиг" // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 7. Элиста, 1969. С. 239-259.

16. Павлов Д. А. Развитие дифтонгов в монофтонги. Исследования по восточной филологии. М., 1974. С. 218-225.

17. Двумя (:) точками обозначается долгота гласных, одной (.) точкой между гласными - выпавший интервокальный согласный.

18. Нам кажется, что А. Позднеев неправильно дал в своем калмыcko-русском словаре общемонгольское слово тэүкэ "история", "повесть" как түйикэ. С точки зрения исторического развития в зая-пандитской письменности могло быть тэүкэ ← тэүкэ.

19. Доцент Калмыцкого университета А.В.Бадмаев любезно предоставил мне возможность познакомиться с колофоном экземпляра "Алтан гэрэл", сфотографированного им в Улан-Баторе в начале 1969г. Из колофона видно, что в 1741 г. по просьбе Дондук-Даши и других калмыцких тайджи и ноёнов "Алтан гэрэл" был издан ксилографическим способом. В тексте колофона сказано, что его перевел Зая-Пандита. Здесь встречаются слова: доусбаг "окончил", дөрбөн "четыре", өүни "его". Эти слова своей графикой и орфографией одинаковы с такими же словами рукописного текста "Алтан гэрэл".

Это дает основание отметить, при переиздании "Алтан гэрэл" в Поволжье придерживались орфографии Зая-Пандиты. В колофоне этого ксилографа сказано: энэдкэгийн кэлэ:р, төбөдийин кэлэ:р, моңголийн кэлэ:р "по-санскритски", "по-тибетски", "по-монгольски". Слово *кэлэ:р* стоит в орудном падеже, форма эта ближе живому калмыцкому языку, а обычно передавалось кэлэн дү, т.е. дательным падежом.

20. Алтан гэрэл, а) лист 50, б) лист 53, в) лист 41, лист 40, д) лист 37, е) лист 43, ж) лист 7, з) лист 41.

21. Голстунский К. Критические замечания на издание проф. Юльга "Сиддит кур". Приложение к XI тому Записок имп. Академии наук, 1867, № 4. С. 6.

22. Там же. С. 46.

23. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953. С. 33.

24. Бобровников А. Там же. С. 19.

25. Алтан гэрэл: а) лист 51, б) лист 61, в) лист 46, г) лист 67, д) лист 61, е) лист 51, ж) лист 51, з) лист 58.

РАЗВИТИЕ ДИФТОНГОВ В МОНОСЛОГНОЙ
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

(Исследования по восточной филологии, М., 1974).

Старокалмыцкая или зая-паидитская письменность "Тодо би - чиг" зарегистрировала в калмыцком языке в середине ХУП в. следующие семь дифтонгов: a_i , $э_i$, o_i , $е_i$, y_i , $ү_i$, $и_i$. Эти дифтонги встречаются в конечной позиции слов, в том числе - в односложных открытых слогах. В неконечных слогах слова наличествовали семь комплексов: айи, эйи, ойи, ейи, уйи, үйи, ийи.

Многочисленные переводы Зая-Паидиты, в частности, "Алтан гэрэл" (Золотой блеск), "Доржи жодба" (Жезл пресечения), Биография Зая-Паидиты "Сарин гэрэл" (Луч луны), относящиеся в основном ко второй половине ХУП в., последовательно обозначает указанные выше комплексы и дифтонги в ойратском (калмыцком) языке.

Дифтонги калмыцкого языка имеют общие истоки с монгольским так как они представляют собой общемонгольское явление.

Как известно, исторически дифтонги в монгольских языках образовались из комплексов: 1) (г + й + и) в начале и середине слова 2) г + и в конце слова). Последние, оказавшись в ходе словообразования и словоизменения в середине слова, принимали вид первого комплекса. Постепенно эти комплексы развились в дифтонги. Дифтонги являются сложными сочетаниями гласных, постепенно переходящими друг в друга, которые как бы образуют по существу один долгий гласный, качественно неоднобразный, меняющийся в течение всего периода артикуляции...¹

Б.Н. Владимирцов, касаясь вопроса развития дифтонгов в долгие гласные, отмечал: "Фонема, заключающая последние комплексы, была фонемой слабой, легко доступной всяким воздействиям, а ударение, главное или второстепенное, не падало на него, и в результате из комплекса $г + й + и$ дифтонги в халхаском и в других монгольских новых диалектах, подверглись дальнейшему развитию. Интервокальное $й$ при этом процессе легко ассимилировалось, теряя свой шумный элемент: $г + й + и \rightarrow г + i + i$. Нам представляется, что из комплекса $г + й + и$ образовались дифтонги не в результате ассимиляции $й$ в i , а вследствие выпадения интервокального $й$, стяжения затем двух рядом стоящих гласных ($г + й + и \rightarrow г + i$) в один. Об этом свидетельствуют следующие

¹ Конечный и комплексов транслитерируется также через i .

факты живого языка калмыков:

1. Образование аффикса родительного падежа с долгим и:(-и:н) в результате выпадения интервокального согласного й, напр.: буйийн → буи:н "семья", ханийн → хани:н "спутника", "коллеги", нарийн → нари:н "руки". Здесь на стыке морфем образовался долгий и:.

2. Выпадение интервокального й в местоимении бийi ← бийэ ← бэйэ "личность, особа, сам". От основы на бийi на стыке морфем образовался долгий и:. Это схематически можно представить так: бийi + ду + ни → би:днь "ему самому". Отсюда би:дэн "себе", би:снь "сами". Но наряду с этим допускаются бийднь "ему самому", бийдэн "себе", бийинь "самого", бийснь "сами". В подговоре бузава произошла замена сонанта й на увулярный шелевой h, который сохраняется при любой модификации: биһнь "сам", биһинь "самого", биһднь "самому". Указанные примеры свидетельствуют живой пример образования долгого и: в результате выпадения интервокального согласного й.

3. В словаре А. Позднеева слова "бросать" и "искать" обозначены одинаково: хайиху ← хайижэ оркиху "выбросить", хайижэ иракү "смыкать". Нельзя предположить, что А. Позднеев не знал, что слово "бросать" исторически передавалось как хайаху. Видимо, в тот период, когда это слово было зафиксировано А. Позднеевым, гласный а первого слога слова хайаху был настолько редуцирован, что имел и-образное измененное произношение, и это привело к одинаковому написанию данного слова со словом "искать". В живой речи хайиху дало хэ:хь, так как комплекс айи перешел в долгий э:, в других же комплексах, в которых второй гласный не i, подобное развитие не имеет места: обычно этот гласный редуцируется, а согласный й сохраняется. Например: хайхь ← хаййху ← хайаху "бросать", баййн ← байан "богатый", ноийн ← ноийан "князь".

А. Бобровников, обозначавший комплекс г + й + и, а также г в виде сочетаний г + й, отмечал, что "звук й в произношении никогда не отделяется ясно от предшествующей ему гласной подобно русскому й в слове, напр.: добрый. Особенно в конце слов в выговоре калмыков он вовсе не слышен."⁴

Это значит, что гласный элемент i дифтонга, напр.: а i, что обозначен А. Бобровниковым через й, а также в других комплексах, восходящих к г + й + и, к указанному периоду подвергся сильной редукции, оказав соответствующее влияние на свой предшествующий

щий гласный.

Вопрос о развитии дифтонгов калмыцкого языка в долгие гласные в общих чертах рассматривался в работах В.Л.Котвича и Г.Д. Санжаева. В.Л.Котвич в 1915 г. писал: "В старинных книгах имелись двугласные ай, ой, уй, эй, ий, ей, үй (точнее будет передать так: айи, ойи, уйи, эйи, ейи, үйи - Д.П.). В настоящее время в живом языке вместо них стоят одиночные гласные".⁵

В калмыцком языке интервокальный согласный й в комплексе г + й + и начал выпадать, видимо, в конце ХХI века. В результате этого образовались дифтонги типа г - в начале и середине слов. Об этом свидетельствуют слова с указанными дифтонгами в рукописных словарях А.Соколова и в анонимном, относящихся ко второй половине ХУШ века. Эти словари, как было сказано, хранятся в рукописном отделе Государственной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В словаре А.Соколова читаем: кийтун "холодный" ← кэйитэн, аймшиктэ ~ аймшикта "опасный" ← аймшик + та, сайн "хороший" ← сайин. В анонимном словаре указанные выше слова отмечены также. Из последнего приведем примеры: найман "восемь" ← найман, айне́ би "боюсь" ← айина́ би, хайху "искать" ← хайху, хайсан "котел" ← хайсан, уйтхан "тесный", узкий" ← уйтхан, хайчи "ножницы" ← хайчи и др.

Из этих примеров видно, что в результате выпадения интервокального й из комплекса г + й + и образовались двоеслоги: гласный плюс гласный, но стяжения их в один долгий гласный в тот период еще не произошло. Вместе с тем указанные словари свидетельствуют и о начавшемся стяжении конечных дифтонгов в долгие гласные. Это видно из написаний типа: шаазга "сорок" ← ша:заһа́, зуруха "астрология" ← зуруха́, халтага "плоский" ← хабтаһа́, һулдирха "скользкий" ← һулдариха́, гэмтэ "больной" ← гэмтэ́, кээзэ "давно" ← кэээ:нэ́.

Дифтонги в аффиксах: -һа́, -ха́, -һа́, -һа́, -та́, -тэ́, развились также в долгие гласные. И эти аффиксы стали передаваться так: -һа:, -ха:, -һа:, -та:, -тэ:.

Наряду с отмеченными написаниями, в которых отражено стяжение конечного дифтонга г + и в соответствующий долгий гласный, имеется немало слов, в которых конечный дифтонг типа г + и еще сохраняется. Таковы, напр.: арба́ "овес", туула́ "заяц", нохо́ "собака", харанһу́ "тьма", хала́ "жесть".

На двойное произношение слов, в которых были дифтонги, указывает А. Бобровников спустя почти сто лет после калмыцкого словаря А. Соколова и анонимного русско-калмыцкого словаря. Он пишет, что "калмыки, изображая слова по произношению, часто смешивают долгие гласные мягкие с долгими гласными твердыми. Пишут, например, часто вместо нуйиху "просить" . ну:ху, вместо ирэнэй "приходить" ирэнэ:, "...однако в некоторых случаях нельзя не допустить справедливости двойного правописания так как существует двойное произношение. Говорят, напр.: шорой и шоро: "земля".

В материалах Кумо-Манычской экспедиции 1861-62 гг. зафиксированы названия: Купцын толга, Шара толгата, Эмнэ тоста, Ялмата, Амта Бургуста, Овата без каких-либо дифтонгов, тогда как конечные гласные в указанных названиях исторически восходили к дифтонгам ai, ei.

Павел Нибольсин в своей книге "Очерки быта калмыков", изданной в 1852 г., зарегистрировал названия населенных пунктов: Шавурта, Бурата, Ялмата, Сухата, Кардууин Сала и др. В этих названиях последний гласный a восходит к дифтонгу ai.

Эти и ряд других аналогичных материалов являются свидетельством развития дифтонгов калмыцкого языка в долгие гласные.

Приведенные материалы позволяют заключить, что к середине XIX века было уже в основном завершено развитие дифтонгов в долгие гласные. Это явствует также из утверждения А. Бобровникова, который писал: "...в произношении не всегда можно легко различить долгую гласную с мягким предыханием от долгой гласной с твердым предыханием". Под долгим гласным с мягким предыханием он понимал долгие гласные, восходящие к дифтонгам. Стало быть, долгие гласные, восходящие к дифтонгам, уже не отличались по своему произношению от соответствующих долгих гласных, образованных в результате выпадения интервокальных согласных и стяжения рядом стоящих двух гласных в один долгий.

Таким образом, изложенные данные показывают, во-первых, что образование долгих гласных из дифтонгов было неравномерным процессом, во-вторых, долгие гласные раньше всего начали развиваться из дифтонгов, занимавших конечную позицию в слове.

Вывод о том, что долгие гласные раньше всего начали развиваться из дифтонгов, занимавших конечную позицию в слове, подтверждается еще подобными примерами из бурятского, монгольского языков. Так, в монгольском и бурятском языках ai конечного отк-

рытого слога начал развиваться в э: (9).

Г.Д.Санжеев указывает, что "в...калмыцком языке исчезли дифтонги, которые превратились в соответствующие долгие гласные, а именно: аi → э: (в первом слоге), а: (в непарвом слоге), эi → э: (в непарвом слоге), и: (в первом слоге), оi → э:, уi → у:, үi → ү: (иногда и:, напр.: ки:тн "холод").¹⁰

Необходимо отметить, что дифтонги калмыцкого языка имели различное развитие по слогам: в первых, непарвых и конечных. Обнаруживается различное развитие дифтонгов также по говорам и подговорам калмыцкого языка. Это обуславливалось не только тем, в каком окружении находится данный дифтонг с точки зрения закона сингармонизма гласных, но и влиянием гласного элемента i дифтонга г + i на свое непосредственное окружение. В одних случаях дифтонг г + i развился в мягкие долгие гласные, в других - в твердые долгие гласные. Под палатализирующим влиянием гласного элемента i в дифтонгах г + i многие слова из твердоядных перешли в мягкоядные.

В дербетском и торгутском говорах, являющихся основными говорами калмыцкого языка, сначала развился дифтонг аi, а затем комплекс а + i → и перешел в долгий гласный э: переднего ряда, напр.: хэ:сн "котел" ← хаисун ← хайисун, хэ:чъ "ножницы" ← хайчи ← хайичи, нэ:мън. "восемь" ← найман ← найман.

Интересное развитие дает дифтонг аi, восходящий к комплексу айи, в подговоре донских калмыков (бузава). Дербетские и торгутские тэ:лхъ "развязывать", хэ:лхъ "таять", мэ:лхъ "блеять, мяукать", зэ:лхъ "споласкивать", восходящие соответственно к тайлаху, хайилаху, майилаху, зайилаху, дали в подговоре бузава та:льхъ "развязывать", ха:льхъ "таять", ма:льхъ "блеять", за:льхъ "споласкивать".

Как видно из этих примеров, гласный элемент i дифтонга аi ← айи в первом слоге дербетского и торгутского говоров смягчающе повлиял на предшествующий элемент а, тогда как в подговоре бузава - подверг палатализации последующий согласный л в л', одновременно развив свой предшествующий компонент а в долгий гласный а:.

Дифтонг аi и комплекс айи (-яи) развились в дербетовском говоре в долгий э: (в любой позиции в слове), в торгутском - в долгий а: (в двух и более сложных словах). Приведенная ниже таблица № I иллюстрирует это положение.

Старописьменный калмыцкий язык	: Г О В О Р Н	: Значения
	: дербетский	: торгутский
далаі	: далэ:	: дала:
манаі	: манэ:	: мана:
махалаі	: махлэ:	: махла:
харһаі	: харһэ:	: харһа:
арзайиху	: арзэ:хь	: арза:хь
сарбайиху	: сарвэ:хь	: сарва:хь
хулахайилаху	: хулхэ:лхь	: хулха:лхь
һахайтаі	: һахэ:тэ	: һаха:та
		: много
		: наш
		: шапка
		: доска
		: оскаливаться
		: растопыривать
		: воровать
		: имеющий свинью

В дербетском говоре встречаются, однако, отдельные слова, где в непервых слогах слова после согласных х и һ или в их окружении наличествует а: вместо э:, напр.: орха:хь "громоздиться", амһа:лхь "разнуздывать". Комплекс эйи первых слогов развился в долгий и:, а конечных — в э:, дифтонг эі конечных слогов развился в э:, а в односложных словах — в и:. Комплекс ойи первых слогов развился в долгий е:, а непервых в — э:, и:. Дифтонги оі и еі конечных слогов развились в э: или а:, а в односложных словах — в е:. Комплекс уйи и дифтонг уі развились в любой позиции слова в долгий у:. Комплекс үйи, дифтонг үі развились в ү:, комплекс ийи, дифтонг иі развились в и:.

В икидербетском подговоре под влиянием ударного гласного э: следующего слога, восходящего к дифтонгу аі, происходит дальнейший процесс ассимиляции заднерядного гласного а первого слога в э, напр.: манэ "наш" ← манэ: ← манаі, тэне "ваш" ← танэ: ← таһаі, дәлә "много" ← далаҕ ← далаі.

В торгутском говоре в отличие от дербетского комплекс айи и дифтонг аі непервых и конечных слогов развились в долгий а:, а в односложных словах дифтонг аі перешел в э:. Комплекс эйи, дифтонг эі имеют одинаковое развитие в дербетском и торгутском говорах, но в местоимениях в торгутском говоре — им, — тим, восходящих соответственно к эйими "этакий", тэйими "такой", наличествует теперь краткий и. Комплексы ой, ей первых слогов, ейи непервых слогов имеют одинаковое развитие с дербетским, а комплекс ой непервых слогов развился в долгий а:. Дифтонг оі конечных слогов развился в а:, дифтонг еі, как и в дербетском говоре, в э:.

в односложных словах — в э:. Комплексы уйи, үйи, йи, дифтонги уэ, үэ, иэ имеют одинаковое развитие с дербетским. В торгутском говоре встречаются слова, в первом слоге которых наличествует не у:, а ү:, напр.: ү:тхън "тесный".

В подговоре донских и оренбургских калмыков комплекс айи непервых и дифтонг аі конечных слогов развились в долгий а:, как в торгутском говоре: алца:хъ "растопырить ноги", шаһа:хъ "подсматривать", шаһа "альчик" и др. Комплексы эйи, уйи, үйи, ейи, йи, дифтонги эі, еі, үі, үі, иі имеют соответственно одинаковое развитие с дербетским. Комплекс ойи, дифтонг оі в этих подговорах имеют одинаковое развитие с торгутским.

В уральском подговоре комплекс айи первых слогов развился в краткий э, а непервых — в а. Дифтонг аі конечных слогов и в односложных словах перешел в а. Комплексы эйи, эйи непервых слогов трансформировались в э, комплекс эйи первых слогов развился в и, а ойі и ейі — в е. Комплекс ойи непервых слогов, дифтонг оі конечных слогов перешли в а. Все остальные комплексы и дифтонги развились в соответствующие монофтонги как в дербетском говоре и имеют нормальную длительность.¹⁰

Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции, проведенной в июне 1970 г. среди хошутов, показывают, что хошуты в языковом отношении мало отличаются от торгутов, и развитие дифтонгов в их подговоре имеет много общего с торгутским.

Отмеченные различия в образовании дифтонгов в долгие монофтонги связаны с развитием территориальных говоров и подговоров калмыцкого языка уже в Поволжье. Калмыки входили в различные административно-территориальные единицы России. Это в определенной мере и обусловило образование подговоров и усиление имевшихся незначительных диалектных различий в калмыцком языке. Вместе с тем развитие дифтонгов по говорам и подговорам наилучшим образом свидетельствует об относительном единстве ойратского языка в историческом прошлом.

Развитие дифтонгов в долгие монофтонги можно представить таблицей № 2, в которой ярко иллюстрируются различия в их развитии. Дифтонги г + і обычно занимали конечную позицию слова и передавались двумя буквенными знаками.

Таблица 2 (См. на обор.)

Дифтонги : односложные слова : многосложные слова : литературный яз.
 : торгут : дербет : торгут : дербет : односл. : многосл.
 : : : : : слова : слова

ai	:	э:	:	э:	:	а:	:	э:	:	э:	:	а:
эi	:	и:	:	и:	:	э:	:	э:	:	и:	:	э:
oi	:	е:	:	е:	:	а:	:	э:	:	е:	:	а:
ei	:	в:	:	э:								
yi	:	у:										
yi	:	ү:										
иl	:	и:										

Примеры: ha: → hэ: "плохой", mana: → мана: ~ манэ: "наш", kэi → ки: "воздух", кэлэкэi → кэлкэ: "заяк", oi → ө "лес", нохоi → ноха ~ нохэ; "собака", цei → цэ: "чугун", кэрэi → кэрэ: "ворона", hu: → hu: "выпрашивать", шууi → шуу: "угол", гүi → гү: "бежать", кэдүi → кедү "сколько", биi → би: "танец".

Слов с дифтонгом иi – считанное количество. Этот дифтонг больше всего встречается в повелительной форме глагола: жили "убегай", "вон", хобчи "согнись", тини "выпрямись". Отсюда жилий-ику "убегать", хобийику "согнуться", тинийику "выпрямиться".

Можно предположить, что в калмыцком языке переход дифтонгов в долгие монофтонги был завершён к концу XIX в. В настоящее время в отличие от монгольского и бурятского языков дифтонги не сохранились ни в одном из говоров и подговоров калмыцкого языка.

В связи с развитием дифтонгов в долгие гласные заслуживает большого внимания образование в калмыцком языке особых фонем а и э:

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, в историческом прошлом не было указанных фонем. Фонема э, как известно, первоначально развилась из гласного а под влиянием гласного и соседнего слога, напр.: тэвн "пятьдесят" ← табин, энгь ← аңги "часть", тогда как фонема э: развилась из дифтонга ai и некоторых комплексов г + и - l.

Палатализация е и э гласного и на соседние гласные и и некоторые согласные, видимо, началось уже в XIII в., к периоду создания "Тодо бичиг". Об этом говорит способ орфографирования слов типа: хари:д "возвращаясь", нари:р "тоньше", хани:дун "ка -

шель", которые в живой речи произносились скорее как хариад, на-риар, ханиадун. При этом в сочетании на компонент а произносился, видимо, с некоторым смягчением, приблизительно как э.

Что касается двослогов, то они всегда занимают неконечную позицию, т.е. позицию в начале и середине слова. Двослоги передаются тремя буквенными знаками (г + й + i). Любой двослог развивается в долгий монофтонг путем стяжения рядом стоящих гласных (г + и) после выпадения интервокального й, иными словами, двослог развивается сначала в дифтонг, а затем - в монофтонг. Это показано в таблице № 3.

Таблица 3

	: В какие долгие гласные развились:		
	: по говорам		
	: С Л О Г И		
Двослоги	: первый	: неконечный	: Литературный язык
	: Г О В О Р Ы		
	: торгут. : дербвтс. : торгутс. : дербет. : первый : неконеч.		

айи → ай	: э:	: э:	: а:	: э:	: э:	: а:
эйи → эй	: и:	: и:	: э:	: э:	: и:	: э:
ойи → ой	: е:	: е:	: а:	: э:	: е:	: а:
ейи → ей	: е:	: е:	: э:	: э:	: е:	: э:
уйи → уй	: у:~у:	: у:				
үйи → үй	: ү:	: ү:	: ү:	: ү:	: ү:	: ү:
ийи → ий	: и:	: и:	: и:	: и:	: и:	: и:

Примеры: майилаху → мэ:лхъ "блеять", мяукать", арзайиху → арза:хъ "оскалиться", кэйтэн → ки:тн "холодный", дүлэйирэку → дүлэ:рхъ "оглохнуть", оймосун → е:мсън "чулки", оройитаху → ора:тхъ "опоздать", у:т`хън~у:тхън "тесный", шуһуйин → шуһу:н "угла" (р.п.), күйилэку → кү:лхъ "громить", кэдуйиду → кэду:дъ "сколько", шийидэм → ши:дъм "жидкий", нобчийиху → нубчи:хъ "согнуться".

Уже во второй половине XIII века А.Соколов в своем словаре и автор анонимного словаря посредством знаков я, еа отмечали начало появления долгого гласного э:, восходящего к дифтонгам: аря "едва", мя "на", мекля "лягушка", халистя "с кожурой", тийгян "туда", шүтян "образ", укрия "коровье", бичеачи "писарь", халяца "взгляд", хурнеасун "морщинка", инеадун "смех", наряр "товье".

Пример наряр(нарэ:р), что восходит к зая-пандитскому нари:р (нариар) показывает, что гласный э: сначала развился из сочета-

ния иа, в которых мягкорядный и высокого подъема, оказав смягчающее влияние на соседний а, сам подвергся редукции.

В указанных рукописных словарях встречаются написания типа хаэрцак "ящик", вемшик "опасность", хаэби "весла", саехан "хоро - шенький", даэчи "воин", в которых сочетанием аэ передается начавшийся переход дифтонга аі, развившегося из айи в долгий э:

Таким образом, долгий гласный э: образовался в результате: 1. Развития дифтонгов аі, эі, двослогов айи (→ ай) в э: напр.: сэн "хороший" ← сэ:н ← сайн ← сайн, кэлна; "говорит" ← кэлэнэі, мэ:- нг "косоплпый" ← мейнаг ← майнаг.

2. Регрессивной ассимиляции гласных а и э первого слога под влиянием ударного э непервого слога: танаэ → тэнэ: "ваш", тэмен ← тэмэ:н "верблюд", а у некоторой части торгутов - тэмэ:н.

3. Ассимиляции гласных э: и е: непервых слогов слова по закону раскрытия и по аналогии в широкий э:, напр.: эмэ:л ← эмэ:л "седло", кэээ ← кэээ: "когда", кедэ: ← кедэ: "пустыня", дэре: ← дэре: "стрема".

Гласный и оказал ассимилирующее влияние не только на соседний гласный а, но и на другие гласные. Так, в анонимном словаре отмечается харю "ответ", что следует читать как хару: ← хариу, так как через ю в русской транскрипции передавался звук у. Затем под влиянием переднерядного ударного у второго слога гласный а первого слога развился в э: хару: ← хару:. Слова морин, хорин, хуби, хурим развились соответственно в мерьн "лошадь", херьн "двадцать", хувь "часть", хурьм "свадьба" так же под влиянием соседнего гласного и.

Изложенные данные позволяют заключить, что начало образования гласных э, э: относится к середине XIII в., и полностью этот процесс завершается к концу XIX в.

Благодаря различной эволюции гласного и, как отмечает Г.Д. Санжеев, ¹ многие слова с гласными заднего ряда перешли в переднерядные. Во всех тех случаях, когда калмыцкие гласные переднего ряда соответствуют гласным заднего ряда других монгольских языков, следует считать, что эти гласные некогда были заднерядными.

---

1. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 80.

2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 274-275.

3. Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. С.-Петербург, 1911. С. 73.
4. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 14-15.
5. Котвич В. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915. С. 13.
6. Бобровников А. Там же. С. 15.
7. Бобровников А. Там же. С. 15.
8. Санжеев Г. Д. Там же. С. 81.
9. Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940. С. 13.
10. Павлов Д. А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка // Записки ИЛИИ, вып. № 3. Элиста, 1964. С. 40-68.
11. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика... С. 75.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

(Сб. "Теоретические проблемы восточного языкознания".
Часть У., М., 1982)

В фонетической системе калмыцкого языка произошли большие изменения, приведшие к упрощению системы гласных и усложнению системы согласных. В основе этих изменений лежат крайняя степень редукции кратких гласных первых слогов слова.

Усложнение системы согласных выражается в том, что согласные в потоке речи, особенно при редукции или выпадении соседних кратких гласных подвергаются различного рода изменениям. Система согласных калмыцкого языка пополнилась такими самостоятельными фонемами, как губно-губная в (кевэ "берег"), увулярная h (уна "мой") в отличие от заднеязычного г (уга "нет"), мягкими согласными л', н', д', т'.

Развитие дифтонгов в долгие монофтонги, резкое сокращение длительности долгих гласных в первых слогах и в односложных словах, количественная и качественная редукция кратких гласных первых слогов слова явное свидетельство упрощения системы гласных. Состав гласных пополнился фонемами э, э:, н, н:.

Система гласных калмыцкого языка характеризуется наличием кратких, долгих, полудолгих и редуцированных гласных. Краткие гласные встречаются в первом слоге, долгие - в первом и предпоследнем, полудолгие - в первых слогах, восходят к долгим, ре-

дуцированные – в непервых слогах и восходят к обычным кратким гласным.

Природа редуцированных гласных такова, что их невозможно воспроизводить в изолированном произношении и трудно выделить из состава слова, что допустимо в отношении фонем полного образования. Характерная особенность редуцированных гласных заключается в том, что они утратили присущие им отличительные артикуляционные и акустические признаки. Их можно произнести как неопределенные звуки только в непосредственном сочетании с предшествующими согласными слога. Эти согласные произносятся с большим напряжением и отличаются по своей длительности от соответствующих согласных, стоящих перед краткими или долгими гласными.

Редуцированные гласные конечных позиций слова длиннее любых других кратких гласных первого слога, а самую незначительную длительность имеют редуцированные гласные в окружении смыхных, особенно сонорных согласных. Редуцированные гласные конечной позиции слова сравнительно легко воспринимаются на слух как какой-то неопределенный, неясный гласный звук, тогда как в неконечных позициях слова эти гласные почти не воспринимаются на слух. В этой неконечной позиции смысл слова не изменится от того, будут или не будут обозначены редуцированные гласные. Трудность фиксации редуцированных гласных заключается в том, что они имеют скользкий (беглый) характер и во многих случаях выпадают вовсе.

Под влиянием редукции кратких гласных непервых слогов произошли следующие процессы:

I. Сокращение количества слогов в слове вследствие выпадения кратких гласных в средних открытых слогах или в результате их скользкого характера: зур – кын ← зүрукэн "сердце", ар-хсын – арһасун "кизяк", мөртэ ← морито? "с конем", һун-тхь ← һундуху "грустить".

Встречаются немало слов, в которых выпадают краткие гласные не только в средних открытых слогах, но и в конечных: ку-отм ← күсүмэ "позумент", ку-дър ← күдэри "твердый", сэ-вӱг ← сэбэгэ "веснушка", ги-дӱг ← гәдигә "затылок", бэ-кър ← бәкәрэ "осетр", кө-рӱң ← көрөңгә "запас", көнжъл ← көнжил "одеяло".

Много двусложных слов перешло в односложные вследствие выпадения конечных редуцированных гласных: дал ← далу "лопатка", дәр ← дари "порох", сар ← сара "луна", тус ← туса "польза", шим ← шимэ "сок", там ← таму "ад", бул ← буду "пух", дәр ← дәрэ "подуш-

ка", гур ← гурэ "моль", тер ← терэ "вопрос". Это происходит обычно в тех случаях, когда конечному редуцированному гласному предшествуют согласные л, р, с, г, м, т.е. такие согласные, которые бывают в конечной позиции слов. Происходит это и вследствие уподобления словам с отмеченными выше конечными согласными, напр.: мал "скот", гер "дом", тег "стебель", сам "гребешок", тус "напротив" и др. Этим, видимо, объясняется выпадение дифтонга эі в слове зег ← зегэі "пчела".

В тех случаях, когда в конечной позиции слова оказывается согласный, не встречающийся в конце слов, он заменяется соответствующим согласным, который встречается и в конечной позиции слова: кемсэг ← кемеске "брови".

2. Приобретение слогаобразующей функции сонорными, отчасти фрикативными согласными: мо-дн ← модон "дерево", хо-тн ← хотон "поселок", Муу-тл ← Муутал "имя", мэ-дл ← мэдэл "ведомство", ба:-тр ← ба:тар "богатырь", сал-дс ← "солдат", нэ-мш ← "немец", һа-рм ← һар мини "рука моя", ге-рнх ← гер ину "его дом", ба-гм ← баг мини " моя группа".

В связи с указанными процессами, относящимися к редукации кратких гласных непервых слогов, в калмыцком языке образовались слоги и такого типа: СГС - ССГС (күр - крэн "рычание"), ГС - ССГС (эр-гхэн "рановато"), СГС-СГСС (хур-һарн "пальцем"), СГС-СССГ (сан-гдна "вспоминается"), күр-стхь "ударить лопатой"), СГ-СГС-СССГ (хэ:-кър-лдне "кричат").

3. Образование многочисленных лексических синонимов: сэвэг ← сэбэгэ "веснушка", сэбэг "сито"; утхь ← утуху "дымить", утуһа "нож", удху "смысл", удаху "медлить"; кедль ← кедлу "ноге", кедде "замерзай"; халхь ← халха "щека", халаху "разогреться"; улым - улам "еще", улум "болото", "тина; цаць ← цацу "разбрасывай", цаца "кумирня"; жядь ← жяду "году", жядэ "приведи себя в порядок"; суль ← сулу "слабый", сула "свободный" и т.д.

4. Переход звонких согласных д, г, һ в глухие т, к, х под влиянием соседних глухих согласных, вызванный выпадением или скользким характером предшествующих им редуцированных гласных: мат-хър ← матаһар "кривой", эц -кь ← эцигэ "отец", бат-хнь ← батаһа-на "муха", бэт-кь ← бэтэгэ "корневиде ковыля", хар-цхь ← харцаһа "ястреб", асхьн ← асаһан "вечер", хавтха ← хабтаһа "плоский", хот-хър ← хотһор "впадина", ат-хър ← атаһар "скучный", бот-хьн - ботоһон "верблюжок", булт-хър ← бултүгер "пучеглазый", лош-хь

- лошаю "репейник", бор-тхъ ← бортою "бурдюк", сак-схър ← саг-сапар "отвислый".

Как видно из этих примеров, звонкие согласные в положении после глухих обычно переходят в соответствующие глухие согласные. В тех случаях, когда звонкие согласные корня слов непосредственно предшествуют глухим согласным, они остаются в основном полувзвонками, т.е. комбинаторными вариантами звонких согласных: кегтхъ ← кегтин "старый", бордхъ ← бордоху "откармливать", судсхъ ← судасун "жила", зэдкър ← зэдэкэр "несчастье", цудхъ ← цудхаху "отливать", одхъ ← одху "пойти", доңхъ ← доңохиу "хромать". Но имеются отдельные случаи полного перехода звонких согласных в глухие, если они предшествуют глухим: утхъ ← удха "смысл", утхур-удхур "черпак", некърл ← негечел "содружество" и др.

В развитии фонетической системы калмыцкого языка большой интерес представляет редукция переднерядного краткого и и непер-вых слогов слова, которая повлекла за собой:

1. Переход многих слов с гласными заднего ряда в слова с гласными переднего ряда под влиянием соседнего гласного и: тэвхъ ← табин "пятьдесят", херхъ ← хорин "двадцать", мерхъ ← морин "конь", энгъ ← анги "часть", зергъ ← зориг "смелость", хурхъ ← хурим "свадьба", цувърхъ ← цубираху "сыпаться".

Влияние редуцируемого и на гласный а предшествующего слога, как отмечалось, повлекло за собой образование новой краткой фонемы э.

Следует отметить, что указанный процесс перехода заднерядных гласных в переднерядные не происходит при соседстве редуцированного и с согласными ч, ш, ж: багтхъ ← багши "учитель", догтхъ ← догшин "свиристый", нучхъ ← нучин "тридцать", хождър ← хождар "плешивый", унхъ ← унхиу "висеть", хачърсхъ ← хачирсун "чешуя", орчхъ ← орчилаң "вселенная", чачър ← чапир "зонт", хсрхължхъ ← хорхолжин "свинец".

Заднерядные гласные, особенно у, также не переходят в переднерядные, когда гласному и предшествуют согласные р, н и твердый оттенок согласного к: урдъ ← урида "прежде", удърдхъ ← удуридху "руководить", цоккъ ← цокиху "бить", цапърг ← цапариг "круг".

2. Образование палатализованных согласных л', н', д', т' под влиянием соседнего и: ал'мхъ ← алиян "яблоко", цал'гърхъ ← цалгираху "расплескаться", норт'г ← нортиг "циркуль", зу:н'ърхъ ← зуунираху "озлобиться", бул'търхъ ← бултариху "поскользнуться".

ув`ън ← унин "шест", бод`ъ ← боди "материя", бал`чъг ← балчиг "грязь", бул`търхъ ← бултариху "уклоняться".

Это подтверждают и многочисленные квазиомонимы типа: алдъ ← алда "сажень", — ал`дъ ← алида? "где?"; олхъ ← олху "находить" — ол`хъ ← олиху "разбрасывать"; хатъг ← хатаг "пусть сохнет" — хат`ъг ← хатиги "чирей"; онъг ← оног "пусть попадет в цель" — он`ъг — ониг "внимание", у:двър ← уудбур "расширение" — у:д`вър ← уйдъ: бур "тоска".

Палатализованные согласные образуются по аналогии и при отсутствии исторического и, напр.: мат`хър ← матаһар "кривой", бурън-тъг ← бурунтуг "повод у верблюда", ул`търъг ← ултуруг "стелька", хал`дъвър ← халдабур "зараза", хал`търха ← халтарха "скользкий", буд`хаг ← будхаг "муть". Палатализация согласного д происходит также под влиянием соседнего ж, ш, ч: бол`жъ "готово", бол`шго "не будет", хол`жъхъ "удалиться", мал`чъ "скотовод".

Стечение согласных в слове, вызванное редукцией кратких гласных непервых слогов, в свою очередь, привело к различного рода ассимиляциям, диссимиляциям и другим явлениям, что было вызвано естественным стремлением к разрядке консонантного скопления и к их упрощению. Здесь следует отметить:

1. Выпадение некоторых согласных, особенно смыхных, при их стечении: туһълхъ ← туһаллаху "телиться", иньглтъ ← иналгалта "дружба", дээлдэн ← дайилалда:н "война", керго ← кэрэг уга "не надо", на:чана:на:дажи бэ:нэ "играет", мэккъ ← мэдэжи орки "узнай", кэлдъм ← кэлэдэг мөн "говорит", кэлдго ← кэлэдэг уга "не говорят", зогча ← зогоча "стой" ← зогсохи ба¹. Сюда же относятся такие типы выпадения, как утъ ← урту "длинный", кендэ ← кендрэ "трогай" и др.

2. Переход согласного в(-б) в гласные у и ү в некоторых позициях слова: шөрү:си ← шүрбүсүн "сухожилие", тарус ← тарбус "арбуз", шалур ← шалбур "штаны". Это относится и к глагольной морфеме прошедшего времени в, которая развалилась в -у и -ү. Такое явление происходит в глагольных основах с конечным согласным при присоединении лично-предикативных частиц первого и второго лиц обоих чисел: Би умшув. "Я прочитал". Чи умшуч. "Ты прочитал". Би келув. "Я сказал". Чи келуч. "Ты сказал". Биди келувиди. "Мы сказали". Та келут. "Вы сказали".

В этом плане известный интерес представляет переход смыхного согласного к морфемы будущего времени -кү в щелевой х по

аналогии с морфемой -хь(←ху). Морфема -ху употребляется в словах с гласными заднего ряда: татхь ← татаху "тянуть". Теперь в словах с гласными переднего ряда тоже употребляется -хь(←ху): кэлхь ← кэлэху "говорить", ирхь ← ирэху "прийти". Переход смичного к в щелевой х был вызван сначала его интервокальным положением.

3. Появление полнозвучного и в следующих позициях слова: келхлив "не скажу", келхливидн "не скажем", келхши? "не говорит?", келхшич "не скажете?", соңсич "послушай-ка", соңсит "послушайте", келжив "я сказал", келживидн "мы говорили".

В калмыцком языкознании все еще остается важной проблема функций редуцированных гласных. Редуцированные гласные в составе конечных слогов несут не только орфоэпическую, но и сохраняют определенную фонологическую нагрузку.

1. Примеры, иллюстрирующие смысловозначительную роль редуцированных гласных, восходящих к обычным кратким гласным в конечных позициях слов:

зул ← зула "лампада" — зуль ← зулу "убегай",
күрҫг ← күрҫг "пусть дойдет" — күрҫь ← күрҫэ "доведа",
дур ← дури "образ" — дурь ← дүрү "спрячь",
гүр ← гүрэ "моль" — гүрь ← гүрү "плести",
бул ← булу "пух" — буль ← була "закопай".

В составе конечных слогов известную фонологическую функцию выполняют парагогические редуцированные гласные.

зун ← зу:н "сто" — зунь ← зун "лето",
тус ← тус "напротив" — тусь ← тус "попади",
е:рҫд ← ойирад "ойраты" — е:рҫдь ← ойирод "приближайся",
күр ← күр "труп" — күрь ← күр "дойди",
тул ← тулу "кит" ~ туль — тул "подпирай".

2. Редуцированные гласные в составе конечной морфемы про-должают выполнять определенную форморазличительную роль:

һарвь ← һар ба "вышел" — һарув ← һар ба би "я вышел",
күрзь ← күр бэ "дошел" — күрүв ← күр бэ би "я дошел".

В первой колонке примеров -вь — аффикс недавнопрошедшего времени, восходящий к -ба, -бэ, во второй -в — лично-предикативная частица I лица единственного числа, восходящая к би "я".

3. Редуцированные гласные, будучи в составе соответствующих морфем, начинают играть известную дифференцирующую роль в классификации отдельных частей речи:

тэврь ← тэбэри "охватка" — тэврь ← тэбэри "обхвати",

Дэлгэр ← Дэлгэрэ "имя" — дэлгрь ← дэлгэрэ "развивайся",
сохър ← сохор "слепой" — сохрь ← сохор "ослепни",
ур ← үрэ "плод" — урь ← үрэ "пропади",
хэр ← хайр "мелкий" — херь ← хари "возвращайся",
курън ← курун "дойдя" — курнь ← күрүнэ "хорек".

4. Слоги с редуцированными гласными способствуют сохранению долгих гласных в предшествующих им слогах слова. Здесь следует отметить следующую закономерность:

а) Долгие гласные сохраняются в первом слоге слова, если за ним следует слог с редуцированным гласным или любым другим полновзвучным гласным: у:ль "гора" ← уула ← оула, у:ть "кожаный мешок" ← уута, у:дь "удила" ← ууда, о:нь "сайгак — самец" ← о:но, и:мъ "такой" ← и:ми ← эйму ← эйму, о:шкъ "легкие" ← о:шки, са:хъ "дойти" ← са:ху, ту:ла "заяц" ← бэ:лэ "перчатки", һу:жмул "цыпленок".

Сохранению долгих гласных в первых слогах слова способствуют не только последующие открытые слоги с редуцированными гласными, но и закрытые, а также слоги, в которых редуцированные гласные выпали, а слогиобразующую роль приобрели сонорные: ца:сън "бумага" ← ца:сун, у:жъм "далекий" ← уужим, ху:чън "ветхий" ← хуучин, ша:бър "колотушка" ← ша:бур, ү:дн "дверь" ← үүдэн, ← өүдэн, Му:тл "мямя" и др.

При этом в живом языке происходят различного рода уподобления по аналогии: ууль "гора" ← уула — ууль "родной, коренной" от уул. Образовался омоним. Еще: эм "лекарство"; а э:мъ "плечо", что восходит к э:м. В живом языке в слове э:м (← эгэм) появился парагогический редуцированный гласный (ъ). Это позволило сохранить долготу гласному э:(э:мъ) и отличать его от краткого э(эм-лекарство.)

б) Долгие гласные сохраняются в многосложных словах в предпоследнем слоге слова, если последний слог имеет редуцированный гласный. При этом редуцированные эти гласные продолжают играть смыслообразующую роль: чирэ "таша" — чер:дь "к лицу", түрэд "затрудняюсь" — түрэ:дь "голенищу", керэд "замерзнув" — керэ:дь "пиле" или күцэ. Бър "выполнение", буркэ:сън "крышка", малта:ръ "пройма" и др.

5. Следует подчеркнуть и такую закономерность: в коренных односложных словах былая долгота гласных утрачивается, долгие гласные односложных слов переходят в краткие гласные, составляя

фонологическую оппозицию к долгим: нур "лицо" ← нуур ← неур, нур "озеро" ← нуур ← ноур, то "число" ← то:, завь "слон" ← за:н, ду "младший брат" ← дуу ← деу, ур "пар, гнев" ← уур, үр "гнездо" ← үүр ← өүр. В результате образовались лексические омонимы типа: бог "соринка" — бог "пусть обяжет" ← бо:г, гүн "глубокий" — гүн "кобылица" ← гү:н. Слово гүн "глубокий" при изменении получает долготу гласного подобно слову гүн "кобылица", в котором гласный ү исторически был долгим.

6. В односложных словах типа гүн "кобылица," ха "закрой" гласные произносятся несколько протяжнее, нежели такие же исконные краткие гласные. Но такая длительность гласных, образовавшихся в свое время из долгих, акустически теперь почти не улавливается, особой фонологической роли не играет, поскольку артикуляторно не превышает в целом пределов длительности кратких гласных. Однако при присоединении к словам с подобными гласными любых других производных аффиксов бывшая их длительность восстанавливается: нур — ну:рть "в озере", ду — ду:һин "брата", ур — у:рта "с паром", "гневом", үр — ү:рлэ "с гнездом".

7. В настоящее время в речи молодого поколения, особенно в восточной части Калмыкии, наблюдается тенденция образования конечных открытых слогов: нутгь "местожительство" ← нутуг, худгь "колодец" ← худуг, өвснь "сено" ← өбөсөн, маль "скотина" ← мал, һарь "рука" ← һар. Эти парогогические процессы появления редуцированных гласных в конечных позициях слова по типу завь "слон" ← за:н, э:мь "плечо" ← э:м, особенно при стечении согласных, получают в речи молодежи большое распространение. Не исключена возможность развития со временем этих парогогических, как и конечных редуцированных гласных, в соответствующие ясные гласные.

В современной калмыцкой орфографии не обозначаются на письме редуцированные, а также долгие гласные предпоследних слогов, что не способствует орфоэпически правильному чтению, а иногда и различению смысла слов, напр.: сэред "проснувшись", но сэрэ:дь "вишке", оба слова пишутся одинаково — "серад". Отсюда — возникла настоятельная необходимость в обозначении редуцированных гласных, особенно в конечной позиции слова.

Редукция кратких гласных непервых слогов, как известно, является обычным явлением во всех монгольских языках, если не иметь в виду диалекты ордосского типа. Наиболее сильной редукции подвергались гласные в калмыцком языке, меньшей — в монголь-

ских диалектах халхаского типа, наименьшей – во многих бурятских диалектах. Детальное исследование данного фонетического процесса имеет важное значение как с точки зрения исторической, так и практической, например, при разработке вопросов алфавита и орфографии современных монгольских литературных языков.

Словари, из которых взяты примеры старописьменных написаний слов:

1. Голстунский Ф. Русско-калмыцкий словарь. С.-Пб, 1860.
2. Позднеев А. Калмыcko-русский словарь. С.-Пб, 1911.
3. Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Уланбаатор, 1966.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

(ж. "Төөгн гэрл", № 3. Элиста, 1981)

Одним из важных факторов духовного роста калмыцкого народа и его общей культуры является двуязычие. Калмыки наряду с родным языком владеют русским языком – языком межнационального общения и передовой науки и техники.

Современный калмыцкий язык свидетельствует о том, что он намного обогатился в области лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, т. е. во всех уровнях своего развития под прогрессивным влиянием русского языка. Русский язык явился одним из основных источников обогащения словарного состава калмыцкого языка как за счет заимствованных слов, так и за счет развития его внутренних возможностей.

Калмыки активно заимствовали из русского и через русский язык нужные слова и словосочетания. Фонетическое освоение заимствованных слов в калмыцком языке на разных этапах его развития имело свои особенности и было тесно связано с процессом развития в Калмыкии калмыcko-русского и русско-калмыцкого двуязычия.

Первое время слова проникали в калмыцкий язык устным путем, а затем постепенно – письменным путем.

Говоря о фонетическом освоении заимствованных слов, следует отметить.

Все освоенные ранее устным путем по законам калмыцкого языка заимствованные слова настолько видоизменились, что нелегко определить их исконную форму. Они стали звучать не так, как это

было в языке — источнике и перестали ощущаться как иноязычные: тэрлкъ "тарелка", жахр "якорь", жалвь "жалование", жирвь "жребий", килцкр "коленкор", сииць "ситец", гувр "губернатор", иирл "генерал" бес "бязь" и др.

В словах с конечным к последний переходил в полужвонкий заднеязычный г: сорг "срок", баслг "башлык", башмг "башмак", ярпг "ящик", пастг "пастух", чарлаг "чердак". При наличии редуцирующегося гласного или появления парагогического гласного согласный к не переходил в полужвонкий г: крушкъ "кружка", банкъ "банка", тэрлкъ "тарелка".

После упразднения калмыцкого ханства был учрежден институт попечительства. Слово "попечитель" передавалось калмыцким словом асрач, т.е. "кормилец". Какое кошунство!

Можно привести немало примеров, когда одни и те же слова в разных местах обширной калмыцкой территории зачастую осваивались по-разному, или им находили соответствующий эквивалент в родном языке. Так, в восточных районах — у торгутов (этнос): нурца "огурец", пома:др "помидор", биинг "веник", бицлкъ "вилка", ичмэн "ячмень", каш "каша", бэв "баня", пэлтэ "пальто", хэмуд "хомут", шикр "сахар, конфета", цапан шикр "сахар", лифть "керосин", арчм "аршин", чевенг "чайник", пистул "пистолет", сара "сарай", в западных районах — у дербетов (этнос): аһурцг "огурец", бақлжан "помидор", севр "веник", серэ "вилка", ичмэн "ячмень", хаш "каша", бань "баня", хамуд "хомут", кампадь "конфета", шикр "сахар", дурак "тыква", газ "керосин", арши "аршин", сэрэ "сарай", чаанг "чайник".

Несколько по-другому осваивались заимствованные слова калмыками, входившими в округ Войска-Донского: картуль "картофель", куушкъ "кошка", чуушкъ "свьяня", чаначь "тыква", кочет "петух", цибарк наряду с суулл "ведро", пистул "пистолет", серньг "спички", ценг "вилы", кевг "копна", одмн "атаман".

В восточных районах, особенно у калмыков-торгутов, занимавшихся рыбным промыслом и соляными разработками исконно калмыцкие слова часто заменялись русскими или словами из татарского языка. При этом эти слова подвергались фонетическим законам калмыцкого языка: бурцкъ "воронка", носка "носки", чулка "чулки", машкъ "кошка", котэ "кот", ковшг "половник", суль "овес", шам "лампа". В самом калмыцком языке имелись соответствующие исконные

слова: бурзъ "воронка", еемсн "чулки", мис "копка", шанн "половник", арва "овес", шомр "лампа".

Подробный анализ заимствованных слов с точки зрения изустного фонетического оформления показывает следующие закономерности:

1. Строгое соблюдение закона сингармонизма гласных: межэ "межа", седалкь "седелка", сегдэтр "секретарь", селэвн "село", кирлцэ "крыльцо", сэтин "сатин", барна "борона", ануриг "огурец", нужа "гужи", дистин "десятина".

Этому закону подчинялись и заимствованные собственные имена, названия городов, сел и народностей: эрмэ:ль "армянин", ѓсэ-Бэсэ "Вася", Бэрс "Борис", Ярушкь "Ерофей", Элксэ "Алексей", орс "русский", польш кун "поляк", англъчав "или англъ кун "англичанин" китд кун "китаец", Шаргу "Саратов", Сардуль "Ставрополь", Янушовк "Енушевка", Тэктъ "Тахта".

2. Последовательное соблюдение закона гармонии слога, т.е. согласные к и г могли сочетаться только с переднерядными (мягкими) гласными, а х и н — только с заднерядными (твердыми) гласными: куутр "хутор", кезр "козырь", дохтр "доктор", хазг "казак", Хази "Казань", Ховн "Кубань", халш "калач", ханжал "кинжал", харндаш "карандаш".

Со временем этот закон претерпел изменение в самом калмыцком языке в связи с переломом гласного и, позлеего за собой переход заднерядных гласных в переднерядные. При этом согласные не претерпевали никаких изменений: хорин → хэрин "двадцать", хурим → хурм "свадьба", хариу → хэру "ответ". В связи с этим заимствованные слова с начальным к и х стали употребляться без изменения этих согласных: купиць "купец", коп "кофе", катлет "котлеты", куухнь "кухня", Хартон "Харитон" (имя), Хээркв "Харьков", курпа "крупа", окоп и т.д.

Слово "колхоз" впервые проникло в калмыцкий язык во время коллективизации в 1929–1930 годах. Пожилые калмыки в калмычки произносили холхоз. В первых случаях употребления этого слова можно считать в повести писателя Н. Манджиева.²

3. Коренные калмыцкие слова по своей структуре обычно являются односложными, двухсложными, редко трех и четырехсложными. Отсюда протяженность слова имеет определенное значение. Поэтому заимствуемые многосложные слова, собственные имена, географические названия, имеющие относительно большую протяженность, обычно

подвергались сокращению, которое вызывалось необходимостью упрощения произношения: гувр "губернатор", губернь "губерния", пульмут "пулемет", ярм "ярмарка", порклу "прокурор", Плитр "Петербург", Сандр "или Са:ша "Александр", отсюда Сашаев(фамилия), орсла -орстид "Аристид".

4. Ударные гласные первых слогов заимствованных слов осваивались как долгие, непервых слогов - как полудолгие и ясные: уульнц "улица", пивъ "пиво", эдрхн "Астрахань", писр "писарь", таачкъ "тачка", шааль "шаль", куурткъ "куртка", дуудр "пудра", буудкъ "будка", буулкъ "булка", но диван, чулан, доклад, ботинкъ "ботинки", повесткъ "повестка".

Ударные гласные непервых слогов, образующие открытые предпоследние слоги, всегда произносятся как долгие гласные: пома:др "помидор", зама:скъ "замазка", сало:мъ "солома", огла:въ "оглобли", кана:въ "канавка".

Ударные о, е непервых слогов в первое время заменялись на у, у, так как в калмыцком языке гласные о, е в непервых слогах не употреблялись: завод "завод", Антув "Антон", построункъ "постройка", сулунъ "супонь", Сову:тъ "Суббота"(имя), эртүл "артель", зерне "зерно", но затем постепенно стали произносить гласные ударные о и е в непервых слогах: пистон, патрон, талон, кашне, звано, депо.

5. Безударные гласные непервых слогов заимствованных слов обычно подвергались сильной редукции или вовсе выпадали: бас"база", поштъ "почта", бочкъ "бочка", боомбъ "бомба", тарнтас "тарантас", барна "борона", борзда "борозда".

Этот фонетический процесс, свойственный калмыцкому языку, характеризуется еще следующими явлениями:

а) безударный гласный конечной позиции слова сохраняется как сильно редуцированный гласный, если ему предшествуют подряд два и более согласных: лейкъ "лейка", линейкъ "линейка", возилкъ "возилка", тачанкъ "тачанка".

б) при стечении двух смычных согласных в конечной позиции слова, вызванного редукцией безударного гласного, находящегося между ними или в конечной позиции слова, один из этих смычных ассимилируется в шелевой: немш "немец", поштъ "почта". В таких случаях редукция подвергается и ударный гласный: салдс "солдат".

в) если конечный слог заимствованного слова освоен как закрытый, то конечный безударный гласный выпадает: больниц "больни-

па", газет "газета", ракет "ракета", калош "калоша", срав: бумшуд "бешмет" и др.

г) конечный звонкий з обычно заменяется глухим с: картус "картуз", тус "туз", бес "бязь". В калмыцком языке в конечной позиции слова не бывает звонкого з.

5. Появление протетического звука в начале слова, вызванное необходимостью облегчения произношения. Это объясняется тем, что в начале слова не допускалось скопления согласных, и исконно калмыцкие слова не начинаются с согласным р и очень редко начинаются с л.

а) примеры протезы при наличии согласного р в начале слова: арамкь "рамка", оромбь "ромб", уруль "руль", орс "русский", отсюда Орусов (фамилия).

Протеза образуется также путем перестановки гласного, следующего после согласного р, в начало слов: аркет "ракета", эрвизор "реvisor", эрволлоц "революция", эрдактр "редактор", эрпетиц "репетиция", эрсдублик "республика", Арман "Роман", отсюда - Арманов (фамилия).

б) примеры протезы при наличии согласного л в начале слова: нанкь "ланка", напша "лапша", по говорам: нажь "Лиджи" (имя), лавкь "лавка", намп "лампа", нам "лама", навшг "лавшг" (халат).

в) примеры протезы при скоплении согласных в начале слова. В этих случаях обычно происходит перестановка гласного, следующего за начальными согласными, в начало слов: ашкап "шкаф", остол "стол", одвор "двор", устул "стул", ошкол "школа", шштг "штня".

Кроме того, между начальными двумя согласными вставляется обычно такой же гласный, какой следует за этими согласными: ку - рушкь "кружка", парвлэн "правление", турва "труба", кирс "крест", перпадава: тль "преподаватель", перседа: тль "председатель", шовур-ньг "шкворень", кинэс "князь", бэрэньг "пряник".

г) примеры появления протетического й в начале заимствованного слова: Яван "Иван", ярплан "аэроплан".

В самом калмыцком языке такая протеза тоже имела место: йорал "дно", йарэл "благопожелание", йозур - изуур "корень" и др.

6. Замена несвойственных калмыцкому языку фонем русского языка соответствующими звуками калмыцкого языка:

а) в на б: баальнкь "валенки", багон ~ багун "вагон", бокзал "вокзал", бинтовкь "винтовка", бинтр "вентира".

б) ф на п или х: павр "фонарь", пелшр "фельдшер", портчкь

"форточка", парницус "француз", преньч "френч", пабрик "фабрияка", пудбол "футбол", кохть "кофта", хухайкь "фухайка", Пөөдр "Федор".

в) ш на ш: борш "борщ", шоткь "сетка".

г) ж на ж: жалвь "жалование", жылэ:ткь "жилетка", мажар "можара", ханжал "кинжал", жолвь "жолоб", межэ "межа".

Перед глухими согласными ж обычно оглушался и чередовался с шелевым глухим ш: курушкь "кружка", дорошкь "дорожка", задвишкь "задвижка".

Приведенные выше примеры фонетического освоения заимствованных слов позволяют заключить, что более ранние русские заимствования, вошедшие через разговорную калмыцкую речь, подверглись серьезным фонетическим изменениям в соответствии со звуковой системой заимствующего калмыцкого языка. Все слова осваивались в наиболее употребительном виде как целостные, неразложимые на составные части лексические единицы, подлежащие законам калмыцкого словообразования и словоизменения.

Этим следует объяснить то безразличие, которое допускал калмыцкий язык к грамматическим показателям русского языка, внося в заимствуемые слова свои коррективы согласно собственной грамматической системе и сочетаемости звуков. Поэтому ничего не стоило калмыку старшего поколения сказать: мой коров или мой корова, механик кун вместо механик: суффикс -ик показывает лицо, поэтому можно обойтись без слова кун "человек".

По мере изучения калмыками русского языка, вызванного практической необходимостью, дальнейшим поступательным развитием калмыцко-русского двуязычия, калмыки начинают постепенно овладевать правильной русской речью. Если до Октябрьской революции незначительная часть калмыков знала русский язык в очень ограниченной форме, то после Великого Октября для калмыков открылись широкие горизонты на пути изучения русского языка. Уже к 1930 г. значительная часть калмыков знала русский язык, относительно свободно изъяснялась на нем, хотя большинство их оставалось неграмотными и малограмотными. В этот период появляется немало калмыков, пассивно владеющих русским языком: понимающих русскую речь, но не могущих выразить свою мысль по-русски. В этот период в речи калмыков, владеющих в основном устным типом двуязычия продолжали сохраняться указанные выше фонетические особенности в заимствованных словах.

Начиная с 1930 года, в связи с развитием всеобщего началь-

ного обучения, открытием семилетних и средних учебных заведений, организованным походом против отсталости и темноты, ликвидацией неграмотности среди взрослого населения калмыcko-русское двуязычие получило дальнейшее небывалое развитие. Молодое поколение, прошедшее обучение в школах на калмыцком и русском языках, начало говорить на чистом русском литературном языке.

В настоящее время не только калмыцкая молодежь, но и люди пожилого возраста, стали произносить русские слова по орфоэпическим нормам русского языка почти без акцента. Это свидетельствует об освоении калмыками артикуляционных норм, присущих русскому языку, что возможно при свободном владении русским языком.

Отмеченные выше артикуляционные и произносительные особенности калмыцкого языка теперь уже перестали служить помехой в изучении русского языка. Поэтому вполне закономерным стало заимствование слов из русского и через русский язык в принятом для русского языка письменном оформлении.

Отсюда неслучайными являются принятые в калмыцкой письменности следующие принципы орфографирования заимствованных слов.

1. Основу заимствованных слов не изменять, ударные окончания в них не отбрасывать.

2. Гласная в морфеме, присоединяемой к основе слова, должна соотноситься с гласной последнего слога основы: машинур "к машине", артелэс "из артели", звеноhur "к звену", шкафла "со шкафом".

3. Сохранять без изменения ранее освоенные в устной форме заимствованные слова: бедр "ведро", уульнц "улица", сеглэтр "секретарь".

Практическое применение этих принципов значительно облегчило изучение калмыцкими детьми русского языка и способствовало быстрому овладению ими артикуляционными и орфоэпическими нормами русского языка. Сейчас происходит обратный процесс, когда калмыки, будучи двуязычными, стали произносить заимствованные в недавнем прошлом слова правильно: стол, шкаф, вагон, газет, щетк, крем, рамк, кофт, помидор, а не остол, амкап, багон, гэзэт, шотк, кирем, арамокъ, кохт, помадр.

Однако наши наблюдения показывают, что у двуязычных калмыков в их речи на родном языке в заимствованных словах отсекаются безударные родовые окончания, подвергаются зачастую редукции безударные гласные конечных позиций слова. Основа заимствуемого слова за редким исключением сохраняется и полностью подчи-

яется законам калмыцкого словообразования и словоизменения: космос, машинкь "машинка", трактор "трактор", вентилятор "вентилятор", комись "комиссия", Или:Энд газет харна. "Здесь газета издается", Газетэс соньн ээнтгь медув. "Из сообщения газеты я узнал интересную новость", Украин онц республик "Украина особая республика" и т.д.

Следовательно, важнейшим требованием при заимствовании слов из русского и через русский язык является сохранение полной формы основы слова не только при письме, но и в устной речи.

Активный процесс двуязычия знаменуется дальнейшим сближением фонетической системы калмыцкого языка с русской, обогащением фонемного состава калмыцкого языка. В этом плане заслуживают внимания следующие фонетические процессы.

И.В.Д.Котвич справедливо отметил, что калмыцкие гласные и, э являются среднерядными. Гласные и, э, как среднерядные фонемы, сохранились и теперь в Волго-Каспийском подговоре, а в современном калмыцком литературном языке они являются переднерядными. На сдвиг гласного и из среднерядной позиции в переднерядную, помимо внутренних закономерностей развития самого калмыцкого языка, определенное влияние оказал и русский язык, в котором гласный и является переднерядной. На наш взгляд, двуязычие не терпит различное произношение по артикуляции звуков в контактируемых языках.

Что касается фонемы э, образованной от э под влиянием и, то ее сдвиг из среднерядной позиции в переднерядную произошел вследствие фонематического противопоставления ее гласному задней артикуляции а.

2. Появление гласного ы, составляющего фонологическую оппозицию переднерядному и, следует объяснить не только с точки зрения внутренних фонетических закономерностей калмыцкого языка, но и соответствующим влиянием русского языка. Теперь в калмыцком языке существуют пары гласных, фонологически противопоставленные по месту их образования: и и ы, э и а.

3. Образование мягких согласных фонем л', н', д', т' произошло вследствие палатализирующего влияния исторического и на рядом стоящие согласные л, н, д, т. Но нельзя здесь при двуязычии калмыков не принимать во внимание наличие аналогичных мягких согласных в русском языке, которые, безусловно, способствовали становлению и развитию подобных палатализованных фонем и в калмыцком языке. Калмыки до недавнего прошлого не могли произносить

мягкий р. Неслучайно в 30-х годах калмыцкий букварь издавался как буквар. В настоящее время мы являемся свидетелями появления еще палатализованных согласных с и з.

4. Бобровников А. отмечал³ наличие в калмыцком языке в середине XIX в. звука, который передавался сочетанием кх. Это, видимо, была своеобразная аффриката с начальной заднерядной смывкой, напоминающей собой согласный к и со шелевой размычкой наподобие х. Теперь такого звука нет. Наличие в русском языке согласного к не могло не повлиять на развитие указанного звука в смывочный к в калмыцком языке.

5. В калмыцком языке, как отмечает А. Бобровников,⁴ имелась звонкая аффриката дз. Теперь ее нет. Калмыки произносят четко согласный з в любой позиции слова. В деаффрикации дз помимо внутренних процессов, положительную роль сыграл и русский язык.

6. В монгольских языках имеется фонема э. Калмыцкий э подобно русскому значительно уже бурятского и монгольского. Сдвиг калмыцкого э в сторону сужения следует рассматривать как результат двуязычия калмыков.

Фонетика, как известно, является одним из менее проницаемых разделов языка. Однако, как видно из приведенных данных, многовековые контакты и взаимоотношения между калмыками и русскими, завершившиеся двуязычием калмыков, знаменуются и дальнейшим обогащением фонемного состава, усовершенствованием всей фонологической структуры калмыцкого языка.

Калмыцкий язык характеризуется богатством и разнообразием фонемного состава, четкостью фонологической структуры и строгой акустико-артикуляционной ясностью.

Гласные калмыцкого языка а, о, у, и, э, н, согласные б, в, г, д, д', з, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, т, т', х, ц, ч, ш по своим акустико-артикуляционным свойствам очень близки или совпадают с такими же фонемами русского языка. Кроме того, в калмыцком языке имеются фонемы э, е, у, һ, ж, һ, появляется новая фонема ж пока как вариант, напр.: в словах аждг "вредный", жаджх "жевать" и др.

Изложенные выше данные позволяют говорить об огромном значении взаимовлияния контактируемых между собой языков, о двуязычии как высшей ступени развития национальных языков, в данном случае, о калмыцко-русском двуязычии.

ренции в Ташкенте. В некотором сокращении опубликован в ж. "Теегин герл", № 3, 1981 г. под названием "Русский язык — источник обогащения калмыцкого языка."

2. Манжиян Д. Дашута унв. Элст, 1975. С. II 5.

3. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 9.

4. Бобровников А. Там же. С. 2, II.

СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

(Сб. КНИЖКИ "Вопросы грамматики и лексикологии
современного калмыцкого языка". Москва, 1976)

Склонение в калмыцком языке как стройная грамматическая система первое свое научное освещение получило в "Грамматике калмыцкого языка" проф. А. Попова, изданной в Казани в 1847 году, и в "Монгольско-калмыцкой грамматике" проф. А. Бобровникова, также изданной в Казани в 1849 году.

Капитальный труд А. Попова, классическая грамматика А. Бобровникова со всей полнотой раскрывают систему склонения старописьменного калмыцкого языка и освещают наметившееся ее развитие в живом языке калмыков в середине XIX века.

А. Попов, рассматривая склонение имен существительных, выделяет 3 типа склонения. К первому склонению, — пишет А. Попов, — относятся имена, оканчивающиеся на гласные и двугласные (дифтонги): аха "старший брат", эке "мать", моһоһ "змея", буу "ружье", деу "младший брат", үгэ "слово". Ко второму склонению относятся имена, оканчивающиеся на согласный н: за:н "слово", модун "дерево", шубуун "птица", морин "лошадь". К третьему склонению относятся имена, оканчивающиеся на согласные б, с, т или д, л, м, г, р, н: кэб "форма", барс "барс", болод "сталь", эд "вещи", харуул "кочевник", хурим "пир", цаг "время", нуур "озеро", ждрһалаң "наслаждение".

Разбирая вопрос о категории числа, А. Попов называет показатели множественного числа наращениями. Он отмечает, что имена первого склонения во множественном числе получают наращения — нар, —нар, —с: аханар "старшие братья", эмэс "женщины", үгэс "слова", моһос "змеи", һаһас "свиньи". Имена второго склонения получают во множественном числе наращения: —д, (А. Бобровников указы-

вает -т): морид "лошади", за:д "слоны", модуд "деревья", шубууд "птицы". Далее он отмечает, что слова с конечными чи, р тоже получают наращенные -д, -т: захасучи - захасучид "рыболовы", эмчи - эмчид "врачи", күсэгчи - күсэгчид "желающие", назар - назад "земля", некөр - некөд "друзья".

Касаясь слов с конечными -сун, -сүн, А. Попов указывает, что эти конечные слоги слова выпадают при присоединении аффиксов множественности -д или -т: хубшасун - хубшад "одежда", балшасун - балшад "города", гөрө:сүн - гөрө:д "звери", килшасун - килшад "конские волосы". Далее говорится, что имена третьего склонения во множественном числе получают наращенные -ууд, -үүд, но большей частью - ноноуд ~ нөгөүд: барс - барсууд ~ барс ноноуд "тигры", эмүүд ← эм нөгөүд "лекарства", цэцэг - цэцэгүүд ~ цэцэг нөгөүд "цветы".

Допускается наращение аффикса ноноуд и в словах с конечным в:көбөүн - көбөүд ~ көбөүн нөгөүд "сыновья". Отмечается аффикс множественности -чууд: монголчууд "монголы", байачууд "богачи". Затем указывается, что все имена во множественном числе склоняются по третьему склонению.

А. Попов приводит следующие падежи: именительный, родительный, отделительный (исходный), дательный, винительный, звательный, творительный, инструментальный, совокупительный.

Как видно из изложенного, классификацию имен по трем типам склонения А. Попов произвел, исходя из звукового состава слов в конечных позициях и связал аффиксы множественного числа с тем или иным типом склонения.

Кроме указанных выше типов склонения, А. Попов отмечает еще наличие склонений с различными притяжениями.

А. Бобровников, в отличие от А. Попова, не подразделяет имена на три группы склонения. Он сразу перечисляет семь падежей: именительный, родительный, винительный, исходный, местный, творительный и соединительный. К последнему падежу отнесены им также имена существительные с аффиксами -та, -тэ. Затем в разрезе каждого падежа он классифицирует имена по склонениям, и каждый тип дается отдельным параграфом. Так, к одной группе склонения отнесены А. Бобровниковым имена, оканчивающиеся на краткие гласные: эчигэ "отец", экэ "мать", к другой - имена оканчивающиеся на долгую гласную с мягким предыханием (т.е. с конечными дифтонгами - Д.П.) дагаі "море", абаі "дедушка", к третьей - имена, оканчивающиеся

на долгие гласные: то: "число", муу "плохой", к четвертой — имена, оканчивающиеся на н: наран "солнце", үнэн "истина", к пятой — имена, оканчивающиеся на прочие согласные: нал "огонь", гэр "дом", улус "народ", арсаац "лев".

Как видно из этой классификации, А. Бобровников, хотя и не называет их отдельными группами склонения, но фактически разбирает имена по типам склонения. Он выделил пять основных типов.

Далее А. Бобровников говорит о притяжательных частицах, которые наращиваются к тем или иным падежным окончаниям. Приводятся примеры склонения имен с возвратными частицами — бэ:н, йэ:н, развившимися в —а:н, —э:н.

Касаясь аффиксов множественного числа, А. Бобровников отмечает, что показатели множественного числа не имеют никакого отношения к типам склонения имен существительных, в этом с ним трудно согласиться.

В 1915 году проф. В. Д. Котвич издал "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка", который в 1929 году был переиздан.

В этой грамматике В. Д. Котвич различает четыре типа склонения: простое, двойное, лично-притяжательное и возвратное.

Простой формой склонения В. Д. Котвич считает обычную форму склонения, когда к основе слова присоединяется падежный аффикс. Он называет аффикс приставкой. Двойным склонением, по его мнению, считается такое склонение, когда "появляются рядом приставки двух падежей"¹. Лично-притяжательным он называет такое склонение, когда "личные притяжания ставятся после форм всех падежей."² Возвратное склонение — это такое склонение, когда "притяжание возвратное —а:н, —э:н также ставится после приставок падежей, сливаясь с ними в одно целое."³

Простую форму склонения имен В. Д. Котвич, в свою очередь, подразделяет на четыре группы склонения.

К первой группе простого склонения относятся, как он пишет слова, оканчивающиеся на согласные, кроме н:ац "зверь", тоб "пушка", бичик "письмо". Ко второй группе — слова, оканчивающиеся на краткие гласные: ха:лла "дорога", экэ "мать", үлдү "сабля". К третьей группе — слова, оканчивающиеся на долгие гласные: то: "число", тө: "пядь", залуу "юноша". К четвертой группе — слова, оканчивающиеся на согласный н: тэргэн "телега", йуун "что", күчн "человек". Кроме того, он выделяет пятую группу, куда относит склонение некоторых категорий местоимений, отличающихся своими пара-

дигмами от указанных выше групп склонения.

В.Л.Котвич различает десять падежей:именительный(неоформленный),звательный,родительный,дательный,винительный,творительный,соединительный(две формы),направительный и предельный.

Вопрос о классификации имен существительных по типам склонения в последнее время был предметом неоднократного обсуждения.Широкое развитие народного образования после Великого Октября, обучение родному языку сначала в начальной,затем – в неполной средней и средней школах потребовали и уточнения системы склонения современного калмыцкого литературного языка,нормализации ее и унификации терминологии.

Калмыцкие ученые,в частности,Б.Б.Бадмаев с проф.Б.К.Пашковым издают первые учебники для начальной школы.

В 1933 году Б.Б.Бадмаев и проф.Б.К.Пашков издают "Грамматику калмыцкого языка для 3,4,5 классов".В этом учебнике имена существительные подразделены на четыре группы склонения:первая группа – слова с конечными согласными(нар "рука",гер "дом"),вторая группа – односложные слова(зо "спина",су "подмышки"),третья группа – дву и более сложные слова с конечными гласными(ноха "собака",дерэ "стремля"),четвертая группа – слова с конечным н(наси "столб",тэргн "телега").

Перу Б.Б.Бадмаева принадлежат также учебники по морфологии калмыцкого языка для восьмилетней школы и вуза.

В 1939 году Б.Б.Бадмаев издал первый стабильный учебник на родном языке для 5–7 классов.В этом учебнике имена существительные подразделены на четыре типа склонения:простое,двойное,возвратное и лично-притяжательное.

Простое склонение в свою очередь включает шесть групп склонения.К первой группе простого склонения,по мнению Б.Б.Бадмаева,относятся слова,оканчивающиеся на согласные,за исключением слов с конечным н:нар "рука",бус "ремень",мал "скот",беш "печь",көөрг "мех",болд "сталь".Сюда же отнесены слова типа бахн "столб",бөкүн "комар",батхн "муха",күрн "хорек",арат "лисица" и др.Ко второй группе отнесены односложные слова с открытым слогом:зо "спина",бу "ружье",се "ночь",то "число".К третьей группе – дву и многосложные слова,оканчивающиеся на гласные:наха "свинья",дерэ "стремля",ноха "собака",паяха "рак".К четвертой группе – слова,оканчивающиеся на н с прашествующим согласным:носн "сапоги",мөрн "лошадь",К пятой группе – слова,оканчи-

вающиеся на н с предшествующим гласным: яман "коза", темэн "верблюд". И, наконец, к шестой группе — слова, оканчивающиеся на н: аң "зверь", арслн "лев".

В учебнике даются 10 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, соединительный, совместный, исходный, направительный и предельный.

В 1940 году вышел четвертым изданием учебник Б. Бадмаева для 3-го класса, где имена существительные простого склонения подразделены на три группы склонения. Перечисляются те же десять падежей в таком же порядке, как в его учебнике для 5-7 классов.

В том же году вышла "Грамматика калмыцкого языка" проф. Г. Д. Санжеева⁴. В этой грамматике указываются следующие десять падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, орудный, соединительный, совместный, исходный, направительный, предельный. Далее приводится сводная таблица склонения. В основу классификации по типам склонения положены конечные звуки основы слова. Исходя из этого, имена существительные подразделены на следующие пять групп: а) слова, оканчивающиеся на долгий гласный в односложных словах; б) на долгий гласный в неодносложных словах; в) согласный н; г) на согласный н; д) на любой согласный, кроме н и н; или редуцированный гласный.

Затем приводятся другие типы склонения под названиями: личное и безличное склонение, возвратное склонение, двойное склонение.

В 1940 году автором этих строк была издана "Правда калмыцкой орфографии", в которой имена существительные подразделены на три типа склонения. Первый тип — слова с конечным неустойчивым н, второй тип — слова с конечным согласным, третий тип — слова с конечным ясным гласным.

В 1958 году Б. Б. Бадмаев в соавторстве с проф. Б. К. Пашковым издает учебник калмыцкого языка для 4 класса, где даются три группы склонений. Классификация имен существительных по группам склонения произведена так же, как в нашей указанной работе.

В 1959 году Б. Б. Бадмаев переиздает "Грамматику калмыцкого языка" для 5-6 классов. В ней уже дается семь групп склонения. В самостоятельную группу склонения выделены слова с конечным неясным гласным типа: бахн "столб", күрн "хорек".

В переизданном в последующие годы в соавторстве с А. Ченкалиевой учебнике калмыцкого языка для 5-6 классов Б. Б. Бадмаев

делит имена существительные уже на три группы склонения. К первой группе склонения отнесены слова с конечным согласным, ко второй группе склонения – слова с конечным неустойчивым н, к третьей – слова с конечным гласным.

В 1966 году Б.Б.Бадмаев издал Грамматику калмыцкого языка (Морфологию) в качестве учебного пособия для вуза. В этой работе имена существительные подразделены на три группы простого склонения. К первой группе отнесены слова с конечным согласным, ко второй – слова с конечным н, к третьей – слова с конечным гласным. Перечисляются девять падежей: именительный, винительный, родительный, дательный-местный, творительный, соединительный, совместный, исходный и направительный.

Кроме простого склонения, даются двойное, возвратное и лично-притяжательное склонения.

В 1974 году Н.Н.Убушаев в соавторстве с Д.С.Дармаевой и А.Б.Чудутовой издают грамматику калмыцкого языка для 3 класса. В этом учебнике даются три типа простого склонения. К первому типу относятся слова с конечным согласным, ко второму типу – слова с конечным неустойчивым н, к третьему – слова с конечным гласным. Кроме того, выделяется в особый тип склонение заимствованных слов.

Приведенные выше данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Ученые, занимавшиеся калмыцким языком в советское время, имели своих предшественников в лице профессоров А.Попова, А.Бобровникова и В.Л.Котвича, капитальные труды которых до сих пор не потеряли своего научного значения и в области системы склонения калмыцкого языка.

2. Б.Б.Бадмаев, первый калмыцкий профессор, внесший значительный вклад в разработку грамматической системы современного калмыцкого языка, как видно из его работ, полностью придерживался системы склонения, изложенной в грамматике В.Л.Котвича, а именно – выделяя 4-х типов склонения: простого, двойного, возвратного, и лично-притяжательного.

Б.Б.Бадмаев, как и В.Л.Котвич, приводит сначала десять падежей. Но в отличие от В.Л.Котвича соединительный падеж с аффиксом -та, -тэ называет совместным падежом, опускает звательный, а в дальнейшем и предельный падежи.

3. В настоящее время продолжает существовать разноречивая классификация простого склонения по типам: одни авторы делят

простое склонение на три группы, другие — на четыре — пять, а третья — на семь. При этом одно количество склонений указывается в учебниках для начальной школы, другое — для средней школы, третье — для вуза. Одни авторы относят к первой группе простого склонения слова с конечным согласным, другие — с конечным неустойчивым **н**, третья — с конечным гласным. Примеры, приводимые по тем или иным типам склонения, зачастую неубедительны, и не служат образцом.

Все это свидетельствует о том, что вопрос о нормализации системы склонения в грамматике современного калмыцкого языка полностью еще не решен, и такое положение в дальнейшем недопустимо.

В связи с подготовкой к изданию нормативной грамматики современного калмыцкого литературного языка и задачами преподавания калмыцкого языка в Калмыцком государственном университете со всей остротой встал вопрос об обеспечении преемственности в прохождении программы по калмыцкому языку между средней школой и вузом, с одной стороны, и об устранении имеющегося разрыва в освещении тех или иных грамматических понятий, с другой.

Все это, в свою очередь, потребовало пересмотра программы калмыцкого языка для начальной и средней школы, уточнения существующих грамматических терминов, дальнейшей разработки целого ряда курсов по современному калмыцкому языку, приведения в определенную последовательную систему грамматических категорий, в том числе и нормализации системы склонения калмыцкого языка.

Склонение, как известно, является одним из основных морфологических признаков имени существительного.

В калмыцком, как и во многих других языках, существуют различные типы и разновидности склонения. Классификация слов по типам склонения зависит от качества конечного звука основы слова. Основа слова является морфологически общей для единственного и множественного числа, т.е. при склонении употребляются те же самые падежные аффиксы, но они имеют фонетические варианты в зависимости от качества гласных основы слова.

Выделение трех типов склонения произведено нами на основе группировки слов по составу гласных и качеству конечного звука основы слова, а также особенностей падежных форм, т.е. однотипности окончаний, которые получают при изменении по падежам и числам слова данного склонения.

Предлагаемая нами система склонения калмыцкого языка та-

кова: I. Первое склонение (негдгч киисклн) – слова с конечным н типа: яман "коза", темэн "верблюд", носн "сапоги", мерн "конь". 2. Второе склонение (хойрдгч киисклн) – слова с конечным согласным и с конечным неясным гласным типа: нар "рука", кел "нога", худг "колодец", аң "зверь", көвң "вата", уңг "корень", чон "волк", арат "лисица", бахн "столб", үй "период", толь "словарь". 3. Третье склонение (нурвдгч киисклн) – слова с конечным ясным гласным типа: така "курица", ширэ "стол", то "число", ду "младший брат".

К аффиксам падежей этих склонений могут присоединиться еще возвратные, лично-притяжательные частицы и аффиксы косвенных падежей. Склонения с указанными показателями для удобства названы нами так:

1. Склонение с двойным падежом (давхр киисквртэ кииклн).
2. Склонение с возвратной частицей (эврэ хувстэ киисклн).
3. Склонение с лично-притяжательной частицей (бий хувстэ киисклн).

Таким образом, устраняется разнобой в классификации склонения по типам, и, как в русском языке, склонения обозначаются порядковыми номерами I, II, III. Эти склонения охватывают все имена существительные калмыцкого языка.

В калмыцком языке нет категории рода. Поэтому при отнесении слова к тому или иному типу склонения учтено не звуковое окончание слова, а состав и качество конечного звука основы слова. В связи с этим принято в оборот старинное калмыцкое слово эцүс "конец": үгин эцүс "конец слова", слово чилгч "окончание" сохраняется в значении "падежный аффикс".

Большое значение имеет подбор слов – примеров по типам склонения. Слова калмыцкого языка в инициальной форме являются графически очень наглядными и имеют фонетическое соответствие с произношением. Исключения составляют слова с конечными неясными гласными. Эти слова относятся ко II склонению. В орфографическом словаре конечные неясные гласные слова обозначены кружочком (о). Поэтому классификация слов по типам склонения не вызывает затруднения. Однако слова, образующие разновидности того или иного склонения, нельзя выделять в особый тип склонения. Эти слова должны включаться в соответствующий тип склонения. Разновидности по падежам незначительны, и они указаны в парадигмах склонения в скобках.

Определение порядкового номера склонений является, в целом,

условным. Но нам кажется, что нельзя допускать безразличия и к этому вопросу. Здесь должна сложиться определенная традиция, обоснованная необходимостью и отвечающая дидактическим требованиям.

К I-му склонению отнесены слова с конечным неустойчивым н неспроста. Это вызвано двумя причинами: во-первых, падежные аффиксы слов с конечным н полностью дублируют падежные аффиксы вопроса нн? "что?". Это намного облегчает усвоение учащимися аффиксов падежей, напр.: р.п. — юна? — ямана, д.п. — юнд? — яманд, в.п. — юг? — ямаг, н.п. — юнур? — ямавур, т.п. — юнар? — ямар, с.п. — юнла? — яманла и т.д. Во-вторых, слова с конечным н имеют во множественном числе обычно один аффикс множественности: —д: яман — ямад "козы", мерв "мерд лошади".

Изучив сначала этот тип склонения, легче перейти к другим типам, в которых наличествует многообразие падежных аффиксов и показателей множественного числа. Здесь в таком случае последовательно применяется дидактический принцип — от известного к неизвестному, от простого к сложному.

В словах, относящихся к первому склонению, конечный н графически и фонетически не имеет различий, т.е. написание соответствует произношению. В словах данного типа конечный н является неустойчивым. В некоторых косвенных падежах этот согласный выпадает.

Что касается слов, относимых ко второму склонению, то здесь, как было сказано, наряду со словами, где графическое начертание конечных звуков основы слова совпадает с произношением, имеются слова, где графическое начертание конечной позиции слова не совпадает с произношением, например: нар "рука", кел "нога", но угь "слово", бахнь "столб", ахь "старший брат", эхь "мать", толь "зеркало". Такое явление объясняется редукцией кратких гласных непервых слогов слова. Редуцированные или неясные гласные на письме не обозначаются. Поэтому при отнесении слов с конечным гласным ко второму склонению следует учитывать не только графическое начертание конечного звука основы слова, но и произношение слова в целом, особенно его конечной позиции.

Редукция кратких гласных непервых слогов слова вызвала переход слов из одного склонения в другое. Слова с конечными краткими гласными ранее склонялись в группе слов с конечными гласными вообще. Теперь же слова с конечными неясными гласными склоняются по типу слов с конечными согласными основы. Поэтому II-

склонение имеет наибольшее количество морфологических особенностей.

Касаясь аффиксов множественного числа слов, относящихся ко II-му склонению, следует отметить, что аффиксом множественного числа некоторых слов является -с. Данный аффикс множественного числа имеют дву- и многосложные слова с конечным неясным гласным в основе: бахис "столбы", шалис "косы", но угмуд "слова", уймуд "суставы".

К третьему склонению, как указано выше, отнесены не только те слова, которые имеют в конце своей основы ясные гласные. Такое разграничение имеет существенное значение при отнесении слов с конечными гласными к тому или иному типу склонения: слова с конечными ясными гласными относятся к III склонению, с конечными неясными гласными — ко II склонению. Все ясные гласные первых слогов исторически восходят к долгим гласным или дифтонгам.

Слова III склонения, как правило, получают аффикс множественности -с: такас "куры", дэрэс "стремена".

Основными причинами, вызвавшими перегруппировку слов в типах склонения в калмыцком языке, явились редукция кратких гласных первых слогов, развитие дифтонгов в монофтонги, а долгих гласных — в соответствующие краткие ясные гласные фонемы в определенной позиции слова. В древнерусском языке типы склонения строились по последним звукам исторических основ, но затем произошло переобразование склонений: существительные объединились в склонение по признаку грамматического рода. Категория рода оказалась ведущим принципом, лежащим в основе образования типов склонения в русском языке.

При группировке слов по типам склонения в калмыцком языке учитывались следующие закономерности:

1. Закон гармонии гласных, т.е. сингармонизм. В соответствии с этим законом падежные аффиксы, присоединяемые к тем или иным словам, имеют не морфологические, а фонетические варианты. Слова с заднерядными гласными имеют аффиксы с заднерядным составом гласных; слова с переднерядными гласными — аффиксы с переднерядным составом гласных: харар "рукой", такаһур "к курице", но герэр "домом", төгәһур "к колесу".

2. С появлением в калмыцком языке палатализованных согласных как особых фонем различение основ имен существительных производится, как в русском языке, по конечному твердому или

мягкому согласному основн слов. Так, слова с твердорядными гласными, но с конечным л, н, д, т в родительном, винительном падежах получают аффикс с гласным ы: нал "огонь", р. п. — налын, хотын "пищи", в. п. — одыг "звезду", ханыг "стену". Но, если указанные согласные будут мягкими в отмечанной позиции слова, то в этих падежах будут употреблены аффиксы -ин, -иг, а в творительном, исходном и направительном падежах аффикс имеет начальный я или ю, напр.: толь "словарь", р. п. — толин, в. п. — толиг, т. п. — толяр, исх. п. — толясн, н. п. — толер и т. д.

В калмыцком языке склоняются все слова, как в единственном, так и во множественном числе. Нет несклоняемых слов. Но есть слова, которые не имеют множественного числа, напр.: слова типа мал "скот" и производные слова на -ан(-эн): мархан "паря", дердэн "соревнование". Вошедшие в калмыцкий язык из русского и через русский язык так называемые несклоняемые слова, а также слова, имеющие в русском языке только единственное или множественное число, полностью подчиняются законам калмыцкого словоизменения и словообразования. Такое явление объясняется тем, что при заимствовании иноязычных слов отбрасываются безударные родовые окончания и аффиксы множественного числа. Отсюда час "часы", каникул "каникулы", обществ "общество", студенчеств "студенчество", но депо, пальто, кашне, Москва. К этим и подобным им словам присоединяются любые аффиксы калмыцкого языка в общем порядке.

При склонении имен существительных обычно ставятся, как и в русском языке, вопросы кен? "кто?", юн? "что?". Разница в постановке этих вопросов по сравнению с русским языком заключается в том, что вопрос кен? ставится к именам существительным, обозначающим только человека, иначе говоря, разумное существо, а ко всем остальным одушевленным и неодушевленным предметам ставится вопрос юн?

Категория падежа имен существительных в калмыцком языке, как во всех монгольских языках, является словоизменяющей категорией.

Имена существительные, принимая падежные формы, вступают в предложении в синтаксическую связь с другими словами. Падежные формы при склонении обычно различаются аффиксами.

В агглютинативных языках, каким является калмыцкий, в отличие от флективных языков, формы окончания называются аффиксами

падежей, они являются однозначными, т.е. обозначают одну определенную грамматическую категорию, выражая отношение между зависимыми членами сочетания. Следовательно, падеж представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имени. Напротив категории падежа имена противостоят глаголам.

Падежная система калмыцкого языка представлена девятью падежами. Они имеют определенные названия: именительный (нерлгч), родительный (тергч), дательный (еггч), винительный (гемгч), творительный (бурдэгч), соединительный (ниилулгч), совместный (хамцулгч), исходный (наргч), направительный (залгч).

Кроме этих падежей, в литературе встречаются звательный (дуудгч) и предельный (тулгч) падежи. Эти падежи имеют крайне ограниченное употребление и образуются не от любых имен существительных. Звательный падеж представляет собой скорее форму обращения, конечный слог слова в звательном падеже произносится долго и с ударением: Кермьн "имя" – Керме:н и Кермэ:, Доржъ (имя) – Доржа:, Босхмъ (имя) – Босхмжа:, Аффиксы звательного падежа – а:, э:.. Предельный падеж имеет аффикс -ца(-цэ): шаһаца "по шиколотку", өвдгэ "по колено".

Некоторые падежи могут управляться послеслогами: ду "младший брат", дүүһин төлэ "ради младшего брата", удин өмн "перед обедом", гэр тал "к дому", ахла хамдан "вместе с братом" и т.д.

Калмыцкий дательный падеж не адекватен русскому дательному падежу. Точнее его называть дательнo-местным падежом. Но, придерживаясь установившейся традиции, мы называем его дательным падежом. Этим падежом обозначаются не только косвенный объект, но и лицо, предмет или пункт, по направлению к которому совершается действие, отрезок времени, в течение которого происходит какое-либо действие, место, предмет, учреждение, коллектив, где что-либо находится, пребывает или совершается действие и т.д.

Падежи калмыцкого языка с точки зрения их значения и основной синтаксической функции делятся на две группы: группу падежей с пространственными значениями и группу падежей, не имеющих пространственных значений. Падежи с пространственными значениями – это дательный, исходный и направительный. Они обозначают место и исходный или конечный пункт действия или движения.

Именительный падеж выражается именной основой и является основной или прямой формой имени и по своему значению в предложении противопоставляется всем другим косвенным падежам. Име-

нительный падеж не имеет формальных показателей (аффиксов) и выступает в нулевой форме (или в форме основы).

При словоизменении все аффиксы косвенных падежей присоединяются к этой именной основе.

Исключение составляет усеченная или нулевая форма винительного падежа, когда имя может употребляться без аффикса винительного падежа. В этих случаях имена существительные в именительном и винительном падежах имеют одинаковую или совпадающую основу, а в словах с конечным неустойчивым н последний выпадает: мөрн "конь", мөр бәрх "поймать коня", но һар "рука", һар боох "завязывать руки".

Определенный интерес представляют соединительный и совместный падежи. А. Попов и А. Бобровников рассматривали их как один падеж. Первый называл его творительным совокупительным, второй — соединительным падежом.

Впервые В. Л. Котвич рассмотрел их как самостоятельные два падежа, назвав их соединительный I и соединительный II. Б. Б. Бадмаев назвал соединительный II падеж совместным падежом, что больше соответствует истине.

Данный падеж, помимо всего прочего, обозначает объект обладания: мөртә күн "человек, имеющий лошадь", признак субъекта: күчтә күн "сильный человек". Такая двойственность природы данного падежа, нам кажется, вызвана тем, что омертвевший суффикс прилагательного -т, восходящий к -ту, -тү, в свое время семантически слился с аффиксом -та (-та) и -тә (-тә). Теперь происходит отпочкование и образование особого суффикса прилагательного -та, -тә в отличие от падежного аффикса -та, -тә, составляющего с последним омоним. Можно констатировать, что отвлеченные имена существительные с аффиксом -та, -тә должны рассматриваться как имена прилагательные. Предметные же имена существительные пока сохраняют значение объекта обладания. Поэтому сужается роль совместного падежа.

В калмыцком языке не было направительного падежа. Появление этого падежа, как отмечает Г. Д. Санжеев, связано с переходом послеслога уру: (→ру) в аффикс падежа (-ур, -үр): һол уру → һолур "к реке". С образованием этого падежа часть функций дательного падежа перешла к направительному падежу, и сузилось употребление послеслога тал: гер тал "к дому", теперь больше говорят: герүр "к дому".

Известный интерес представляет также склонение слов с конечным н. В историческом прошлом слова с конечным н в родительном падеже имели аффикс -и. Кроме того, встречались аффиксы -а, -э. Последние в современном калмыцком языке развились соответственно в аффиксы -а, -э. Эти аффиксы, в свою очередь, получили двоякое семантическое развитие: с одной стороны, они сохранились как аффиксы родительного падежа в словах с конечным н, а с другой — они развились в суффикс относительного прилагательного от слов с конечным согласным: цэрг "войско" — цэргэ "военный, войсковой". Аффикс родительного падежа -и развился в суффикс, образующий относительное прилагательное от слов с конечным н: зурки "сердце" — зуркини "сердечный", дарани "очередной".

По указанным выше трем типам склоняются, кроме имен существительных, и другие именные части речи. Не случайно А. Попов, А. Бобровников и В. Л. Котвич не выделяли особое склонение отдельных именных частей речи, за исключением местоимения.

А. Попов справедливо указывал, что "прилагательные имена, находясь перед своими существительными, не склоняются".⁵ В. Котвич дальше развил эту мысль, впервые указав на субстантивацию имени вообще. Он писал, что "в калмыцком языке склоняются имена существительные, а также прилагательные, местоимения, числительные и причастия, когда они играют роль существительных".⁶

Необходимо отметить, что выполнение той или иной частью речи роли имени существительного не означает еще ее перехода в существительное. Имя прилагательное, например, выполняющее роль имени существительного, не перестает быть именем прилагательным. И не каждое имя прилагательное или причастие субстантивируется. Только в случае полной субстантивации имя прилагательное или причастие переходит в разряд существительных, напр.: хустг "спички", татдг "выдвижной ящик", баячуд "богачи".

Подуточно заметим, что в современном калмыцком языке посредством аффиксов творительного падежа образуются наречия от качественных прилагательных и некоторых имен существительных, точнее, наречие в данном случае представляет собой застывшую форму творительного падежа. Падежные аффиксы -инэр ~ инэһэр, -аһар ~ эһэр, -тэһэр ~ таһар в известной мере могут уже рассматриваться как суффиксы, образующие наречия: советинэр "по-советски", кевүнэһэр "по-сыновьему", йовһар "пешком", хурдар "быстро", һашутаһар "горько", күчтэһэр "сильно".

Как известно, непроходимой грани между частями речи не бывает, однако нельзя допускать смещения граней между частями речи и членами предложения. Здесь следует исходить из морфологических показателей и лексико-семантического значения слов.

Падежные аффиксы имен существительных принимают только те именные части речи и причастия, которые подвергаются субстантивации и при склонении группируются по указанным выше типам склонения имен существительных.

Изложенные далее материалы о парадигмах склонения опущены, так как об этом более подробно сказано в "Грамматике калмыцкого языка". Элиста, 1983. С. 109-116.

---

1. Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка.

Пг. - 1915. С. 82.

2. Котвич В. Л. Там же. С. 85.

3. Котвич В. Л. Там же. С. 87-88

4. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 35.

5. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. С. 75.

6. Котвич В. Л. Там же. С. 66.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА
(Сб. КНИИИЭ "Глагол и глагольные формы современного
калмыцкого языка." Элиста, 1979)

Спряжение глагола в калмыцком языке, как и в любом другом, является одним из важнейших элементов грамматического строя языка.

Под спряжением обычно понимают систему изменения глаголов. В современном русском языке глаголы, как известно, изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям, в прошедшем времени и сослагательном наклонении единственного числа также по родам. В калмыцком же языке, как и в бурятском, глаголы изъявительного наклонения изменяются по временам, лицам и числам. Глаголы калмыцкого языка в отличие от русского не имеют особых аффиксов лица, нет у них и личных окончаний. В качестве показателя личных окончаний выступают лично-предикативные частицы -в, -ч, -видн, -т. Би келув. "Я сказал". Чи келуч. "Ты сказал". Бидн келувидн. "Мы сказали". Та келут. "Вы сказали". Эти частицы представляют собою усеченную форму личных местоимений первого и второго лиц обоих чисел: би → в, чи → ч, бидн → вдн (в орфографии -видн), та → т.

В третьем лице обоих чисел отсутствует грамматический показатель лица, т.е. третье лицо множественного числа не оформляется особым окончанием, выражающим лицо, и совпадает с формой единственного числа: Тер умшла. "Он читал". Тедн умшла. "Они читали."

Спряжение глаголов выражает отношение действия к говорящему лицу. 1-ое лицо — говорящий, 2-ое лицо — собеседник, 3-е лицо — лицо, о котором говорят, оно не участвует в беседе. Следовательно, если субъектом действия является сам говорящий, глагол употребляется в форме 1-го лица ед. или мн. числа: Би бичжэнэв. "Я пишу". Бидн бичжэнэвидн. "Мы пишем". Если субъектом действия является не говорящий, а его собеседник, к которому непосредственно обращается говорящий, глагол употребляется в форме 2-го лица ед. или мн. числа: Чи сээнэр келжэнэч. "Ты хорошо говоришь". Та сээнэр келжэнэт. "Вы хорошо говорите". Субъектом действия 3-го лица глагола обоих чисел является лицо, к которому говорящий не обращается, не ведет с ним беседы. Тер чикэр медв. "Он правильно понял". Тедн чикэр меджхэв. "Они правильно поняли".

Далее освещается структура калмыцкого глагола.

Показатели лица

единственное число	:	множественное число
1. би —в	:	1. бидн —видн
2. чи —ч	:	2. та —та
3. тер —	:	3. тедн —

Отмеченные выше показатели лица являются по существу частями сказуемости. Эти сказуемые частицы носят универсальный характер. Любая часть речи, выступающая в предложении сказуемым (предикатом), может принимать личное показателя. Поэтому эти показатели справедливо называют лично-предикативными частицами. Отсюда, имена, выступающие в роли сказуемого (предиката), принимая личные показатели, или, проще, личные частицы, функционально глаголизируются. Би — багтя. "Я — учитель." Чи — пионерч. "Ты-пионер".

Интересно попутно заметить, что личные местоимения, выступая в роли сказуемого, так же могут приобретать лично-предикативные частицы. Чамаг сурхнь — бив. "Тот, кто научит тебя — я". Тедниг шуухнь чич. "Тот, кто выиграет у них — ты". Тедниг дилхнь — бидмдн. "Те, кто победит их — мы".

Лично-предикативная частица первого лица ед. числа может выступать в форме б, а во множественном числе — в форме мдн (мадн ~ бидн). В этих случаях в словах с конечным н в ед. ч. последний ассимилируется м, во множественном числе выпадает. Би теруве нудмб. "Я его глаза". Бидн цунар — улачудвидн. "Мы все красивые".

Несмотря на то, что лично-предикативные частицы носят в целом универсальный характер, они обладают типичным грамматическим свойством глагола. В отличие от имен, глаголы в форме времени и наклонения принимают личные окончания.

Структура калмыцкого глагола в личной форме состоит из следующих элементов: 1) корень или основа; 2) аффикс времени или наклонения; 3) показатели лица или лично-предикативные частицы.

Аффикс времени обычно предшествует личному показателю: Би бичжэньв. "Я пишу", Би умшлав. "Я читал". Чи ярчч. "Ты придешь". Здесь аффиксами, обозначающими временные отношения, являются жа, на, ла, х. Глаголообразующие суффиксы обычно следуют за именными основами. Бидн "Хар наэрт" твлзувидн. "Мы зимовали на "Черных землях". Здесь з — суффикс, образующий глагол, у — аффикс недавно-

прошедшего времени. — вид — лично-предикативная частица I-го лица мн. числа.

В тех случаях, когда аффиксы побудительного, страдательного и совместного залогов встречаются в структуре глагола изъявительного или желательного наклонений, они размещаются строго последовательно. За глагольной основой следует аффикс побудительного залога, затем — страдательного. После аффиксов времен следует личное окончание. Би умшулув. "Я заставил прочитать". Би цокулгдлав. "Я был избит". Би бичулгдсв. "Я постараюсь подписаться". Аффиксы взаимного и совместного залогов в структуре глагола размещаются за его основой перед аффиксами желательного или изъявительного наклонений: Би зурлцсв. "Я желаю принять участие в рисовании". Чи умшлцхч. "Ты примешь участие в чтении". Бидн шин ду дууддувидн. "Мы вместе пели новую песню".

Различные частицы, входящие в состав спрягаемого глагола, имеют свои закономерности в порядке размещения в нем. Они обычно следуют за временными аффиксами, но обязательно стоят перед лично-предикативными частицами. Примеры:

1. Подтвердительная частица д: Би келнэлв. "Я действительно говорю". Чи оньдин келнэч. "Ты всегда действительно говоришь". Та эвугэн эртэс сурхжаналт. "Вы его действительно рано начинаете учить". Бидн теруг үзхлвидн. "Мы его действительно увидим". Тер одахн ирлэл. "Он недавно действительно приехал". Та ора ирлэлт. "Вы действительно пришли поздно". Как видно из этих примеров, частица д расположена после аффиксов времен и перед лично-предикативными частицами.

2. Отрицательные частицы ш, го (← уга ← үгэл). Би келхшив. "Я не скажу". Бидн келжэхшивидн. "Мы не говорим". Та үзжэхшт. "Вы не видите". Чи меджэхшч. "Ты не понимаешь".

Отрицательная частица д перед лично-предикативными показателями первого лица обоих чисел получает полногласный и. Эта частица встречается только с аффиксом будущего времени х в сочетании его с морфемой жа (← жэ), восходящей к сочетанию аффикса соединительного деепричастия жи с аффиксом вспомогательного глагола дэ "будь" (← а ~ э ← баг). Отрицательная частица го обязательно требует перед собой частицу ш. Сочетание двух отрицательных частиц шго (ш + го) не встречается при временных показателях. Когда эти частицы непосредственно сочетаются с глагольной основой, образуется будущее время: Би үзшгов. "Я не увижу". Бидн

умшговидн. "Мы не будем читать". Та йовшгот. "Вы не поедете".

3. Морфема -чк, восходящая к аффиксу соединительного деепричастия -д и элементу -к вспомогательного глагола орк (к-орки), выражающая законченность действия, всегда ставится между глагольной основой и временным аффиксом. Би келчклев. "Я сказал". Бидн кучэчкилвидн. "Мы оказываемся, выполнили", Та умшклат. "Вы прочитали". Чи некэдур ирчкчч. "Ты послезавтра придешь".

Первое упоминание о лично-предикативных частицах, как об особом грамматическом явлении в калмыцком языке, дает В.Л.Котвич. Более подробно излагает этот вопрос Г.Д.Санжеев³. Он отмечает, что сказуемое первого и второго лиц обоих чисел независимо от того, выражаются они именем или глаголом, сопровождаются личными частицами, которые по своему происхождению являются личными местоимениями (первого и второго лиц обоих чисел) с усеченными гласными.⁴

Изученные нами материалы показывают, что появление лично-предикативных частиц в калмыцком языке относится к сравнительно недавнему прошлому. В "Грамматике калмыцкого языка" проф. А.Полова ничего не сказано об этих частицах.⁵ В текстах указанной грамматики⁶ встречаются предложения: Би гэр бариху буі (а). "Я построил дом". Би эсэ мэдэлэі (б). "Я не знал". Би төүни эрдэми эсэ соносогсов бөлөгэ (в). "Я не слышал о его достоинствах". Чи бичиг бичику буі (г). "Ты будешь писать письма". Чи йуу кэжи байинаг (д). "Что ты делаешь?"

Во всех этих предложениях лично-предикативные частицы отсутствуют. Указанная конструкция предложений без лично-предикативных частиц перекликается с такими же типами предложений в современном монгольском языке.

Изложенное выше подтверждается также данными и из "Грамматики монгольско-калмыцкого языка" проф. А.Бобровникова. Здесь⁷ в текстах находим предложения: Би нигэ шубууни алабаг (а). "Я убил одну птицу". Би...абула (б). "Я взял". Одо: чи йуу кэлэнэм? (в). "Теперь ты что скажешь?"

В старописьменных калмыцких текстах, а также в текстах и примерах, приведенных в указанных двух грамматиках, личные местоимения первого и второго лиц обоих чисел последовательно приводятся в конце предложений.

В грамматике А.Полова⁸ читаем: Дэгтэрэ: н олтола хайиху би (а). "Я буду искать свою книгу до тех пор, пока не найду". (Здесь

хайху → хэ:хэ "искать" в отличие от хайаху → хайхэ "бросать".) Угэ:су чини дабсан йадаба би(б). "Я не мог нарушить твоих слов". Тоуни ирэхуйги мэдэбэ би(в). "Я знал, что он придет". Бичина! чи (г). "Пишешь ли ты". Мөнгө өгөнэ! та(д). "Дадите ли вы деньги".

Подобные примеры можно привести и из грамматики А.Бобровникова.⁹ Тэйимэ сайихан йуума үзэ:д үгэ: билэ: бида(а). "Такого прекрасного мы еще не видывали". Эдэвлэ: дайилдайа бида(б). "Мы с ним сразимся". Нуурту күрбэ бида(в). "Мы достигли озера".

Во всех этих предложениях личные местоимения стоят в самом конце, непосредственно входя в состав сказуемого и выражая лицо субъекта. Неслучайно А. Попов констатировал, что "спряжением в калмыцком языке называется изменение глаголов по наклонениям и временам, лица же и числа определяются личными местоимениями."¹⁰

Встречается вемало предложений, в которых при наличии личных местоимений, являющихся субъектом предложения, эти же личные местоимения дублируются в составе сказуемого, тем самым согласуя сказуемое с подлежащим в лице и числе. Би эсэ кэлэбөү би.¹¹ "Разве я не говорил", Би йабула: би(а). "Я ухожу".

Постпозиция личных местоимений первого и второго лиц обоих чисел в составе сказуемого для выражения лица и числа субъекта являлась установившейся грамматической формой в старописьменном калмыцком языке. Со временем указанная позиция личных местоимений и позволила им превратиться в лично-предикативную частицу.

Переход постпозитивных личных местоимений в лично-предикативные частицы, видимо, начался значительно раньше середины XIX века. Это можно заключить из примечания к § 280 грамматики А. Бобровникова,¹² где сказано: "Когда за этой формок (отрицательной частицей ш — Д. П.) следует местоимение би, последняя гласная причастия и гласная местоимения часто теряются, а буква ш принимает гласную и. Например, говорят мэдэхшибь. "Я не знаю", Чидэхшибь "И не могу".

Уже к концу XIX века завершается переход постпозитивного би в бь, а затем в -в. Такой переход губно-губного смычного б в губно-губной шелевой -в обусловлен интервокальным положением согласного б. Как видно из приведенного примера, гласный и местоимения би сначала редуцировался, что отмечено твердым знаком (ъ), а затем вовсе выпал. В настоящее время лично-предикативные частицы -в (← би), -ч (← чи), -т (← та) не имеют после себя никаких гласных, вернее, в потоке речи никакие гласные после них не про-

износятся.

Переходу постпозитивных личных местоимений в лично-предикативные частицы, на наш взгляд, в значительной мере способствовала система передачи повелительно-просительной формы глагола 2 лица через посредство личных местоимений чи "ты", та "вы". В грамматике А. Бобровникова приводятся такие примеры: йаба:: чи, йабу | чи "иди", еге: чи, еге | чи "дай", бичи: чи, бичи | чи "напиши", һуйһа: та "попросите". При этом утверждается, что "для местоимений чи и та эта форма не употребительна".

В настоящее время указанные сочетания произносятся так: йович "иди", егич "дай", бичич "напиши", һуйит "попросите". Показатели -ч, -т в составе -ич, -ит восходят к личным местоимениям чи и та, а элемент и — это суффикс, образующий повелительно-просительную форму. Но он без этих частиц -ч, -т не употребителен. Поэтому показатели -ич, -ит должны рассматриваться как особые морфемы, образующие повелительно-просительную форму глагола 2 лица обоих чисел. Исторически, на наш взгляд, элемент и — результат метатезы -чи на -ич: чи — келич, а форма -ит — это закономерный процесс уподобления. Этому способствовала живая форма типа бичи чи.

Таким образом, спряжение глаголов в калмыцком языке оформляется при помощи частиц сказуемости. Часть речи, выступающая в предложении сказуемым, принимает личные частицы — показатели действия субъекта. Эти личные частицы, представляющие собой лично-предикативные частицы, присоединяются к любой сказуемостной основе без каких-либо изменений.

Переходя далее к освещению вопроса о категории времени в системе спряжения глагола, следует отметить, что в школьных учебниках по калмыцкому языку приводятся все три времени: настоящее, прошедшее и будущее. При этом констатируют, что настоящее время имеет две группы аффиксов: -на (-нэ), -жана (-чана), прошедшее время — три группы аффиксов: -в, -х (-ч), -ла (-лэ), а будущее время имеет аффикс -х. Эти аффиксы перечисляются по указанным трем временам без соответствующей дифференциации внутри этих времен в зависимости от тех оттенков значения, которые выражаются ими. Лично-предикативные частицы и аффиксы времен обозначены одним общим названием — суффиксы. Такая система передачи временных аффиксов глагола является, на наш взгляд, недостаточной с точки зрения развития у учащихся логического мышления.

Время глагола, как известно, является выражением отношения

действия к объективной действительности. Иными словами, грамматическая категория времени глагола связана с выражением объективного времени. Поэтому употребление временных аффиксов в точном соответствии с отражаемым ими отрезком времени и в указанном значении играет важную роль. Существенное значение имеет также терминологическая точность.

Аффиксы -на и -нэ, будучи аффиксами настоящего времени, охватывают три аспекта совершения действия: действие, происходящее в момент речи, действие, совершающееся безотносительно к моменту речи, и действие, которое совершится в момент речи и состоится после момента речи, т.е. в будущем. Не случайно данные аффиксы называются еще аффиксами настоящего-будущего времени.

В тех случаях, когда глагол с аффиксом -на(-нэ) выражает действие собственно настоящего времени, и конкретное действие происходит в момент речи, его можно назвать эдгэ ил паг "конкретное настоящее время". Сурульч школас аашна. "Школьник идет из школы". Та энд суунат. "Вы здесь сидите". Чи эн кэву меднэч. "Ты знаешь этого мальчика".

Если совершаемое действие носит общий и продолжительный характер, оно не бывает связано с моментом речи, вернее, совершается безотносительно к моменту речи. Это время можно назвать эдгэ йирин паг "обычное настоящее время". Эди шишлч ирнэ. "Они специально приходят". Тер йирин келнэ. "Он обычно говорит". Кэвуд ора ирнэ. "Ребята поздно приходят". Би оньдин оратнав. "Я всегда опаздываю".

Если действие совершается в момент и после момента речи, то такое время можно назвать эдгэ-ирх паг "настоящее-будущее время". Это относится к отдельным глаголам, которые могут одновременно выражать действие, связанное с настоящим и будущим временами. В этих случаях уточняется характер времени в зависимости от контекста. Минь ода бел кенэв. "Сейчас же приготовлю". Би меднэв. "Я знаю". Бида умшнавидн. "Мы читаем". "Мы прочитаем".

Следует здесь подчеркнуть, что глаголы, выражающие настоящее время посредством аффикса -на(-нэ) и стоящие в первом лице ед. и мн. числа, чаще других имеют указанную двойственную природу, т.е. выражают действие, носящее характер настоящего-будущего времени. При этом они больше тяготеют к будущему времени. Сравните: Би умшнав. "Я прочитаю", но: Чи умшнач. "Ты читаешь". Тер умшна. "Он читает".

Глаголы с аффиксом -на(-нэ), безусловно, обозначают действие

в настоящем времени. Но нам представляется целесообразным в школах, особенно в старших классах и вузе, обращать внимание на указанные особенности с целью развития логического мышления у учащихся.

Глаголы с аффиксом -жана (жэнэ), -чана (-чэнэ) выражают действия, происходящие в момент речи. Эти аффиксы образовались синтетическим путем от сочетания аффикса соединительного деепричастия на -ж, -ч и аффикса вспомогательного глагола ба (-ба) "быть" и наращення к ним аффикса времени -на (-нэ). Вспомогательный глагол ба в дальнейшем развился в -э (-а). Схематически это выглядит так: -ж (-ч) + э (-ба) + нэ → жэнэ — в словах с гласными переднего ряда, -жана — в словах с гласными заднего ряда.

Таким образом, аффикс соединительного деепричастия знаменательного глагола -ж (-ч) и сокращенная форма вспомогательного глагола -э (-а) образуют сложный аффикс -жа (-жэ), -ча (-чэ): суужа "посиди", келжа "продолжай говорить". При дальнейшем наращении к ним аффикса -на (нэ) образуется оложный суффикс настоящего времени: -жана (жэнэ), -чана (-чэнэ): нарчана (нар + ч + а + на), келжэнэ (кел + ж + э + нэ).

Аффикс -чана (-чэнэ) наращивается к основам глаголов с конечными глухими согласными ш, с независимо от того, имеются или не имеются после них редуцированные гласные, а также после конечных звонких согласных слова г, р, в (к-б), которые в конечной позиции слова обычно оглушаются: огчэнэ "дает", босчана "встает", ташчана "дает оплеуху", умшчана "читает", сурчана "учатся", курчэнэ "доходит", авчана "берет".

К глагольным основам, имеющим в своей конечной позиции все остальные согласные и гласные, наращивается аффикс -жана (жэнэ). К глаголам с конечными редуцированными гласными основы, перед которыми имеются согласные р, г, в наращивается тоже аффикс -жана (-жэнэ): суржана "спрашивает", кургжэнэ "отвозит", шивжэнэ "бросает".

Все указанные случаи отражают фонетический принцип.

Прошедшее время (енгрси цаг), как было сказано, имеет три группы аффиксов -в (-у, -ү), -ж (-ч), -ла (лэ). Посредством этих аффиксов выражается время действия, предшествующее моменту речи. В семантическом отношении глаголы в зависимости от того, с какими из этих аффиксов они употреблены, показывают различный отрезок прошедшего времени.

1. Недавнoпрошедшее время (одахн өңгрсн цаг) передается посредством аффикса -в, (~у, ү). Данный аффикс выражает действие, которое произошло только что, недавно, в ближайшее к моменту речи время. Это время выражает законченность действия. Би суув. "Я сел". Чи түүвч. "Ты собрал". Та көөт. "Вы прогнали". Би умшув. "Я прочитал". Бидн бячувидн. "Мы написали". Чи ирүч. "Ты пришел". Та медүт. "Вы узнали". Тер келв. "Он сказал". Төди келв. "Они сказали".

Аффикс прошедшего времени -в, будучи между глагольной основой с конечным согласным и лично-предикативными частицами первого и второго лиц обоих чисел, перешел в губной -ү(-у). Это явление закреплено в письменности. Би келүв. "Я сказал". Бидн умшувидн. "Мы прочитали". Чи бячүч. "Ты написал". Та ирүт "Вы прибыли", Но: Би суув "Я сел". Чи суувч. "Ты сел". Бидн түүввидн. "Мы собирали".

2. Прошедшее время (өңгрсн цаг) передается посредством аффикса -ж(-ч). Это время можно назвать еще обычно прошедшим временем (йирин өңгрсн цаг). Аффиксы прошедшего времени современного калмыцкого языка -ж и -ч, восходящие в старописьменном калмыцком языке к -жи, -чи, старописьменном монгольском к -жуху и -чуху, теперь стали омонимичными с аффиксами соединительного деепричастия современного калмыцкого языка -ж и -ч, последние восходят к старокалмыцкому -жи и -чи и старомонгольскому -жу и -чу. В современном монгольском языке прошедшее время передается аффиксом -жэ и -чэ, а соединительное деепричастие соответственно через -ж и -ч, как в современном калмыцком языке. Отсюда образование омонимичных форм вполне закономерно.

Глагол с аффиксом -ж(-ч) выражает действие, которое является обычным в прошлом, общеизвестным, само собой разумеющимся, иногда неожиданным и нечаянным. Аффикс -ж(-ч) употребляется при спряжении, как и другие аффиксы времён, в первом и во втором лицах обоих чисел. Хур орж. "Дождь шел". Гер бөрж. "Дом построил". Би умшчв. "Я, оказывается, прочитал". Чи ора иржч. "Ты, оказывается, поздно приехал". Генткн модн шатж. "Неожиданно загорелось дерево".

Этот аффикс широко употребляется в повествовательной форме речи, часто встречается в калмыцких сказках.

Между частицей совершенного вида -чк и аффиксом -ж(-ч) употребляется полногласный и: умшчкж "прочитал", келчкж "сказал", Би шүүчкжв. "Я выиграл". Бидн диилчкжвидн. "Мы победили". Чи медчкжч. "Ты действительно узнал".

На правописание аффиксов -ж и -ч при их наращении к тем

или иным глагольным основам распространяются изложенные выше в отношении правописания аффиксов -жана и -чана правила.

3. Давнопрошедшее время (урд өнгрс цаг) передается посредством аффикса -ла(-лэ). Данный аффикс показывает, что действие закончилось значительно раньше момента речи. Би келлэв. "Я говорил". Биди эрт ирлэвиди. "Мы рано приехали". Чи зург зурлач. "Ты писал портрет". Та кезэнэ бөддлэт. "Вы давно подготовили".

Глагол с аффиксом -ла(-лэ) выражает обычно действие прошедшего времени, законченность которого несомненна. Вместе с тем для передачи значения завершенности действия употребляется также морфема -чк, природа которой была указана выше: Би медчлэв. "Я узнал". Та умшклат. "Вы прочитали", Биди зурахан кудэчклэвиди. "Мы выполнили план".

Своего уточнения требует глагольный аффикс -х. У монголистов нет единого мнения в отношении этого аффикса как грамматического показателя будущего времени. Аффикс -х, восходящий в старописьменном монгольском, старописьменном калмыцком языках к -ху, -ху, рассматривается некоторыми учеными-монголистами как аффикс причастия будущего времени. Настало время сказать о наличии в монгольских языках, в частности, калмыцком и бурятском, причастия будущего времени и глагола будущего времени, как самостоятельных грамматических категорий, выраженных омонимичным аффиксом -х. Вполне правомерно будет, если отметим, что глагольный аффикс будущего времени -х, как самостоятельная грамматическая категория, со временем оттолкнулся от аффикса причастия будущего времени -х и по своей форме стал омонимичным с формой аффикса причастия будущего времени. Такая дифференциация произошла в связи с общим развитием грамматической системы калмыцкого языка, особенно его частей речи.

Основное отличие глагола будущего времени от причастия будущего времени заключается в следующем:

1. Будущее время изъявительного глагола, переданное посредством аффикса -х, обладает способностью как любые глаголы, присоединять лично-предикативные частицы. Би келхв. "Я скажу". Биди йовхвиди. "Мы поедим". Та сурхуль сурхт. "Вы будете учиться". Чи багш божхч. "Ты станешь учителем". Төди ирцэх. "Они придут".

2. Глаголы будущего времени, образуемые посредством аффикса -х могут сочетаться с различными частицами: Би юмнд йовхар бээхшив. "И никуда не собираюсь ехать". Чи теруг күлэхгоч. "Ты его не

пождеш".Эн көвүн сонън эңг келдлмн."Этот мальчик действительно сообщит интересную новость".

3.Глаголы будущего времени на -х, выступая в роли сказуемого, как и любые глаголы, всегда находятся в постпозиции и постоянно сохраняют за собой свойство глагольного управления:Бидн дегтр умшквидн. "Мы читаем книгу".Тедниг түргэр дуудхмн. "Надо их быстро вызвать".Здесь следует отметить, что причастия будущего времени на -х в сочетании со вспомогательным глагслом, выступая в роли составного глагольного сказуемого, несут лексическое значение, а вспомогательный глагол выполняет морфологическую функцию, указывая на число, время, лицо.Причастие на -х в этих случаях, являясь формой индикатива, сохраняет за собой его управление.Бичэч шулг умшк болв. "Писатель обещал прочитать стихотворение."Здесь шулг(стихотворение) управляется причастием умшк(читать), а вспомогательный глагол болв показывает категорию числа, лица и времени.

Из изложенного напрашивается вывод, что глаголы будущего времени в отличие от причастий будущего времени отвечают на глагольные вопросы, и, будучи сказуемыми, согласуются с подлежащим не только во времени, но и в лице и числе.

Что касается причастий будущего времени, образуемых посредством аффикса -х, то они, сочетаясь с именами, становятся определением к последним:Умшк дегтр, "Книга, которая будет прочитана".

Эти же причастия, сочетаясь с модальными словами, вспомогательными глаголами образуют составные сказуемые.Если глагол занимает всегда постпозитивное положение, то причастие будущего времени, как и любые другие причастия, занимает препозицию.Бидн диллвр делдх йоставидн. "Мы должны обеспечить победу".Би эн дегтр умшк билэв. "Я бы прочитал эту книгу".

К сказанному выше следует добавить, что синтетический способ образования глаголов и спряжение глаголов в указанной выше форме является более распространенным.Наряду с этим способом образования глаголов наличествует еще аналитический способ.Аналитические формы являются более ранними, я они образуются обычно из двух, а иногда трех глаголов.Ачлвринь бэрүлж өгч бээнэ. "Звучат награду".Сурһульчиг сундлж авч ирлэв. "Школьника привез я верхом на лошади".Бичэчиг тосч авхвидн. "Мы встретим писателя".

Во всех указанных случаях последний компонент изменяется по временам и лицам в форме глагола, а остальные глагольные фор-

мы, входящие в состав сказуемого, остаются без изменения в деепричастной или причастной основе. Это положение распространяется на имена, входящие в составное сказуемое. Би энугичи медулси бээжэ. "Я, оказывается, дал об этом понять". Та йир күчтэ бээжт. "Вы очень сильны". Чамаг ирхд, би унтси билэв. "Когда ты пришел, я уже спал".

Следует здесь отметить, что из вспомогательных глаголов самое широкое распространение имеет бээх "быть". Он употребляется во всех временах и лицах. Вспомогательный глагол билэ "был" употребляется только в прошедшем времени в сочетании с причастиями или именами. Эн шатрчиг би турги шүүдг билэв. "У этого шахматиста я быстро выигрывал". Боргчи — хурди мөрн билэч. "Серуха, ты быстрая лошадь". Вспомогательный глагол оркх "положить" спрягается в прошедшем и будущем временах только в сочетании с соединительным деепричастием. Келж орклав. "Я сказал". Умшч оркхч. "Ты прочитаешь". Шулунар күцэж оркна. "Быстро выполняет".

Публикуя эту статью, автор ставил своей целью оказать возможную практическую и методическую помощь учителям, преподающим калмыцкий язык.

Ниже прилагаются таблицы спряжения глаголов калмыцкого языка.

С п р я ж е н и е г л а г о л о в
(Үүлдэгчин хуврлт)
Настоящее время (Өдгэ цаг)

Показатели		Настоящее время		Лично-предикативные ч.	
число	лицо	(Өдгэ цаг)			
(то)	(нүр)			:(нүр хувс)	
		Аффиксы			
		: -на, -нэ	: -жана, -чана		
		:	: (-жана), (-чана)		
Единственное	1. би	: умшнав	оржанав харчанав	: -в	
		: бичнэв	иржэнэв күрчэнэв	: -в	
число (Нег то)	2. чи	: умшнач	оржанач харчанач	: -ч	
		: бичнэч	иржэнэч күрчэнэч	: -ч	
	3. төр	: умшна	оржана харчана	: -	
		: бичнэ	иржэнэ күрчэнэ	: -	
Множес-	1. биди	: умшнавиди	оржанавиди харчана-	: -види	
		:	види	:	

твенное		:	бичнэвидн	иржэнэвидн	күрчэнэвидн	:	-видн
число	2.та	:	умшнат	оржанат	нарчанат	:	-т
(Олн		:	бичнэт	иржэнэт	күрчэнэт	:	-т
то)	3.тэдн	:	умшна	оржана	нарчана	:	-
		:	бичнэ	иржэнэ	күрчэнэ	:	-

Будущее время (ирх цаг)

Показатели	:	Будущее время	:	Лично-преди-
число	лицо	:	(Ирх цаг)	кативные част-
(то)	(нүр)	:		(Нүр хувс)

Аффиксы

-х

Единст-	1.би	:	суухв	умшхв	хурахв	:	-в
венное		:	кехв	бичхв	күлэхв	:	-в
число	2.чи	:	суухч	умшхч	хурахч	:	-ч
(Нэг		:	кехч	бичхч	күлэхч	:	-ч
то)	3.төр	:	суух	умшх	хурах	:	-
		:	кех	бичх	күлэх	:	-

Множес-	1.бидн	:	суухвидн	умшхвидн	хурахвидн	:	-видн
твенное		:	кехвидн	бичхвидн	күлэхвидн	:	-видн
число	2.та	:	суухт	умшт	хураht	:	-т
(Олн		:	кехт	бичхт	күлэхт	:	-т
то)	3.тэдн	:	суух	умшх	хурах	:	-
		:	кех	бичх	күлэх	:	-

Прошедшее время (Өнгрсн цаг)

Показатели	:	Прошедшее время (Өнгрсн цаг)	:	Лично-
число	лицо	:	Надавнопр.:	Прошедшее или сдавнпроц.:
(то)	(нүр)	:	(одахн	обычно провед.:(Урд өнгрсн)
		:	өнгрсн)	(өнгрсн,эс гяж:
		:		(Нүр хувс)
		:	(йирин өнгрсн)	:

Аффиксы

Ед.ч.	1.би	:	суувв	суувж	өгчв	"суулав келэв	-в
		:	умшув	оржв	нарчв	орлав нарлав	-я
		:					

	:	бичув	ирлэ	курчэ	арлэв	курлэв	-в
(Нэг то) 2.чи	:	суувч	суужч	эггч	суулавч	көлэч	
	:	бичууч	орлч	курчч	орляч	нарляч	-ч
	:	умшуч	ирлч	нарчч	ирлэч	курлэч	
3.гөр	:	суув	сууж	эгч	суула	көлө	-
	:	умшв	орлч	нарч	орла	нарла	-
	:	бичв	ирлч	курч	ирлэ	курлэ	-
	:						
Мн.ч. I.бидн	:	суувбидн	суужбидн	көгвбидн	суулавбидн	көлөвбидн	
	:	умшувбидн	орлбидн	нарчбидн	орлавбидн	нарлавбидн	
	:	бичувбидн	ирлбидн	курчбидн	ирлэвбидн	курлэвбидн	
(Оян то) 2.та	:	суувт	суужт	көгт	суулат	көлөт	
	:	умшут	орлт	нарчт	орлат	нарлат	-т
	:	бичут	ирлт	курчт	ирлөт	курлөт	
3.төдн	:	суув	сууж	көг	суула	көлө	-
	:	умшв	орлч	нарч	орла	нарла	-
	:	бичв	ирлч	курч	ирлэ	курлэ	-

Примечание: I.Аффикс законченного действия **-чи** употребляется в глаголах прошедшего и будущего времени, размещается после глагольной основы, а при наличии аффикса **-цах(цхэ)** - после него: **ирчих, ирчихэчлэ, ирчихэчх, сууцахчих, умшцахчих.**

2.Аффикс множественного числа глаголов **-цах(-цхэ)** размещается в середине составного аффикса **-хана, -чана, т.е. так -хачхана, -чачхана (умшчачхана, келэцхэна).**

I.На письме является графическим омономом слова чич "ударь", но проносятся данный вариант как чичь.

2.Котвич В.Д. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петрозград, 1915. С.104-105.

3.Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940. С.83.

4.Санжеев Г.Д. Там же. С.83.

5.Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.

6.Попов А. Там же. С.143-а, 157-б, 160-в, 142-г, 154-д.

7.Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С.237-а, 246-б, 217-в.

8.Попов А. Там же. С.145-а, 156-б, 200-в, 154-г, 154-д.

9.Бобровников А. Там же. С.140-а, 262-б, 269-в, 177-г, 355-д.

10.Попов А. Там же. С.173.

11.Бобровников А. Там же. С.177, 355-а.

СОСТАВ СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

(Грамматика калмыцкого языка, Элиста, 1983)

Калмыцкий язык, как и другие монгольские языки, относится к типу агглютинативных языков. Это значит, что различные грамматические формы слова образуются путем последовательного прибавления к корню определенных аффиксов. При морфемном анализе слов обнаруживаются в основном два вида морфем — корень и аффикс.

Корень или корневая морфема — это обязательная, неделимая общая часть всех родственных слов. В корневой, или главной морфеме, заключено основное лексическое или знаменательное значение слова. Корень выделяется путем отделения аффиксов и вычленения общей, далее нечленимой части родственных слов. Корень, будучи структурным ядром, может без сочетания с другими морфемами обозначать слово: гэр(дом), то(число), эвр(рог), мал(скот).

Аффикс представляет собой грамматическую или служебную морфему, лишенную самостоятельного лексического значения. Служебная морфема является носителем словообразовательных и грамматических значений только в слове и его формах. Поэтому эти морфемы уточняют, конкретизируют значения знаменательных морфем. Так, в слове госхачирт(строителям) наличествуют госх(строй) — корень, —ач — аффикс, посредством которого образовалось новое слово госхач(строитель), —вр — аффикс множественного числа, —т — аффикс дательного падежа.

В агглютинативных языках, в которых наличествует закон слягармонизма гласных, аффиксы фонетически зависят от вокализма корней(основ).

Аффиксы по выполняемой ими функции подразделяются на: 1) словообразовательные, 2) формообразовательные и 3) словоизменятельные.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й а ф ф и к с

Это значимая часть слова, находящаяся после корня или основы, служащая для образования новых слов. Аффиксы присоединяются к производящей основе: бал(мед) + ч — балч(пасечник), нар(рука) + д (руководи) + вр — нардвр(руководство), мед(знай) + эд — медэн(по-

вятие), тогт(установись, утвердись) + а — тогта(установи, утверди, постанови)+ вр — тогтавр(постановление).

Словообразовательные аффиксы подразделяются на три вида: непродуктивные, малопродуктивные, продуктивные.

Непродуктивные -мш, -һ, -уд, -кр аффиксы при морфемном членении слова выделяются сравнительно легко, но они перестали воспроизводить новые слова: олз(доход), кедлмш(работа), зарһ(суд), йовуд(ход), девскр(подстилка). В этих словах выделяются соответственно корни ол(найди), кедл(действуй, трудись), зар(посылай, эксплуатируй) йов(иди), девс(стели).

Малопродуктивные аффиксы редко производят новые слова. При анализе слова по составу выделяются аффиксы в них также сравнительно легко: урһ-мл(растение), урсх-мл(раствор), алх-м(шаг), тох-м(потник), ав-лһ(взятка), суу-лһ(ведро), хуч-лһ(пеленка).

Продуктивные аффиксы регулярно производят новые слова: диил-вр(победа), кел-вр(рассказ), шүү-вр(экзамен), шид-вр(решение), кедл-эч(работник), умш-ач(читатель), дөлд-эч(создатель), бээ-ц(быт), хэлэ-лт(смотреть), өргж-лт(развитие), хав-лт(благодарность) и др.

При помощи словообразовательных аффиксов образуются слова с новым лексическим значением; от слов, относящихся к одной части речи, часто образуются слова, относящиеся к другим частям речи, напр.: махн(мясо) — мах+ч(плотоядный, мясник), мах+с+х(хотеть есть мясо), мах+сг(любящий поевать мясо), мах+та(мясистый), мах+лыг(тучный), махы+а(мясной), махн+шң(как мясо, вроде мясо), мах+ш+х(становиться полным), (тучным), мах+ш+лһн(от махш — полнеть); аң(зверь), аң+һуч(охотник), аң+та(со зверем), аң+н+х(охотиться), аң+һуч+л(охотиться), аң+һуч+л+лһн(охота за зверем).

Ф о р м о о б р а з о в а т е л ь н ы й а ф ф и к с

Калмыцкий язык очень богат такими аффиксами. Они образуют различные грамматические формы, не связанные с синтаксическим употреблением. Одни формообразующие аффиксы, не затрагивая основных лексических значений слов, добавляют к их семантике некоторые оттенки значений. Сюда относятся аффиксы существительных в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательных в интенсивной, превосходной, ограниченной степенях, порядковых и собирательных числительных, залогов, некоторых видовых форм глаголов, напр.: зе(племянник) — зее+кэ(племян); бөл(двоюродный брат) — бөл+эшк(двою-

родный братишка); бичкн (маленький) — бичк+эхн (малосенький) — бичк+пр (маловатый); сэн (хороший) — сээ+хн (красивый), сээ+пр (довольно красивый); хойр (два) — хойр+хн (только два); шар (желтый) — шар+нху (желтоватый).

Другие формообразующие аффиксы, не изменяя лексического значения слова, передают лишь особые грамматические значения. К ним относятся аффиксы множественного числа существительных; аффиксы, образующие отрицательную форму глагола; аффиксы, образующие формы времени и наклонения глаголов, формы причастий, деепричастий и т.д.

С л о в о и з м е н и т е л ь н ы й а ф ф и к с

Иначе он называется окончанием. Это только падежные аффиксы. Флексии в собственном значении этого слова в калмыцком языке отсутствуют. Также в нем нет и префиксов.

Посредством словоизменятельных аффиксов выражаются отношения между словами в предложении и словосочетании. При словоизменении хотя и образуются различные формы слов, но они связаны только с синтаксическим употреблением — согласованием и управлением.

Корень вместе со словообразующей морфемой составляет основу слова. В калмыцком языке имеются в основном два типа основы: непроизводная и производная.

Н е п р о и з в о д н а я о с н о в а — это такая основа, которую невозможно разложить на какие-либо морфологические элементы. Такая основа иначе называется корневой, нечленимой, так как она совпадает с корнем. Непроизводная основа состоит из одной морфемы и представляет собой корень-слово, напр.: кун (человек), дегтр (книга), укр (корова), адун (табун), така (курица), хот (пища), хэлэ (смотри).

П р о и з в о д н а я о с н о в а — это такая основа, которая состоит из корня и словообразовательного аффикса. Производная основа иначе называется членимой основой, состоящей из двух и более морфем. В словах с производной основой корень является носителем части лексического значения. Лексическое же значение производной основы складывается из лексического значения корня и словообразовательных значений аффиксальных морфем основы: зур-ач (художник), дус-ал (капля), болмж (возможность), (достаточность).

Производная основа может состоять из корня и нескольких словообразовательных и формообразовательных аффиксов, напр.: сур-h-лнн(обучение), цэ-лн-вр(объяснение), дер-лд-эн(соревнование), еед-л-ул-лнн(повышение), шулг-л-эн(поэзия).

Производную основу образуют и заимствованные слова, поскольку они подчиняются законам калмыцкого словообразования и словоизменения: машина — маши-д-х(производить машиной), маша-д-ул-х(везать производить машиной), машини-зац-л-х(машинизировать), машини-зац-л-лнн(машинизация), силос — силос-л-х(силосовать), силос-л-лнн(силосование) и др.

Самостоятельную производную основу могут образовывать лексические корневые параллели, возникшие на почве диалектных различий, широко используемые теперь для обогащения словарного фонда языка: хув(часть, доля), хев(счастье, судьба); тугэх(распространять), төгэх(раздавать, распределять).

Морфемный состав производной основы показывает, что количество наращиваемых к корню слова аффиксов в калмыцком языке иногда доходит до семи и более, напр.: сур^hмж^лач^{нр}инэр "по-воспитательски", как воспитатели. Здесь корень слова сур(учись), h(аффикс побудительного залога), -сур^h(учи), -мж(аффикс образования имени существительного) — сур^hмж(воспитание), -л(глаголообразующий аффикс) — сур^hмж^л(воспитывай), -ач(имяобразующий аффикс) — сур^hмж^лач(воспитатель), -нр(аффикс множественного числа) — сур^hмж^лач^{нр}(воспитатели), -ин(аффикс родительного падежа), -эр(аффикс орудного падежа).

Слово керглжэхшлнн(не нуждается, не требует) состоит из керг(дело), -л — глаголообразующий аффикс(требуя), -ж — аффикс деепричастия(требуя), -э — морфема, восходящая к вспомогательному глаголу бэ(будь), -х — аффикс будущего времени(потребуется), -ш — отрицательная частица(не требует), -д — утвердительная частица(действительно не требует), -ин — подтвердительная частица. Как видно из указанных примеров, несмотря на сложность своей морфемной структуры, такие слова в целом воспринимаются как форма единого целого.

Разбор структуры указанных примеров позволяет заключить следующее:

1) последовательно присоединяемые к корню аффиксы в той или иной степени варьируются в зависимости от звукового состава гласных корня(основы) слова по закону гармонии гласных.

2) в производном слове каждый аффикс сохраняет свою морфологическую самостоятельность и имеет только ему присущее значение, т.е. является однозначным. Следовательно, содержание всего слова складывается из суммы значений корня и присоединяемых к нему аффиксов. Отсюда, чем больше слово обрывается морфемными элементами, тем больше осложняется его семантика;

3) при наращении нескольких аффиксов корень слова не претерпевает каких-либо больших фонетических изменений и может быть свободно отделен от последующих морфемных наслоений. Отсюда, основным критерием делимости слова является определение его морфемного состава. Морфемами называются обычно неразложимые единицы языка, имеющие определенное звучание и значение. Следует отметить, что в калмыцком языке на стыке морфем, иначе на морфемном шве, образуются усеченные корневые и аффиксальные морфемы. Это имеет место обычно в словах с конечным н и в аффиксе -лн, напр.: а) при словообразовании: усн(вода) + л — усл(напой) + лн — усллн(водопой); месн(лед) + т — мест(оледенить) + лн — местлн(оледенение); хурнн(ягненок) + л — хурлн(ягнись) + лн — хурллн(окот); б) при словоизменении конечный н выпадает в винительном, орудном(творительном) и совместном падежах: усн(вода) + та — уста(с водой) — имеющий воду), усн + ар — усар(водой), усн + ан — усан(свою воду), усл + лнн(водопой) + иг — усллнн(водопоя), ус + л + лнн + ар → усллнар(водопоем) и др. Во всех указанных примерах усеченными корневыми морфемами являются: ус-, мес-, хурн, а усеченными аффиксом -лн, восходящий к -лнн.

Усеченная корневая морфема, как видно, остается неизменной при любых словообразованиях и словоизменениях и может составлять исходную основу.

Производящая основа — такая основа, которая служит источником дальнейшего словообразования. Таким источником может быть простая и производная основа, т.е. основа, послужившая для образования данного слова. Производящая основа и словообразовательный элемент составляют модель образования слов — схему, по которой строится слово. Так, в словах тулч(телятник), адуч(табушник), хахач(свинарь) словообразующим аффиксом является -ч, а производящей основой соответственно тул(теленка), адун(табун), хаха(свинья). В слове бичэч(писатель) производящей основой является бич(пиши), от последней образовались слова: бич-г(письмо), бич-лнн(написание), бич-вр(записка), бич-мр(письменный). В этих родствен-

ных словах производной или корневой основой является бич (пиши). Она становится производящей основой для всех производных от нее слов.

Новое слово, образованное по соответствующей словообразующей модели, всегда имеет живую семантическую связь с производящей основой. В слове тохавч (подлокотник) производящей основой является тоха (локоть), а словообразующим аффиксом -вч. Отсюда ясно видна живая семантическая связь между производной и производящей основами, и эта связь является реальной. Производящая основа иначе называется мотивирующей. "Мотивирующая основа — это та часть мотивированного слова, которая является общей с основой мотивирующего слова...". Мотивирующее слово в словообразовательной цепи является исходным, иначе говоря, в этой цепи каждое предыдущее слово является мотивирующим по отношению к последующему. Показателем мотивированного слова является словообразующий аффикс, напр.: сурһульч (ученик). Здесь исходное мотивирующее слово сур (учись) -һ — аффикс побудительного залога — сурһ (учи, обучай), что является мотивированным по отношению к сур. В мотивированном слове сурһуль — сурһ + уль (учеба) глагольная основа сурһ становится производящей или мотивирующей по отношению к сурһуль. Последнее в свою очередь становится производящим или мотивирующим по отношению к слову сурһульч — сурһуль + ч (ученик). От глагольной основы сурһ — можно образовать и другие слова: сурһ + мж — сурһмж (воспитание), сурһ + лһн → сурһлһн (обучение), сурһ + ач → сурһач (учитель). Производное слово сурһмж (воспитание) может быть мотивирующим словом к слову сурһмжл ← сурһмж + л (воспитывай). Последнее становится мотивирующим словом к сурһмжлач ← сурһмжл + ач (воспитатель).

Как видно, в указанной словообразовательной цепи родственных слов исходным мотивирующим словом явилось слово сур (учи, учись), а затем глагольная основа в форме повелительного залога сурһ (учи).

Корневые основы. Такие основы по своей структуре могут быть свободными и связанными.

Свободная основа — это непроизводная основа (корень), которая, взятая отдельно, способна выражать лексическое значение слова. Она может употребляться в структуре слова как вместе с другими словообразовательными аффиксами, так и без них, напр.: кел (говори), кел + мһэ (говорливый), кел + лһн (говорение, рассказыва-

ние), кел + вр(рассказ), кел + лт(произношение).

Связанная основа. Связанной основой называется такая основа, которая без аффикса в структуре слова не встречается. Это часть основы, равная корню, всегда выступает в сопровождении других морфем, без которых не ясен смысл слова, т.е. его лексическое значение. Обратимся к слову суур(основа). Здесь суу – связанная основа, восходящая к суу(сиди), без аффикса -р не употребительна. Исторически было суури(саури → саури → соури → суури → суурь). Под влиянием гласного и аффикса -ри долгий гласный уу перешел в долгий үү. Точно таково и образование слова буур(стойбище, место установки юрты), восходящего к буу(слезай), исторически – баури → баури → боури → буури → бүүр. В слове мордх(сестра верхом, выходить замуж) усеченная основа мор – ныне непонятна. Исторически было морин(лошадь), теперь мерьн. В говоре донских калмыков сохранилась первичная основа морьн(лошадь).

С у п л е т и в н а я о с н о в а (сплетение основ)

Это такая основа, которая образовалась в результате сильного видоизменения звукового состава основы какого-либо слова. Поэтому состав звуков данного слова в одной форме порой становится не похожим на звуковой состав того же слова в другой форме, например, местоимения в косвенных падежах: би(я) – мини(мой), нанд(мне), намаг(меня); чи(ты) – чини(твой), чамд(тебе); тер(он) – терүне, түүнэ(его), терүг, түүг(его).

Супплетивную основу имеют слова э(бойся) и аул(бедствие). Эти слова восходят к первичной основе айи(бойся). Здесь элемент айи(-эй) развился в э:(бойся) и айи+ул→айиул(орфогр. айл)–бедствие. От основы э: в свою очередь образовалось э:мшиг(орфогр. ээмшг)– опасность.

С т р у к т у р а и м е н н ы х и г л а г о л ь н ы х о с н о в

Имена и глаголы в калмыцком языке, как было показано, имеют строго очерченную, последовательно нанизанную морфемную структуру. В отличие от русского языка морфемы, входящие в состав слова, являются грамматически однозначными. Они по своей структуре являются менее спаянными, менее синтетическими, более автономными, отсюда в целом довольно прозрачными, легко поддающимися разбору по составу.

Морфемная структура имен значительно проще глагольных. Производная именная структура слова может состоять из корня, словообразовательного аффикса, показателя числа и словоизменятельного аффикса: малчнрла (со скотоводами). Здесь мал(скот), -ч— аффикс словообразования, -нр— показатель множественного числа, -ла— аффикс соединительного падежа. Могут быть двойные падежные аффиксы малчнртаһан (со скотоводами), малчнринэр (как скотоводы). В первом примере -та— аффикс совместного падежа, -ан— возвратная частица, -һ является соединительным согласным, во втором примере -ин— аффикс родительного падежа, -эр— аффикс орудного падежа.

Морфемная структура глагола является разносторонней и сравнительно богатой. За корнем глагола, как собственно глагольного или производного, обычно следуют различные формообразующие аффиксы и частицы. При этом они имеют строго определенную последовательность расположения за корнем глагола: увлзувидн (зимовали). В этом слове наличествуют увл(зима), -з— глаголообразующий аффикс, -у— аффикс недавно прошедшего времени, -видн— лично-предикативная частица. I-го л. мн. ч. Как видно из указанного примера, за глагольной основой следует показатель времени, а затем— лично-предикативная частица. В тех случаях, когда встречаются залоговые формы в структуре глагола изъявительного и желательного наклонений, соблюдается такая последовательность: за глагольной основой могут непосредственно следовать аффиксы побудительного и страдательного залогов. При наличии аффиксов обоих этих залогов, обычно за глагольной основой следует аффикс побудительного залога, затем страдательного. После них— показатели времени, лица и окончания, точнее, лично-предикативная частица: би бичулгднэв (я подпишусь). В слове бичулгднэв корень бич (пиши), -ул— аффикс побудительного залога, -гд— аффикс страдательного залога, -нэ— аффикс настоящего-будущего времени, -в— лично-предикативная частица I-го л. ед. ч.

Аффиксы взаимного и совместного залогов в структуре глагола следуют за глагольной основой, но находятся перед аффиксами желательного или изъявительного наклонений: би зурлцсв (я желаю принять участие в рисовании). Здесь в слове зурлцсв: -лц— аффикс совместного залога, -с— аффикс желательного наклонения, -в— лично-предикативная частица I-го лица ед. ч.

Относительно употребления аффиксов побудительного залога необходимо отметить, что:

I) посредством аффиксов -а(э), -һ, -г, -х, -к обозначаются дей-

ствия, непосредственно переходящие на объект: күц(догони) + э — күцэ (выполняй, исполняй); сур(учись) + h — сурh (учи); күр(дойди) + г — күрг (дoveзи, отвези, отведи); соңс (слушай) + х — соңсх (уведоми, поставь в известность); ес (расти) + к — еск (выращивай).

2) посредством аффиксов -ул (-үл), -лн обозначаются действия, переходящие на объект через посредство кого-либо, через третье лицо.

Обе группы аффиксов в монголистике именуются одним общим названием — аффиксы побудительного залога. Однако следует разграничивать, называя первую группу аффиксами побудительного залога непосредственного действия, а вторую группу — опосредствованного действия. Такое разграничение вызывается не только учебно-методическими целями, но и лексико-семантическими.

В структуре глагола и отглагольных существительных аффиксы побудительного залога непосредственного действия, как правило, стоят за корнем (основой) глагола. За ними могут следовать аффиксы побудительного залога опосредствованного действия, но не наоборот: хур (соберись) + а → хура (собери) + лн — хуралн (заставь собрать). Отсюда хуралн + лн (собрание). Здесь -лн — аффикс, образующий отвлеченное имя существительное, обозначающее процесс действия. Таковы; сур (учись) + h — сурh (учи) + ул — сурхул (заставь обучать) + лн — сурхуллн (обучение); күр (дойди) + г — күрг (отведи) + үл — күргүл (заставь отвести); дас (учись, обучайся) + х — дасх (обучай) + ул — даскул (заставь обучаться); ес (расти) + к — еск (выращивай) + ул — ескул (заставь выращивать). К этим основам могут присоединяться аффиксы, образующие отглагольные имена существительные: еск + лн (выращивание), дасх + лн (обучение) и т. д.

Аффиксы совместного (-лц), взаимного (-лд), страдательного (-гд) залогов в сочетании с аффиксами побудительного залога имеют свои закономерности расположения в составе лексемы.

1. Аффиксы совместного и страдательного залогов обычно следуют за аффиксами побудительного залога непосредственного действия: күц (догони) + э — күцэ (исполняй, выполняй) + лц — күцэлц (совместно выполняй) или күцэ + гд — күцэгд (выполнись); нарh (выведи) + лц — нарhлц (выведи совместно). После них может следовать аффикс побудительного залога опосредствованного действия + ул (-үл): күцэлцүл (заставь совместно выполнить), күцэгд + үл (заставь выполнить).

2. Аффикс взаимного залога (-лд) является малопродуктивным

он обычно следует за глагольной основой: бэр(держи)+лц → бэрлц (держись взаимно), за ним может следовать аффикс побудительного залога опосредствованного действия: бэрлц+ул → бэрлцул(заставь держаться взаимно), бэргд +ул → бэргдул(заставь быть пойманным).

Аффиксы отглагольных существительных обычно присоединяются к указанным залоговым аффиксам: бэрлцул + лһн(обеспечение взаимного держания)—бэргдул + лһн → бэргдуллһн(заставить быть пойманным) и т.д.

Различные частицы, входящие в состав спрягаемого глагола или отглагольных существительных, имеют также свои закономерности размещения в слове. Они обычно следуют за временными аффиксами, но стоят перед лично-предикативными частицами: би бичлэ +л + в (я действительно написал), здесь -л- подтверждающая частица; би келх +ш+и+в(я не скажу): -ш- отрицательная частица; би келчклев (я уже сказал), здесь -чк- морфема, выражающая совершенность действия, восходящая к сочетанию деепричастного аффикса +ж и элемента -к от вспомогательного глагола орк, всегда ставится между глагольной основой и временным аффиксом. Таким образом, слова современного калмыцкого литературного языка имеют следующую структуру:

1) именные слова: корень + словообразующий аффикс(основа) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + притяжательная(возвратная, лично-притяжательная) частицы: туһл(теленок)+ч+нр+ар +н-туһлчврарн(своими телятниками), или хала(жесть)+ч+нр+ин+нь → халачнриннь(своих жестянщиков);

2) глагольные слова: а) корень(глагол)+ аффиксы залога + наклонения+ отрицательная частица+ вопросительная частица + предикативная (сказуемая) частица: бич+ул+гд+х+ш+и+в → бичулгдхшив (не подпишусь) или бич+ул+гд+шго+й+ч → бичулгдшгойч?(не подпишешься?) б) корень (имя) + глаголообразующий аффикс + аффиксы залога + наклонения + отрицательная частица + вопросительная частица: багш +л+ул+гд+ла+в → багшлугдлав(я вынужден был учительствовать) или эм+н+ул+гд+х+ш+и+й+ч? → эмнүлгдхшийч?(не хочу принять лечение?).

Как видно из указанных примеров, именные и глагольные основы имеют различную протяженность. Эта протяженность определяется морфемным составом слова. Чем больше в слове различных слагаемых морфем, тем больше протяженность слова. Протяженность глагольных основ в целом больше именных. Протяженность является одним из характерных признаков агглютинативных языков.

Рассмотренные слова по их протяженности позволяют выявить в них, во-первых, синтагматические отношения, которые связаны с линейностью речи и последовательностью появления элементов (единиц) речевой цепи, синтагматические отношения показывают морфемы, рассматриваемые по горизонтали. Сюда относятся, кроме корневых морфем, все словообразующие и формообразующие морфемы. Эти грамматические морфемы указывают на категорию предметов, признаков, явлений и обладают лексико-грамматическим или деривационным значением. Во-вторых, парадигматические отношения выявляются путем объединения слов по вертикали, связанных отношением противопоставления и отождествления множества слов по их общему грамматическому значению. Сюда относятся, например, словоизменятельные аффиксы и лично-предикативные частицы при склонении и спряжении:

нар + ин	мер + нэ	така + н	Би келу + в.
нар + т	мерн + д	така + д	Чи келу + ч.
нар + ла	мерн + лэ	така + ла	Бидн келу + видн.
нар + ас	мерн + эс	така + нас	Та келу + т.

В этих примерах по горизонтали выявляются корневые морфемы: нар(рука), мерн(лошадь), така(курица) — носители основного значения, кроме того, по вертикали — грамматические морфемы — ин, —э, —н, —т, —д, —ла, —эс, —ас, —нас — это падежные аффиксы, выражающие отношения между элементами речи. В примере спряжения по вертикали показаны лично-предикативные частицы: —в, —ч, —видн, —т. Как видно из указанных примеров, выделение морфем в языке основано на сопоставлении рядов слов как по вертикали, так и по горизонтали.

Таким образом, выяснение особенностей морфемной структуры именных и глагольных основ позволяет лучше раскрыть закономерности образования производящих основ.

1. При образовании глаголов от различных имен последние в свою очередь могут стать производящей основой для образования имен: ах(старший)+л → ахл(старшинствуй)+лнн → ахлнн(старшинствование); шир(краска)+д → ширд(крась, покрась)+лнн → ширдлнн(крашение); ширд+ул → ширдул(заставь покрасить)+лнн → ширдуллнн(велеть покрасить).

2. Свободное образование разного рода именных основ от залоговых основ глагола. Иными словами, от всех залоговых основ могут образовываться разного рода именные основы: хур(соберись)+а → хура(собери)+лн → хуралн(заставь собраться). Здесь первичная глагольная основа хур, вторичная — хура, третичная — хуралн. За

аффиксом непосредственного действия -а(-э) следует аффикс опосредствованного действия -лн. От каждой из этих производящих основ могут образовываться самостоятельные имена существительные: хур+лнн → хурлнн(сход), хур+а → хура(собери)+лнн → хуралнн(собрание, уборка), хура+мж → хурамж(сбор), хура + лт → хуралт(созыв), хура+лн → хуралн +лнн → хураллнн (собрание, уборка, накопление, скопление).

Для образования страдательной, совместной или взаимной формы достаточно вставить аффиксы указанных залогов к этим вновь образованным именам по отмеченной выше схеме, напр.: хура+гд+лнн (накопление), хура+гд+ул+лнн(накапливание).

3. В образовании залоговых производящих основ имеются свои закономерности:

а) посредством аффикса опосредствованного действия -лн образуется производящая основа: I. От глаголов действительного залога с конечными ясными гласными: суу(сиди)+лн → суулн(посади), квлэ(жди)+лн → квлэлн(заставь подождать). 2. От глаголов побудительного залога, образованных через аффикс непосредственного действия -а(-э): бүрд+э(организуи)+лн → бүрдэлн(заставь организовать) ис+э(заквась)+лн → исэлн(заставь заквасить);

б) посредством аффикса опосредствованного действия -ул(-ул) образуется производящая основа: I. От глаголов побудительного залога, образованных через аффиксы непосредственного действия: -л, -х, -г, -к (они обычно имеют после себя редуцированные гласные): торн(зацепи)+ул → торхул(заставь зацепить), кург(дове́ди)+ул → кургул(заставь отвести), босх(подними)+ул → босхул(заставь поднять), еск(выращивай)+ул → ескул(заставь выращивать); 2. От глаголов действительного залога (первичной основы) с конечными редуцированными гласными: кел(говори)+ул → келул(заставь говорить), умш(читай)+ул → умшул(заставь читать), бич(пиши)+ул → бичул(заставь писать).

В тех случаях, когда производящая основа образуется от основы побудительного залога, создаются три производящие глагольные основы: первичная (корень глагола), вторичная (первичная основа плюс аффикс побудительного залога непосредственного действия) и третичная (основа побудительного залога плюс аффикс опосредствованного действия).

В тех случаях, когда к первичной глагольной основе присоединяется аффикс опосредствованного действия, создаются две про-

изводящие основы: первичная (корень) и вторичная (корень плюс аффикс побудительного залога опосредствованного действия).

От указанных производящих основ, в свою очередь, образуются имена посредством присоединения к ним соответствующих словообразовательных аффиксов.

Изложенное выше об основах позволяет заключить, что производное слово по своей структуре является всегда двухчленным, т.е. состоит из производящей основы и словообразовательного аффикса. В зависимости от того, сколько в производном слове словообразующих аффиксов, столько имеется и основ. В монголистике принято называть эти основы первичной, вторичной и третичной и т.д.

При этом следует строго разграничивать производную основу от производящей. От последней может быть образовано много производных слов на разных уровнях, производящая же основа всегда ограничена.

Изложенное схематически выглядит так:

КУЦ догони, достигни	КУЦэ выполни, исполни, достигни	КУЦэлh заставь выполнить, достичь
КУЦ-Х догнать, достичь	КУЦэ-Х выполнить, исполнить, достигать	КУЦэлh-Х заставить выполнить, исполнить
КУЦ-лhн догснка, достижение	КУЦэ-лhн выполнение, исполнение, достижение	КУЦэлh-лhн принуждение выполнить, достичь
КУЦ-ц полный, завершённый	КУЦэ-гч исполнительный, исполнимый	КУЦэлh-гч принудительный к выполнению
КУЦ-м возможный к достижению, выполнению	КУЦэ-м исполнимый, выполнимый, достижимый	КУЦэлh-мр возможный выполнить, достигнуть
КУЦ-гч догоняющий,	КУЦэ-мж достижение	КУЦэлh-м возможный заставить, выполнить
КУЦ-л цель, задача	КУЦэ-мжтэ успешный КУЦэ-лт успех КУЦэ-лттэһэр успешно	КУЦэлh-мжтэһэр с успехом

В указанных примерах наличествуют общность корня, семантическая мотивация и соответствующие аффиксы — обязательные приэ-

наки словообразовательного гнезда. Здесь три производящие основы: күц, күцэ, күцэлһ. От каждой из них образованы отдельные производные слова на разных уровнях, количество их, с точки зрения форм, можно увеличить: күц—күцлт, күцмж, күцэр, или от күцэлһ — күцэлһул, күцэлһмж, и др., что не допускается в плане лексическом, так как это не создает новое слово. При наличии же параллельного образования, напр.: күцлт или күцэлт, күцэмж следует считать нормой ту форму, которая несет смысловую нагрузку, связанную с побуждением, а не с самопроизвольным процессом. В данном случае производящей основой должна быть основа, образованная через посредство аффикса побудительного залога непосредственного действия: күцэ — күцэмж, күцэлт, а не күц — күцмж; күцлт.

От слова ес(расти) побудительный залог непосредственного действия будет еск(выращивай). Но вместе с тем по аналогии в диалектах встречается ескэ со значением "выращивай" или күргэ(доведи), даалһа(поручай). В этих случаях следует исходить из основных аффиксов, образующих непосредственное действие —к, —г, —һ. Отсюда побудительный залог опосредствованного действия будет ес-күл(заставь выращивать), күргүл(заставь довести, отвести), даалһул(поручи).

Правильное употребление аффиксов при образовании новых слов позволяет произвести известную терминологизацию лексики, например, күцэмж(достижение), күцэлт(успех). От последних по парадигматической линии сначала было образовано наречие күцэмжтәһэр(успешно), а теперь параллельно начинает образовываться наречие күцэлтәһэр(успешно) от основы күцэлт(успех). В обоих случаях —тәһэр — это сочетание аффиксов совместного и орудного падежей. Эти падежные окончания в указанной застывшей форме становятся аффиксом, образующим наречие от отглагольных имен.

О м е р т в е в ш а я о с н о в а. В калмыцком языке встречаются корни-первоосновы, которые, исторически являясь давними, утратили свою непосредственную связь с кругом производных от них слов. Эти корни-первоосновы в отдельно взятом виде в настоящее время не воспривимаются носителями языка. Они стали труднопонимаемы без соответствующего исторического анализа. Они теперь не употребительны, от них нельзя образовывать новые слова, например, де. Эта первооснова встречается в словах дөөр(лучше, наверху), дөөгүр(поверху), дөөж(почетное блюдо), дөөд(верхний?), дөөдс(небожители), дөөгшән(наверх), дөөвр(крыша), дөөрк(верхний).

Омертвевшими корнями являются, например, цу-, ху- в словах цусн (от чисун(кровь)), хусм(береза). В словах цаасн(снег), цаасн(бумага), цаан(белый), ца(северный олень), цаатн, цатаны(олевководы), корень - первооснова ца- исторически, видимо, связан с понятием "светлый", "белый". Но его смысл теперь не воспринимается, и от него нельзя образовать новые слова.

В калмыцком языке имеются глаголы, в которых неразложимые корни являются омертвевшими: диил от дэ-йи-л(победа), ула от ула-йи(красней), шуу-л(разорви, сдери).

Этимологический анализ позволяет заключить, что при сопоставлении шуул(разорви, сдери) и шуур(разорвись, сдерись) ясно выделяется корень-первооснова шу-, значение которого не воспринимается без живых аффиксов -л и -р.

В выражении шу тусх(лопнуть) наличествует первооснова шу, значения которой в отдельно взятом виде также непонятно. В слове ниилх(соединиться, объединиться) выделяется в калмыцком и монгольском языках корень-первооснова нэйи → нэй → нии(согласие, единение, совокупно). Однако ниилх воспринимается как одно неразложимое корневое слово, так как корень -первооснова ни- в отдельно взятом виде стал почти не употребительным.

Значительное количество калмыцких слов имеют непродуктивный аффикс -сн. Слова с данным аффиксом можно разделить на две группы. К одной группе следует отнести слова, в которых нельзя отделить данный аффикс, иначе остается непонятным корень. Эти корни только в сочетании с аффиксом -сн дают одно определенное значение: мөсн(лед), хорһсн(овечий помет), чивһсн(струна), заһсн(рыба), арһсн(кизяк), хамтхасн(лист). К другой группе относятся слова, в которых корень-первооснова может быть выделен и объяснен при тщательном анализе, например, көөсн(пена) от көөх(разбухать), шуусн(сок) от шуух(процедить), утци(нитка) - утасун от ут(длинный!), хальсн(оболочка, кожа, скорлупа) от хальх(переваливать через что-либо), һосн²(сапоги), түрсн³(икра).

Наряду с аффиксом -сн встречается аффикс -асн(-эсн). В словах, образованных посредством аффикса -асн(-эсн), корень слова легко выделяется и сохраняет свое основное значение. Так, в словах зурасн(чертеж), татасн(черточка, линия, тире), хадасн(гвоздь, сучок), керчэсн(зарубка), бүркэсн(крышка) корень восходит соответственно к зурх(чертить), татх(тянуть), хадх(забить, заколотить), керчх(резать), бүрхх(накрывать, крыть). Данный аффикс тоже являет-

ся непродуктивным. Посредством его теперь новые слова не образуются.

Можно допустить, что аффикс -асн(-эсн) представляет собой сочетание аффикса причастия настоящего времени -а(-э) с непродуктивным аффиксом -сн, в котором произошло комбинированное образование подобно аффиксу -ач(-эч). Данный аффикс исторически восходит к сочетанию аффикса этого же причастия -а(-э) с аффиксом деятеля -ч: тосхач(строитель), бичэч(писатель), телеүзэч(телезритель).

Комбинированным является и непродуктивный аффикс -ар(-эр), произносящийся как -а:рь(-э:рь). В нем аффикс -а(-э) восходит к аффиксу причастия настоящего времени -а(-э), сочетающемуся с аффиксом -рь(-ри): малта:рь(пройма) от малтх(копать), шалда:рь(обмазка), (штукатурка) от шалдх(обмазывать), үдә:рь(шов из тонких жованных ремешков-виток) от үдх(простегивать).

Встречаются и другие комбинированные аффиксы, теперь ставшие непродуктивными, напр.: -һсн: зорһсн(стружка), в котором глагольный корень -зор(строгать), -һсн - комбинированный аффикс, состоящий из -һ+сн. В слове харһнх(голодать) предполагается корень хар(черный) и комбинированный аффикс -һ+н.

Могут быть отдельные совпадения аффикса -асн(-эсн) с подобными морфемами, напр.: хурнясн(морщина). Исторически хурнийасун → хурниасун → хурн'а:сын. Комплекс ийа развился сначала в -да, затем в долгий а:. Вместе с тем элемент я этого комплекса смягчил предшествующий согласный н. Стало быть данный долгий а: не имеет никакого отношения к причастному аффиксу -а.

Следует отличать аффикс -сн причастия прошедшего времени от указанного выше словообразовательных омертвевших аффиксов -сн, -асн(-эсн). Причастный аффикс прошедшего времени образуется посредством аффикса -сн от глагольных основ действительного и побудительного залогов, напр.: күц(догнай), күцә(выполняй), зов(мучайся), зова(мучай). Отсюда күцсн(догнавший), күцәсн(выполненный), зовсн(страдавший), (мучавшийся), зовасн(мучавший).

Исторические изменения в составе слова

В современном калмыцком языке наблюдается немало случаев, когда слово, благодаря фонетическим процессам, потеряло связь с основой. Утрата значений отдельными частями слова, вызванная фонетическими изменениями, привела к обособлению данного слова от

соответствующих ему родственных слов. В результате этого слово изменяет свою форму и приобретает иное значение, границы между морфемами стираются или становятся трудноопределяемыми.

Одним из таких морфологических процессов, вызвавшим изменение словообразовательной структуры слова, является опрощение или "сращение морфем". Так, в слове сурул (мунштук, чубук) корень сур неотделим от аффикса -ул. Исторически сур - восходит к сор - (высасывай): произошла регрессивная ассимиляция. Теперь "сурул" сохранился как мунштук, чубук, а от корня сор (высасывай) образовалось новое слово сорул (насос). Таким образом, образовались две отдельные основы: сорул и сурул. В слове альчур (платок) произошла регрессивная ассимиляция. Корень альч не имеет самостоятельного значения. Он восходит к арчи (вытирай). Отсюда арчул (тряпка), альчур (платок).

Собственное имя Киште образовалось от кишиг (счастье) и -тэ — аффикс совместного падежа, форма имени образовалась в результате опрощения. Имеются примеры живого процесса опрощения: кишгэ ~ кишвэ ~ кишва ~ кишго (плохой, нехороший), в которых киш - восходит к кишиг (счастье), а элементы -гэ, -ва (-вэ), -го - это варианты отрицательной частицы уга (←угагэ) - нет.

Благодаря опрощению язык пополняется новыми корневыми морфемами, которые, потеряв старые родственные связи, становятся центрами новых словообразовательных гнезд и соединяются с новыми аффиксами.

В калмыцком языке в образовании отдельных вопросительных слов, союзов и наречий определенную роль сыграл процесс, связанный с опрощением. Так, союзное слово эсклэ (или) образовалось от отрицательной частицы -эсэ (не) и аффикса условного деепричастия -клэ.⁴ Вопросительное слово ыгад (почему) восходит к ын? (что?), глаголу ги (←гэ) — говорить и аффиксу разделительного деепричастия -ад (←эд). Первичная основа в наречиях тегэд (затем), тиигэд (таким образом) восходит к одному корню тэ, который теперь не осознается.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что при опрощении морфемная структура слова становится более простой, на месте двух, трех морфем появляется одна или две, вследствие чего появляются слова с новой морфемной структурой, что в свою очередь нередко вызывает трудности в их анализе.

Другим морфологическим процессом, вызвавшим изменение мор-

фемной структуры слова, является переразложение. Суть этого процесса заключается в перемещении границ между морфемами в результате перехода одного или нескольких звуков из состава одной морфемы в состав другой. В словах, претерпевших переразложение, количество морфем не изменяется (часть одной морфемы отходит к другой морфеме). Рассмотрим, например, словосочетание келчадад (не смог сказать). В ходе исторического развития в сочетании келд йадад выпал согласный й, а аффикс деепричастия -д ассимилировался в -ч и слился с -адад в чадад. Отсюда су чадад (не смог сидеть), у чадад (не смог выпить) и т.д.

В современном калмыцком языке наблюдается процесс живого переразложения. В сочетаниях типа келэд бээнэ (продолжает говорить) происходит выпадение согласного б в слове бээнэ (есть), отход согласного д деепричастного аффикса -ад (-эд) к ээнэ: келэ дээнэ (продолжает говорить, говорит и говорит). Здесь корневое слово кел (говори) приобретает форму причастия настоящего времени келэ (все говорит). В действительности -э — это начальный элемент деепричастного аффикса -ад (-эд), составивший омоним с аффиксом названного причастия -а (-э): йова (продолжает идти), тэрэ (продолжает сеять), сууна (продолжает сидеть).

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й   и   э т и м о л о г и ч е с к и й   а н а л и з

При морфемном анализе, как известно, в центре внимания находится членимость слова на значимые части, т.е. морфемы. При этом разбор слова по составу проводят обычно от производного слова к корню. Так, в слове шунһадулһин (будем активизировать) наличувуют -һн — утвердительная частица, -х — аффикс будущего времени, -ул — аффикс побудительного залога опосредствованного действия, -д — аффикс глагола, -һна — аффикс, образующий имя прилагательное, -пун — корень слова, первичная основа (старайся, активизируйся).

При словообразовательном анализе ставится вопрос: "Как образовано данное слово?" Словообразовательный анализ осуществляется в последовательности от производного слова к производящей основе. Для этого каждая рассматриваемая производная основа последовательно членился на две части, "из которых первая часть есть первая основа производящая по отношению к данной производной, а вторая — аффикс, посредством которого эта производная основа создана из производящей. Но в свою очередь данная производящая

может быть производной от какой-нибудь производящей...”⁵ Так, в слове туурмжлулһн (прославление) первичная основа туур- (славься) будет в то же время производящей основой по отношению к производной основе туурмж (слава). Последняя, в свою очередь, становится производящей основой по отношению к производной основе туурмжл (прославляй). Посредством аффикса -ул образуется побудительный залог туурмжлул (заставь прославлять), что становится производящей основой к туурмжлулһн. В этой сложной словообразовательной цепи три производящие основы: туур, туурмж, туурмжлул и столько же словообразовательных аффиксов: -мж, -л, -лһн.

В калмыцком языке словообразовательный и этимологический анализы в основном совпадают, но встречаются слова, этимология которых без исторического экскурса непонятна. Эти слова можно сгруппировать на:

1) морфемная структура которых определяется путем исторического анализа: некд (помощник), в нем -д- аффикс множественного числа, восходит к некер (друг, приятель, супруг). Конечный -р при образовании множественного числа обычно выпадает. Слово позже приобрело второе значение (товарищ) и новый аффикс множественности -муд: некдмуд (товарищи);

2) структура и смысл которых определяется этимологическим анализом: некедур (послезавтра) восходит к неге (другой) + едер (день); кемжэна (кто знает) образовано от кен (кто) + медж (знает) + бээнэ (есть); кишгэ ~ кишва ~ кишго (плохой, нехороший) восходит к кишг (счастье) + үгэi (нет). Исторически эi развился в э или а(э), конечный г слова кишг и начальный ү частицы үгэi выпали. Отсюда видно, что уга, -го, -гэ, -ва восходят к үгэi.

Этимологическому анализу подвергаются слова по своему морфемному составу: умшув (я читал) ← умш (читай) + у + в (← ба) — аффикс недавнего прошедшего времени, в — предикативная частица I-го л. ед. ч., восходящая к би (-я).

При анализе калмыцких ласкательных имен и терминов родства обнаруживается довольно распространенное использование русского аффикса: -ушк в виде -ш, -ашк, -эшк, -ишк, -ушк: Нохашк, отсюда Нохашки, э, белэшк (двоюродный брат) — сыновья двух сестер) ← бел + эшк; наһцхашк (сын дяди по матери) ← наһцх + ашк; Доржашк (имя) ← Дорж + ишк; Явашк (имя) ← Яван, (Иван) + ашк, отсюда Явашкиев, Санжашк (имя) ← Санж + ушк и т. д.

1. Русская грамматика. М., 1980. С. 134.
2. В бурятском языке годобон(унты) от годойхо(торчать), как отмечает Т. А. Бертагаев. См. Лексика современных монгольских языков. М., 1974. С. 170.
 В калмыцком языке годосун встречается в "Сиддит кыр", в котором после выпадения среднего слога до осталось форма носн.
3. В монгольском языке тур-с, бурятском - туринэн. Т. А. Бертагаев считает возможным образование этого слова от корня турих(выкидывать), (выбрасывать). Там же. С. 171.
4. Морфема -кле (-хлэ) восходит к -гхлэ. В живой речи наряду с эсклэ бытует эс гхлэ. Здесь ги(сказать, говори) восходит к старописьменному -гэ, -х— к старописьменному -кү(аффикс причастия будущего времени, -ла(-лэ:)) — аффикс соединительного падежа. В результате гаплогонии и опрошения гхлэ развился в -кле образовав с частицей эсэ особое союзное слово эсклэ.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 441

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПАВЛОВА Д.А.

Монографии, учебники и учебные пособия для вузов

1. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. - Элиста, Калмиздат, 1963, 6,0 п.л.
2. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. - Элиста, Калмиздат, 1968, 15 п.л.
3. Исследования по калмыцкому языку и письменности. - Элиста, Калмиздат, 1971, 4,5 п.л.
4. Тодо бичиг (Старописьменный калмыцкий язык).- Элиста, Калмиздат, 1979, 15 п.л.
5. Фонетика современного калмыцкого языка (дополненное издание).- Элиста, Калмиздат, 1983, 13 п.л.
6. Грамматика калмыцкого языка. Разделы « Морфология: общие сведения , имя существительное», « Графика и орфография».- Элиста, Калмиздат, 1983, 8,0 п.л.
7. Каракольские калмыки и их язык. -Элиста, изд.КалмГУ, 1990, 4 п.л.
8. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. - Элиста, изд.КалмГУ, 1994, 17 п.л.

Словари.

1. Орфографический словарь калмыцкого литературного языка. - Элиста, Калмиздат, 1964, 1973, 1992, 17 п.л.
2. Русско-калмыцкий словарь (совм. с коллективом авторов). -М: 1964, 3 п.л.
3. Калмыцко- русский словарь (совм. с коллективом авторов)- М: 1977, 2,6 п.л.
4. Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка (совм. с коллективом авторов).- Элиста, Калмиздат, 1968, 2,0 п.л.

Учебники, методические пособия и программы для школ.

1. Обучение правописанию на калмыцком языке в школах для малограмотных. - Саратов, 1932, 4,0 п.л.
2. Книга для чтения на калмыцком языке в школах для малограмотных. - Элиста, Калмиздат, 1933, 6,0 п.л.
3. Программа калмыцкого языка для русских групп. - Ж-л «За соц.культуру» №2,3, 0.4 п.л.
4. Букварь калмыцкого языка для начальной школы. - Элиста, Калмиздат, 1938, 1941, 6,0 п.л.

5. Алфавит калмыцкого языка на русской основе. - Элиста, Калмиздат, 1938, 2,0 п.л.
6. Сборник систематических диктантов (для учителей начальных классов на калмыцком языке).- Элиста, Калмиздат, 1938, 1940,1960, 7,2 п.л.
7. Книга для чтения (Умшлһна дегтр).- Элиста, Калмиздат, 1939, 1941, 7,0 п.л.
8. Правила калмыцкой орфографии (для учителей калмыцкого языка)- Элиста, Калмиздат, 1940, 1959, 6,0 п.л.
9. Сборник орфографических упражнений для 4 класса.- Элиста, Калмиздат, 1940, 6,0 п.л.
- 10.Букварь русского языка для взрослых (совм. с Хочиновой А.).- Элиста, Калмиздат, 1940, 8,0 п.л.
- 11.Чикәр бичлһнә зокал (пособие для учителей).- Элиста, Калмиздат, 1940,1959, 5,0 п.л.
- 12.Умшлһна дегтр (совм. с Манжиновым Б.). Элиста, Калмиздат, 1941 , 7,0 п.л.
- 13.Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис (совм. с Очировым У.У.).- Элиста, Калмиздат, 1941, 10 п.л.
- 14.Үзгәл. Букварь калмыцкого языка для начальной школы. - Учпедгиз, Калмиздат, 1957, 1959, 1961, 1966, 1969, 8,7 п.л.
- 15.Программа по калмыцкому языку для начальной школы. - Элиста, Калмиздат, 1957,1960, 1071, 1978, 1981, 3,0 п.л.
- 16.Родная речь (Төрскн келн) для 1 класса, - Учпедгиз, 1960, 1963, 8,5 п.л.
- 17.Родное слово (Төрскн үг). Книга для чтения в 1 классе (совм. с Бадмаевой К.). - Элиста, Калмиздат, 1969, 14 п.л.
- 18.Харада. Учебник калмыцкого языка для 1 класса с русским языком обучения. - Элиста, Калмиздат, 1971, 1973, 1978, 1982, 13,5 п.л.
- 19.Баир. Букварь для подготовительного класса калмыцких школ. - Элиста, Калмиздат, 1981, 10,5 п.л.
- 20.Программа по калмыцкому языку для детских садов (совм. с Буруловой С. и Лиджиевой Б.).- Элиста, Калмиздат, 1981, 4,0 п.л.
- 21.Грамматические таблицы по калмыцкому языку для средней школы. ч.1,2.- Элиста, Калмиздат, 1981, 1085, 31 п.л.
- 22.Программа по калмыцкому языку для подготовительных классов (совм. с Менженовой М.).- ИУУ, 1981, 1,0 п.л.
23. Хальмг келнә диктансин хураңһу (1 - 4 класс). - Элиста, Калмиздат, 1994, 8,0 п.л.
- 24.Төрскн үг (2 класс) (совм. с Джинцановой Е). - Элиста, Калмиздат, 1987, 1994, 9,0 п.л.

Научные статьи.

1. К истории создания тодо бичиг. - Ученые записки КНИИЯЛИ, 2, 1962.
2. Уральский говор и некоторые вопросы фонетической системы калмыцкого языка. - Ученые записки КНИИЯЛИ, 3, 1964.
3. К вопросу о нормах калмыцкого литературного языка. - Ученые записки КНИИЯЛИ, 7, 1969.
4. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов. Ученые записки КНИИЯЛИ, 7, 1969.
5. Некоторые вопросы развития калмыцкого языка по тодо бичиг. - Ученые записки КНИИЯЛИ, 7, 1969.
6. Зая-Пандита - создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка. - Сб. КНИИЯЛИ «320 лет старокалмыцкой письменности», 1970.
7. Грамматическое оформление заимствованных слов. - Ученые записки КНИИЯЛИ, 11, 1973.
8. Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке. - Сб. «Исследования по восточной филологии» М.: - 1974.
9. Система склонений имен существительных в калмыцком языке. - Сб. КНИИЯЛИ «Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка» - М.: 1976.
10. Основные этапы развития современной калмыцкой письменности. - Сб. КНИИЯЛИ «Вопросы грамматики и лексики современного калмыцкого языка» - М.: 1976.
11. В.Л. Котвич и реформа старокалмыцкой письменности. - Сб. «Проблемы алтаистики и монголоведения», вып. 2, М.: 1975.
12. Начальный этап перехода Калмыкии на новую письменность. - Сб. КалмГУ «Актуальные проблемы калмыцкой филологии», 1979.
13. Спряжение глаголов калмыцкого языка. - Сб. КНИИФЭ «Глагол и глагольные формы современного калмыцкого языка», 1979.
14. Б.Б. Бадмаев и разработка современной калмыцкой письменности. - Сб. КалмГУ «Актуальные проблемы калмыцкой филологии», 1979.
15. «Джангар» и развитие современного калмыцкого литературного языка. - Сб. «Джангар и проблемы эпического творчества монголоязычных народов». М.: 1980.
16. Почему мы так пишем. - Сб. КНИИФЭ «Вопросы грамматической системы монгольских народов». 1980.
17. Фонетическое освоение заимствований в калмыцком языке. - Ж-л. «Теегин герл» 3, 1981.

18. Этнический состав и диалектная база современного калмыцкого языка. - Сб. тезисов Всесоюзной конференции «Этнокультурные процессы в современном мире», Элиста, 1981.
19. Редуцированные гласные в калмыцком языке. - Сб. «Теоретические проблемы восточного языкознания». часть 5, М: 1982.
20. Состав слова и словообразование в калмыцком языке. - «Грамматика калмыцкого языка», Элиста 1983.
21. О функциях редуцированных гласных. - Сб. «Теоретические проблемы восточного языкознания». часть 6, 1983.
22. Владимирцов Б. Я. и ойратские говоры. - Сб. КНИИФЭ, 1983.
23. О названии некоторых калмыцких этносов. - Ж-л «Теегин герл», 1985.
24. Каракольские калмыки. - Этнографический сборник КНИИФЭ, 1985, газета «Хальмг үнн» в 4-х номерах 1984.
25. Формирование и развитие калмыцкого национального калмыцкого языка. Авт. сб. «Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка». - Элиста, 1994.
26. Становление и развитие единых норм калмыцкого литературного языка. Авт. сб. «Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка». Элиста, 1994.

15 статей из последнего раздела были также переизданы в авторском сборнике «Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка» Элиста 1994 г.

В данный перечень не входят свыше 60 публикаций по вопросам языкового строительства, графики, грамматики, лексикологии и диалектологии, истории развития калмыцкого языка, русско-калмыцкого двуязычия, методики преподавания, опубликованных в 1933-40-х годах в Трудах 4-ой конференции по вопросам языкового строительства (1935 г), в журналах «За социалистическую культуру», в 1957-90-х годах в газетах «Советская Калмыкия», «Хальмг үнн», в журналах «Теегин герл», а также в некоторых других изданиях. В вышеприведенный перечень не вошли также свыше 40 статей по общим вопросам просвещения и культуры калмыцкого народа в различных массовых изданиях, десятки статей на общественные и общественно-политические темы.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

- 12 марта 1912 г. - родился в селе Кердата (Амур-Санан) Большедербетовского улуса (Городовиковского района) Калмыкии в крестьянской семье.
- Июнь 1933 г. - окончил Саратовский пединститут; будучи студентом был организатором школ ликбеза в период « культштурма».
- Июнь 1933 г. -
сентябрь 1939г.- практическая работа в школах, горono и Министерстве просвещения Калмыцкой АССР. Одновременно участвовал в мероприятиях по языковому строительству в Калмыкии.
- Сентябрь 1939г.-
июль 1941 г. - аспирант Института востоковедения АН СССР.
- Июль 1941 г. -
февраль 1944 г. - служба в рядах 17-й армии (воинское звание - капитан).
- Апрель 1944 г. -
апрель 1948 г. - заместитель директора ремесленного училища и преподаватель русского языка, гор. Бийск Алтайского края.
- Июнь 1948 г.-
октябрь 1953 г.- инженер производственного и начальник планового отдела межрабкоопинсоюза (объединение производственных артелей инвалидов) г. Бийск.
- Октябрь 1953 г.-
февраль 1957 г. - начальник отдела труда и зарплаты швейной фабрики, г. Бийск.
- Февраль 1957г.-
февраль 1960 г.- инспектор-методист Калмыцкого облоно и директор Калмыцкого института усовершенствования учителей.
- Февраль 1960 г.-
январь 1964 г. - заведующий сектором, заместитель директора, старший научный сотрудник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ)
- Январь 1964г.-
декабрь 1967 г.- заместитель Председателя Совета Министров Калмыцкой АССР.
- Декабрь 1967 г.-
октябрь 1970г.- старший научный сотрудник КНИИЯЛИ.
- Октябрь 1970 г.-
июнь 1995 г. - старший преподаватель, заведующий кафедрой, профессор кафедры калмыцкого языка госуниверситета.

17 октября 1996 г - кончина.

Профессор Павлов Д. А. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 1963 г., докторскую - в 1970 г.. Он был удостоен почетных званий «Заслуженного деятеля науки республики Калмыкии» в 1972 г., «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации» в 1984 г., является «Отличником народного просвещения России» и «Отличником высшего образования СССР». За военную службу во время Великой Отечественной войны, за добросовестный труд и общественную деятельность Павлов Д.А. был награжден рядом правительственных медалей, отраслевыми нагрудными знаками, многочисленными почетными грамотами, отмечен наградами всесоюзных и всероссийских общественных организаций. Был депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ученый-калмыковед Д.А.Павлов	5
Слово об отце	10
Из предисловия к первому изданию	12
Калмыцкий литературный язык	
Формирование и развитие калмыцкого национального литературного языка	17
"Джангар" и развитие калмыцкого литературного языка	38
Становление и развитие единых норм калмыцкого литературного языка	47
Калмыцкий язык и письменность	
К истории создания "Тодо бичиг"	70
Зая-Пандита – создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка	91
В.Л.Котвич и реформа старокалмыцкой письменности	114
Основные этапы развития современной калмыцкой письменности	130
Начальный этап перехода Калмыкии на новую письменность	153
Почему мы так пишем	159
Грамматическое оформление заимствованных слов в калмыцком языке,	170
Вопросы фонетики и грамматики калмыцкого языка	
Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо бичиг"	179
Развитие дифтонгов и монофтонги в калмыцком языке	203
Редуцированные гласные калмыцкого языка	213
Фонетическое основание заимствований в калмыцком языке	221
Система склонения имен существительных в калмыцком языке	230
Спряжение глаголов калмыцкого языка	245
Состав слова и словообразование в калмыцком языке	259
Список научных работ Д.А.Павлова	279
Биографическая справка	283

Дорджи Антонович Павлов

**Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка
Сборник научных статей
Издание второе**

Подписано в печать 20. 11. 2000.

Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага газетная.

Усл. печ. л. 16,74. Заказ 3217. Тираж 250

ЛР № 010169 от 07.02.97.

Отпечатано в АПП "Джангар", 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

